ГОДЪ I-й.

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

ПРОТИВОСЕКТАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1896 ГОДЪ

М. Іюль—Августъ. Книга 1-я.

«Яко же посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы». Іоанн. XX, 21.

«Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому израилеву». Мѳ. X, 6.

«Скорбь ми есть велія по братіи моей». Римл. IX, 1—3.

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., домъ № 4.
1896.

Печатать дозволяется, 11 Іюля 1896 г. Цензоръ Профессоръ Академіи,
Свящ. *І. Корольковъ*.

Разсказы гр. Л. Толстого въ отношенiи ихъ къ православному вѣроученiю.

Между разсказами графа Льва Толстого, написанными въ послѣднемъ перiодѣ его литературной дѣятельности и имѣющими религiозно-нравственный смыслъ, первое мѣсто занимаетъ разсказъ подъ заглавiемъ: «Чѣмъ люди живы»? Ангелъ Божiй, по имени Михаилъ, получилъ отъ Бога повелѣнiе вынуть душу у женщины, недавно лишившейся мужа и только что родившей двухъ младенцевъ—дѣвочекъ. Ангелъ поколебался исполнить это повелѣнiе, которое показалось ему жестокимъ («нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить»). За это колебанiе ангелъ былъ посланъ на землю, чтобы узнать, «что есть въ людяхъ, и чего не дано людямъ, и чѣмъ люди живы». Нашедши себѣ прiютъ у бѣдняка сапожника, онъ узналъ, что въ людяхъ есть любовь; изъ случая съ богатымъ толстякомъ, который заказывалъ себѣ сапоги съ условiемъ, чтобы они носились цѣлый годъ, и былъ чрезъ нѣсколько часовъ пораженъ смертiю,—узналъ онъ, что людямъ не дано знать, чего имъ для своего тѣла нужно; наконецъ, узнавъ, что дѣти той вдовы, изъ которой онъ вынулъ душу, вскормлены и съ любовiю вырощены чужой женщиной, онъ узналъ, что люди живы любовiю.

Но если въ людяхъ есть любовь, то откуда взялся этотъ надменный богатый толстякъ («морда красная, налитая, шея какъ у быка, весь какъ изъ чугуна вылитъ»,—аттестуетъ его

любвеобильный авторъ), который ругаетъ смиреннаго сапожника безъ всякой причины, грозитъ ему острогомъ, если онъ дурно сошьетъ ему сапоги? Значитъ въ людяхъ не одна любовь, есть и надменность, и своекорыстіе, и жестокость. Любовь есть обязанность, выполненіе которой столь не совершенно, что всегда люди остаются должниками предъ Отцемъ небеснымъ, заповѣдавшимъ любовь. Кто имѣетъ ее, въ томъ она по необходимости должна весьма часто направляться на защиту слабаго, больного и бѣднаго отъ надменности, презрѣнія и жестокости тѣхъ, которые питаютъ чувства, противоположныя любви. Если бы мы увѣровали въ то, что въ людяхъ есть, вселилась и осуществилась во всей полнотѣ христіанская любовь, то это привело бы насъ къ отрицанію и полной отмѣнѣ всѣхъ преградъ, полагаемыхъ для дѣйствія другихъ чувствъ и побужденій (своекорыстныхъ, враждебныхъ). Но для сего не настала пора, потому что любовь есть только требованіе, исполняемое далеко не во всей полнотѣ; признать ее за вполнѣ дѣйствующую и все благоустрояющую силу—значитъ обмануть себя призрачнымъ утѣшеніемъ, усыпить себя мечтательною надеждой, вмѣсто того, чтобы быть постоянно на стражѣ для бодраго противодѣйствія (посредствомъ суда, обороны) тому, что противоположно любви. Но пусть въ людяхъ есть любовь (хотя, конечно, не во всѣхъ). Въ чемъ же она можетъ проявляться, если людямъ не дано знать, чего имъ нужно? «Не дано было знать матери, чего ея дѣтямъ для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человѣку: сапоги на живаго, или босовики ему же, на мертваго, къ вечеру нужны.—Остались живы сироты не тѣмъ, что обдумали ихъ, а тѣмъ, что была любовь въ сердцѣ чужой женщины, и она пожалѣла, полюбила ихъ». Однако эта добрая женщина «обдумывала» своихъ пріемышей, когда заказывали имъ у сапожника башмаки и говорила: «вотъ съ этой (дѣ-

вочки) двѣ мѣрки сними, на кривенькую ножку одинъ башмачекъ сшей, а на пряменькую три. Унихъ ножки одинакія— одна въ одну». Говоря это, она конечно знала, сколько нибудь, что имъ нужно, и въ этомъ знаніи не ошибалась (хотя въ другомъ случаѣ могла и ошибаться). И раньше, когда она растила ихъ, то также знала, что имъ нужно, чтобы не умереть съ голоду или отъ какой нибудь болѣзни. Вообще, въ чемъ бы могла выражаться и состоять наша любовь къ ближнему, если бы мы совершенно не знали, чего ему нужно, что ему полезно, и что ему опасно или вредно? Все это мы можемъ знать только по самимъ себѣ, по собственному опыту, по нашимъ страданіямъ, бѣдствіямъ, неудачамъ, или (напротивъ) радостямъ и успѣхамъ. Если бы мы рѣшительно не знали, что намъ самимъ нужно, то не могли бы мы знать и того, что нужно другимъ, а тогда не въ чемъ было бы намъ выразить и свою любовь къ другимъ. Милосердый самарянинъ возливаетъ на раны *впадшаго въ разбойники* масло и вино, даетъ содержателю гостинницы два динарія, говоря: позаботься о немъ, и если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ (Лук. 10, 33—36). Все это дѣлается, конечно, на основаніи извѣстнаго представленія о томъ, въ чемъ нуждается израненный, едва живой человѣкъ. Любовь, не руководимая такимъ представленіемъ, бездѣйствовала бы и терялась бы въ незнаніи, что сдѣлать для ближняго. Одинъ изъ великихъ, но осуществимыхъ, подвиговъ любви въ томъ и состоитъ, чтобы на основаніи собственнаго опыта и опыта другихъ пріобрѣсти и ясное познаніе о томъ, что и когда человѣку нужно, чѣмъ и когда можно ему послужить. На этомъ основаны сложныя человѣческія учрежденія, государственныя, церковныя, общественныя, благотворительныя, попечительныя, имѣющія цѣлію по возможности обезпечить для людей пользованіе благами временными и достиженіе благъ вѣчныхъ, изыскивать для этого наиболѣе вѣрныя средства и настойчиво

осуществлять ихъ. Для того и данъ человѣку разумъ (хотя и ограниченный), чтобы знать, чего ему нужно; этотъ разумъ и руководитъ любовь, чтобы она могла выражаться въ дѣлахъ, истинно полезныхъ нашему ближнему, чтобы она могла разумными и дѣйственными мѣрами ограждать его отъ всего того, что ему гибельно.

Если въ рѣшеніи первыхъ двухъ вопросовъ у автора слышатся неправильныя ноты, то тѣмъ болѣе въ рѣшеніи третьяго: чѣмъ люди живы? Вопросъ поставленъ въ формѣ слишкомъ общей. Живутъ и праведники, живутъ и злодѣи; общаго между жизнью тѣхъ и другихъ очень мало; одни живутъ честнымъ трудомъ, а другіе насиліемъ и обманомъ. Какъ можно сказать, что всѣ люди живутъ любовію? Не принимается ли и здѣсь требуемое, желаемое, заповѣдуемое, за дѣйствительное и существующе? Желательно, чтобы всѣ люди любили другъ друга, чтобы эта любовь составляла руководительное начало ихъ жизни, чтобы въ ней заключалось и вѣрнѣйшее обезпеченіе нашего временнаго и вѣчнаго счастія. Такъ заповѣдуетъ и Господь дающій намъ спасительные законы и указующій истинныя цѣли для нашей жизни. Но это не значитъ, что такъ есть и на самомъ дѣлѣ. Чтобы сказать, что люди живы только любовію, для этого требуется измѣнить или понятіе о жизни, или понятіе о любви.

Если мы усвоимъ такое понятіе о жизни, что живетъ только тотъ, кто любитъ, что только жизнь любящаго человѣка можетъ быть названа жизнію, что жизнь не любящаго, напротивъ, есть смерть, тогда, конечно, мысль, что люди живы (т. е. имѣютъ истинную жизнь) только любовію, не будетъ содержать въ себѣ ничего страннаго и будетъ сообразна съ ученіемъ Евангелія, которое поставляетъ истинную жизнь въ истинномъ богопознаніи (Іоанн. **17**, 3) и въ искренней любви къ Богу и ближнему (Іоанн. **3**, **14**). Повидимому и

гр. Толстой хочетъ внушить читателю такое-же понятіе о жизни. «Въ лицѣ» сапожника, думающаго только о томъ, какъ себя съ женой шубой прикрыть и хлѣбомъ прокормить, ангелъ видитъ смерть; а когда этотъ сапожникъ рѣшается сдѣлать доброе дѣло, высказать любовь, то становится «какъ живой». Тоже и жена сапожника: пока она хочетъ выгнать бездомнаго Михаила (ангела), «мертвый духъ идетъ у нея изо рта», Михаилъ не можетъ «продохнуть отъ смрада смерти» и знаетъ онъ, что умретъ она, если выгонитъ его. Когда же она перемѣнилась—«въ ней уже не было смерти, она была живая». Такимъ образомъ любовь въ человѣкѣ есть основа и существо истинной жизни (а не всякой, потому что есть и не истинная жизнь), и любящій есть въ тоже время и истинно живущій.

Но измѣнивъ понятіе о жизни, разумѣя подъ жизнію только истинную, исполненную любви—жизнь, гр. Толстой не ограничился этимъ и измѣнилъ представленіе и о любви; это не только чувство человѣческое, не только образъ нашихъ дѣйствій въ отношеніи ближняго; это есть нѣчто высшее и большее, уже не человѣческое, а божественное; это есть Богъ. Въ лицѣ сапожника ангелъ «узналъ Бога»; въ его женѣ онъ такъже «узналъ Бога». «Богъ есть любовь», заключаетъ ангелъ свою рѣчь къ пріютившимъ его людямъ, предъ своимъ отшествіемъ отъ нихъ и возвращеніемъ на небо. Отсюда слѣдуетъ (черезъ перемѣну понятія о любви, чрезъ то, что она обожествляется), что если люди живы любовію, то, значитъ, они живы Богомъ. Становится понятнымъ и отвѣтъ на первый вопросъ: въ людяхъ есть любовь. Это значитъ: въ людяхъ есть Богъ.

Что же вытекаетъ изъ всего этого? Если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что истинно живетъ только тотъ, кто любитъ, и что въ тоже время любовь божественна, любовь и есть то, что называютъ Богомъ, то будетъ слѣдовать, что

бытіе Божіе сокращается и умножается по мѣрѣ того, какъ люди перестаютъ любить или возрастаютъ въ любви. Если же утвердимся въ той мысли, что Богъ есть нѣчто большее, чѣмъ человѣкъ и его сердце (1 Іоанн. 3, 20), и что въ тоже время Онъ и есть именно то, что называется въ насъ любовію, то будетъ слѣдовать, что присутствіе или отсутствіе въ нашемъ сердцѣ и въ нашихъ дѣйствіяхъ любви есть дѣло не отъ насъ зависящее; если нѣтъ въ насъ любви, то конечно это зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога, Который не вселился въ насъ (тогда какъ Онъ и есть именно то, что называется любовію). Первый выводъ есть атеистическій: нѣтъ никакого истинно такъ называемаго Бога, нѣтъ ничего, что было бы выше человѣка, находилось за предѣлами его ограниченнаго бытія. Второй выводъ ведетъ къ безнравственному успокоенію нашего сердца въ той мысли, что человѣкъ не воленъ ни любить, ни ненавидѣть, ибо любовь есть только присутствіе въ немъ Бога, а ненависть есть отсутствіе Бога.

Вся эта запутанная философія гр. Толстого безмѣрно ниже яснаго и чистаго, вразумительнаго и библейскаго воззрѣнія. По ученію Слова Божія, хотя всѣ люди живутъ, но не всѣ живутъ истинною жизнію; нѣкоторые живутъ жизнію, которая равна и подобна смерти (1 Іоанн. 3, 14). Истинная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы познавать Бога и любить Его, равно какъ и любить брата, или ближняго. Но эта любовь не есть Богъ, ибо Богъ по совершенству и безконечному превосходству Своего бытія неизмѣримо возвышается надъ человѣкомъ; наша любовь есть лишь подобіе той любви, которая составляетъ основу божественной жизни и дѣятельности. Вообще свойства и дѣйствія Безконечнаго Существа выставляются въ образецъ человѣку для подражанія, но не дѣлаются чрезъ это его собственными. Святость Бога, милосердіе Его, всепрощеніе Его, равно какъ и любовь, должны находить себѣ подобіе въ нашихъ дѣйствіяхъ и чувствованіяхъ

не дѣлаясь чрезъ это нашими. (Матѳ. 5,48; 6, 14; Лук. 6, 36). Богъ, Коему поклоненіе и служеніе вмѣняются намъ въ обязанность Евангеліемъ, не есть любовь, общая всѣмъ любящимъ, но есть Лице (или Троица Лицъ), безмѣрно изобилующее любовію. Пребываніе Его въ тѣхъ, которые подражаютъ Ему въ любви, есть милостивое снисхожденіе, а не тождество между бытіемъ безконечнымъ и конечнымъ, безначальнымъ и сотворённымъ.

Послѣ толстовскихъ разсужденій о Богѣ и любви естественно слышать отъ сектантовъ, что Богъ — въ самомъ человѣкѣ, что Его не нужно нигдѣ искать внѣ человѣка; что кто любитъ ближняго, тотъ имѣетъ въ себѣ Бога, такъ какъ эта самая любовь и есть Богъ, что ему нечего искать спасенія и вѣчной жизни, такъ какъ любовь, или — что то же—Богъ, и есть эта самая жизнь. Къ чему тогда храмы, какъ особыя жилища Божества, къ чему жертва Евхаристійная, молитвы и пощенія, какъ средство примиренія съ Нимъ, если Богъ не имѣетъ личнаго бытія, а имѣетъ бытіе въ иномъ, въ человѣкѣ, въ прочихъ живыхъ созданіяхъ, причастныхъ любви и жизни. Но такой Богъ не есть Богъ, а есть созданіе человѣческаго вымысла. Въ самомъ дѣлѣ, подъ именемъ Бога мы разумѣемъ Существо совершеннѣйшее, Которому свойственно все лучшее и высшее. Несомнѣнно, что бытіе личное и самостоятельное лучше чѣмъ безличное (воздухъ, земля и прочія стихіи) и лучше чѣмъ бытіе не самостоятельное, наблюдаемое и находимое въ чемъ либо иномъ (теплота, чистота, добродѣтели, любовь). Если же мы будемъ почитать за Бога любовь людей, то будемъ приписывать Ему бытіе и не личное и не самостоятельное, слѣдовательно худшее, а съ такимъ бытіемъ существо недостойно имени Бога.

Въ своихъ повѣстяхъ гр. Толстой затемняетъ истинное понятіе какъ о Божественномъ Существѣ, такъ и о Христѣ. Какъ усматривается у него стремленіе превратить Божествен-

ное Существо изъ личнаго въ безличное, такъ подобное же стремленіе замѣчается у него и въ отношеніи Христа: онъ хочетъ образъ личнаго Христа замѣнить чѣмъ то безличнымъ, существующимъ въ разныхъ людяхъ, изъ коихъ каждый можетъ сказать о себѣ: я Христосъ, хотя ни одинъ не можетъ сказать этого о себѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Церковь говоритъ это о Сынѣ Дѣвы, страдавшемъ, вознесшемся и паки грядущемъ. Для уясненія Толстовскихъ воззрѣній на этотъ предметъ очень важна его повѣсть: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ».

Самое заглавіе этого разсказа указываетъ на его руководящую мысль, на его связь съ разсказомъ: «Чѣмъ люди живы», въ которомъ усмотрѣли мы отступленіе отъ вѣры въ живаго личнаго Бога и уклоненіе къ мысли о Богѣ, какъ о любви и жизни. Содержаніе вполнѣ подтверждаетъ ожиданія, внушаемыя заглавіемъ.

Сапожникъ (это ремесло, по мнѣнію Толстого, должно быть, болѣе другихъ способствуетъ и соотвѣтствуетъ воспріятію новыхъ религіозныхъ истинъ и откровеній) Мартынъ Авдѣичъ, зачитывающійся Евангеліемъ, слышитъ однажды въ дремотѣ таинственный голосъ: «смотри завтра на улицу, приду». И вотъ Авдѣичъ весь слѣдующій день поджидаетъ къ себѣ—Христа. Но вмѣсто Христа онъ принимаетъ у себя и поитъ чайкомъ прозябшаго усталаго дворника Степаныча, солдатку съ груднымъ ребенкомъ обогрѣваетъ и кормитъ, миритъ старую торговку яблоками съ уличнымъ мальчуганомъ, стянувшимъ у нея яблоко...

По прошествіи дня, когда Авдѣичъ раскрылъ Евангеліе, таинственный голосъ сталъ шептать ему: «Мартынъ, а Мартынъ! или ты не узналъ Меня? Вѣдь это Я. И выступилъ изъ темнаго угла Степанычъ, улыбнулся и какъ облачко разошелся.—Это Я, сказалъ голосъ. И выступила изъ темнаго угла женщина съ ребенкомъ, засмѣялся ребеночекъ, и тоже

пропали.—И это Я, сказалъ голосъ,—выступила старуха и мальчикъ съ яблокомъ; и оба улыбнулись, и тоже пропали. —И радостно стало на душѣ Авдѣича, перекрестился онъ, надѣлъ очки и сталъ читать Евангеліе—тамъ, гдѣ открылось. И на верху страницы онъ прочелъ: и взалкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня, былъ странникомъ, и вы приняли Меня. И въ низу страницы прочелъ еще: Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. И понялъ Авдѣичъ, что не обманулъ его сонъ, что точно приходилъ къ нему въ этотъ день Спаситель его, и что точно онъ принялъ Его».

Итакъ, Христосъ, это—Степанычъ, это—солдатка съ ребенкомъ, это старуха съ мальчикомъ, являющіеся, улыбающіеся и пропадающіе: что можетъ сравниться съ этимъ по дикости, безумію и кощунству? Всякій христіанинъ ищетъ общенія съ тѣмъ Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божіимъ и Сыномъ Дѣвы, Который насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія сшелъ съ небесъ и воплотился и вочеловѣчился и пострадалъ при понтійскомъ Пилатѣ и былъ погребенъ и воскресъ и восшелъ на небеса и сѣдитъ одесную Отца и грядетъ судить живыхъ и мертвыхъ. А гр. Толстой хочетъ замѣнить Его Степанычами, солдатками и старухами! Почитая евангельскаго Христа, христіанинъ ищетъ приблизиться къ Нему молитвой, соединиться съ Нимъ чрезъ таинства, запечатлѣть въ своей мысли Его образъ посредствомъ созерцанія священныхъ изображеній, или иконъ. А. Толстой говоритъ: Христосъ есть не иной кто, какъ тѣ люди, которые нуждаются въ твоей помощи и получаютъ ее отъ тебя. Понятно, что чрезъ это Христосъ у Толстого исчезаетъ, какъ исчезаютъ, или пропадаютъ, призраки, являющіеся сапожнику Мартыну Авдѣичу.

Правда Христосъ сказалъ: «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ».

Но говоря эти слова Господь очевидно не отожествляетъ Себя съ «сими братьями»; если бы Онъ былъ одно и тоже съ ними, то конечно не назвалъ бы ихъ меньшими по сравненію съ Собой: меньшее не есть одно и тоже съ большимъ; по сему алчущій, жаждущій, странникъ не есть Христосъ, а есть только меньшій братъ Христа. Христосъ, по милости Своей, только принимаетъ дѣло доброе, сдѣланное для Него Самого; но Себя съ этими братьмя за-одно и тоже не объявляетъ. Онъ говоритъ: «это для Меня»,—но не говоритъ: «это Я». Подобнымъ образомъ Господь говорилъ: «принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ, а принимающій Меня, принимаетъ Пославшаго Меня (Іоанн. **13**, 20)». И здѣсь три дѣла (принятіе апостоловъ, принятіе Самого Христа, принятіе Отца) принимаются за одно; но лица остаются различными: апостолы не тоже, что пославшій ихъ Христосъ, а Христосъ уже самымъ посланничествомъ отличается отъ Отца, пославшаго Его.

Хорошо побуждать людей къ благотворенію, но разсказы, подобные двумъ выше изложеннымъ, могутъ затмить и затмѣваютъ въ сознаніи и чувствахъ людей образъ высочайшаго Отца, Виновника бытія людей, ихъ Законодателя и Судіи, а также и образъ историческаго, личнаго и присносущнаго Христа,—а между тѣмъ Христосъ сказалъ апостоламъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоанн. **15**, 5). Кто утратилъ Христа, тотъ не способенъ къ истинному благотворенію.

Несомнѣнно лучшимъ разсказомъ Л. Толстого является его разсказъ: «Два старика». Два пожилыхъ крестьянина, Ефимъ и Елисей, собрались на поклоненіе святынѣ въ Іерусалимъ. Практичный и разсчетливый Ефимъ достигъ Іерусалима, а добродушный и простой Елисей застрялъ на дорогѣ въ малороссійской деревушкѣ, и большую часть де-

негъ, назначенныхъ на путешествіе, употребилъ на то, чтобы спасти отъ голодной смерти незнакомую семью, въ хату которой онъ зашелъ только для того, чтобы напиться. Такъ и не дошелъ Елисей до Іерусалима, но за то спасъ и поставилъ на ноги погибавшихъ бѣдняковъ. Съ художественнымъ мастерствомъ очерчены характеры дѣйствующихъ лицъ и та постепенность, съ которою развивается и созрѣваетъ на почвѣ истинной доброты искреннее благотвореніе. Но и здѣсь, конечно, Толстой остался вѣренъ себѣ. Вотъ какими словами разсказывала Ефиму о томъ, что сдѣлалъ Елисей, женщина, мать того семейства, которое было имъ облагодѣтельствовано. «Намъ нельзя странниковъ не привѣчать. Мы отъ странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказалъ насъ Богъ такъ, что всѣ только смерти ждали. Дошли лѣтось до того, что всѣ лежали, и ѣсть нечего, и больны. И помирать бы намъ, да послалъ намъ Богъ такого вотъ какъ ты, старичка. Зашелъ онъ среди дня напиться, да увидалъ насъ, пожалѣлъ, да и остался съ нами. И поилъ, и кормилъ, и на ноги поставилъ, и землю выкупилъ и лошадь съ телѣгою купилъ.. Не приди онъ къ намъ (говорилъ мужикъ хозяинъ),—мы бы всѣ въ грѣхахъ померли... Помирали мы въ отчаяніи, на Бога и на людей роптали. А онъ насъ и на ноги поставилъ, и чрезъ него мы и Бога узнали, и въ добрыхъ людей увѣровали». Очевидно слова эти говоритъ не русскій вѣрующій крестьянинъ, а религіозная философія гр. Толстого. Русскій крестьянинъ познаетъ Бога въ проявленіяхъ не только Его милосердія, но и Его правосуднаго гнѣва. Въ голодный 1891—92 годъ русскіе мужички умирали безъ ропота, съ молитвой на устахъ, со свѣчками въ рукахъ, одѣвшись въ чистыя рубахи; грамотные сами себѣ читали отходную... Таковъ конецъ человѣка, вѣрующаго не только въ любовь Божію, но и въ Его правосудіе, и въ неизслѣдимость путей, которыми

ведетъ Онъ насъ къ вѣчному спасенію. Но графъ Толстой ограничилъ бытіе Божіе одною любовію, притомъ узко понимаемою; мало того, онъ поставилъ Его за одно съ любовію человѣческою, вообразилъ, что Богъ есть принадлежность человѣческаго сердца. И вотъ онъ влагаетъ въ уста крестьянина рѣчи своего собственнаго направленія: «чрезъ него (Елисея) мы узнали Бога».

Если бы Богъ имѣлъ бытіе только въ людяхъ, только въ сердцахъ ихъ, какъ ихъ любовь, то конечно и познаніе Его могло бы получаться только чрезъ обращеніе съ людьми, имѣющими такую любовь. Но Богъ имѣетъ бытіе вѣчное, неизмѣнное, отъ людей независимое, существуетъ Самъ въ Себѣ и познается въ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ Своей всесвятой жизни.

С. Кохомскій.

Законъ и свобода совѣсти въ отношеніи къ лжеученію и расколу*).

Глава 2-я

Взглядъ современныхъ представителей западной культуры на происхожденіе и историческія условія образованія уголовнаго законодательства относительно еретиковъ и раскольниковъ и основныя начала его у западно-европейскихъ христіанскихъ народовъ да конца 18-го вѣка.

Въ ходѣ отношеній человѣка къ вѣрѣ вообще и формулировкѣ этихъ отношеній, какъ въ видѣ опредѣленныхъ основныхъ началъ, такъ и въ видѣ уголовныхъ законовъ по предметамъ вѣры, представители современной культуры и цивилизаціи различаютъ двѣ системы или формаціи: старую—наслѣдіе прежнихъ временъ, и новую—прямой продуктъ современной культуры и цивилизаціи. Какъ, и при какихъ исто-

---

*) См. Май—Іюнь, кн. 1, стр. 42.

рическихъ условіяхъ создалась старая система уголовнаго кодекса по преступленіямъ противъ вѣры вообще и, въ частности, относительно еретиковъ и раскольниковъ? На эти вопросы современные цивилизованные люди отвѣчаютъ такъ. Не можетъ быть и рѣчи о преступленіяхъ противъ вѣры у первобытнаго человѣка, какъ не существуетъ у него и государственныхъ преступленій. Пока племена живутъ разсѣянно, пока ихъ вѣрованія представляютъ обрывки темныхъ, неопредѣленныхъ суевѣрій, пока вѣрованія не сложились въ твердые опредѣленные догматы, пока религія не организовалась, пока не сложился извѣстный культъ, съ организованною кастою, или сословіемъ жрецовъ,—вѣдающихъ дѣла религіи,—до тѣхъ поръ у разсѣянныхъ племенъ мы не находимъ преступленій противъ религіи. Послѣднія, какъ и государственныя преступленія, появляются вмѣстѣ съ объединеніемъ племенъ, съ организаціею общества въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Въ древнихъ государствахъ, существовавшихъ какъ въ Азіи и Африкѣ, такъ и въ Европѣ, вмѣстѣ съ ихъ организаціею и сложеніемъ религій въ національный культъ, возникаютъ и преступленія противъ вѣры *).

Въ законахъ египетскихъ, индійскихъ, еврейскихъ, вавилоно-ассирійскихъ, персидскихъ, китайскихъ, греческихъ и римскихъ мы встрѣчаемъ постановленія о преступленіяхъ противъ вѣры. Оскорбленіе божества, неуваженіе къ святынѣ и оскверненіе ея, клятвопреступленіе, святотатство, неисполненіе обрядовъ или приверженность къ отжившимъ *обрядамъ стараго*, первобытнаго культа—вотъ тѣ дѣйствія, которыя въ законахъ этихъ народовъ объявлены были преступленіями противъ вѣры, обложенными тяжкими казнями. Но вслѣдствіе того, что религіи этихъ народовъ были вполнѣ національны и не заключали въ себѣ идеи объединенія, онѣ лишены были стремленія къ прозелитизму и не считали себя за единственно истинныя, за такія, которыя должны быть приняты каждымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ данному государству. Вотъ почему исторія знаетъ такъ мало дѣйствій, объявленныхъ въ законахъ этихъ народовъ

*) Наблюдатель, 1882 г., Мартъ, 104 стр.

уголовными преступленіями, дѣйствій, вытекавшихъ, съ одной стороны, изъ прозелитизма, съ другой стороны изъ духа нетерпимости *).

Вопросъ о преступленіяхъ противъ вѣры дѣлаетъ рѣшительный шагъ съ возникновеніемъ религій не національныхъ только, но, если можно такъ выразиться, общенародныхъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ христіанская религія. Утвержденіе и торжество христіанской религіи среди древнихъ и новыхъ народовъ, восточныхъ и западныхъ, поставило вопросъ о преступленіяхъ противъ вѣры на ту почву, на которой онъ до сихъ поръ стоитъ. Новая постановка этого вопроса въ новѣйшихъ европейскихъ законодательствахъ возникла изъ прежней постановки, безъ уразумѣнія которой нельзя понять и ее.

Христіанская религія, по самому существу своему, содержала начала религіи общенародной. Провозгласивъ идею единаго Бога, общаго Отца всѣхъ народовъ и Покровителя всѣхъ трудающихся, обремененныхъ и угнетенныхъ, она по одному этому должна была распространиться среди самыхъ различныхъ народовъ, которые постепенно ее воспринимали **). Отсюда, появившись въ Римской имперіи, она сдѣлалася началомъ, объединяющимъ народы Римской имперіи въ сферѣ религіозной, подобно тому, какъ императорство явилось объединяющимъ началомъ въ сферѣ политической ***). Еще будучи гонимою, христіанская религія стала твердо держаться ученія абсолютной ортодоксіи, т. е. что **она только есть единая истинная религія**, а всѣ прочія суть плоды заблужденій человѣческихъ, что внѣ христіанской религіи нѣтъ и не можетъ быть спасенія, что о семъ спасеніи долженъ заботиться каждый, и что спасти душу человѣческую, путемъ хотя бы насильственнаго присоединенія къ христіанской религіи, есть обязанность каждаго вѣрующаго. Отсюда духъ прозелитизма, замѣтный въ христіанствѣ при самомъ его возникновеніи. Но пока христіанская Церковь сама была гонима, она всѣ силы свои обращала на то, чтобы отстоять свое существованіе защитою своихъ истинъ проповѣдью началъ вѣротерпи-

*) Тамъ-же, стр. 104.

**) Наблюдатель, 1882 г., Мартъ, стр. 105.

***) Тамъ-же, стр. 106.

мости, изложеніемъ доказательствъ того, что исповѣдующіе христіанскую вѣру суть люди мирные, добрые и полезные государству граждане. Къ этому періоду относится организація церковной іерархіи. Когда христіанская религія была объявлена господствующею въ имперіи, церковная іерархія явилась уже вполнѣ сложившимся учрежденіемъ. Съ этихъ поръ образъ дѣйствія церковной іерархіи измѣняется. Воспитанная въ гоненіяхъ, она усвоила себѣ не идеи вѣротерпимости, которыя во время гоненій были ей благопріятны, а идеи противоположныя, *идеи абсолютной ортодоксіи, идеи исключительнаго монопольнаго прозелитизма*. Нетерпимость римскаго языческаго правительства не только была усвоена христіанскою церковью, но и доведена до послѣднихъ крайнихъ выводовъ, дальше которыхъ нельзя идти.

Признавая христіанскую вѣру единою истинною религіею угодною Богу, а всѣ остальныя тяжкимъ, богопротивнымъ заблужденіемъ, представители христіанской церкви признали себя вправѣ, въ качествѣ служителей этой религіи, всячески противодѣйствовать всему тому, что являлось отступленіемъ отъ ея догматовъ, и содѣйствовать разными средствами всему, что способствовало ея распространенію въ массахъ *).

На этихъ началахъ была построена система преступленій противъ вѣры въ прежнихъ законодательствахъ христіанскихъ народовъ. Уже законы первыхъ христіанскихъ императоровъ Римской имперіи, принявшихъ христіанство, проникнуты были тѣмъ-же духомъ нетерпимости по отношенію къ религіозному разномыслію, ересямъ, расколамъ и отступленію отъ христіанской вѣры. Эти законы продиктованы были церковью и ея представителями и составлены въ соотвѣтствіе съ постановленіями соборовъ и сочиненіями церковныхъ авторитетовъ **). Пастыри церкви скоро позабыли времена угнетеній и преслѣдованій христіанства, чтобы отстаивать неприкосновенность свободы вѣроисповѣданія, признанную въ 322 году знаменитымъ эдиктомъ Константина и Лицинія ***). «Среди епископовъ, стоявшихъ во главѣ христіанской церкви, говоритъ Маассенъ, кажется не было

*) Тамъ-же, стр. 107.

**) Тамъ-же, стр. 107.

***) Котляревскій, указ. сочин., 9 стр.

ни одного, который могъ-бы предостеречь императора отъ нарушенія имъ-же самимъ провозглашеннаго принципа свободы совѣсти» *). Отцы же церкви послѣдующаго времени, хотя и выступали на защиту свободы совѣсти, какъ напр. Иларій, св. Аѳанасій, св. Іоаннъ Златоустъ, утверждавшіе, что миръ въ церкви не можетъ иначе водвориться, какъ дарованіемъ возможности жить всѣмъ по своему убѣжденію, безъ всякаго рабскаго понужденія, что истина провозглашается не мечемъ, но путемъ убѣжденія и назиданія, ибо Господь не понуждаетъ, а предоставляетъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря: «кто хочетъ послѣдовать за Мною», что христіанамъ не дозволено разрушать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ,—напротивъ, они должны дѣйствовать для спасенія людей путемъ убѣжденія, вразумленія и кротости: но эта защита, говорятъ, раздавалась обыкновенно въ виду притѣсненій, которымъ подвергалась православная церковь со стороны сектантовъ, и такимъ образомъ носила какъ бы характеръ самозащиты **). Притомъ-же «защита свободы не всегда выдерживалась великими учителями церкви; нерѣдко и изъ ихъ устъ раздавались слова нетерпимости, какъ напр., изъ устъ Златоуста, который, объявивъ убѣжденіе и любовь единственно истиннымъ средствомъ разрушенія заблужденій, впослѣдствіи допускалъ для еретиковъ лишеніе свободы и не удержался отъ разрушенія языческихъ храмовъ и отъ поощренія неоднократными письмами монаховъ, посланныхъ въ Финикію, къ подобному-же предпріятію» ***). При слабости защиты въ первые вѣка христіанства со стороны представителей церковной власти принциповъ свободы совѣсти и вѣротерпимости, эти послѣдніе, (принципы) послѣ миланскаго эдикта, не могли имѣть продолжительнаго, устойчиваго существованія и практическаго примѣненія и скоро были нарушены. Починъ нарушенія принципа свободы совѣсти сдѣланъ былъ самимъ-же Константиномъ, немного спустя послѣ

*) Маассенъ, Девять главъ о свободѣ совѣсти и свободной Церкви. Перев. Н. Суворова, Ярославль, 1884 г., 46 стр.

**) Котляревскій, указ. сочин., 9 стр.; Тернеръ, Свобода совѣсти и отношеніе государства къ Церкви. Сборникъ государственныхъ знаній, III т., 7—8 стр.; Маассенъ. указ. соч., 52—59 стр.; Осокинъ, Первая инквизація, 401 стр.

***) Тернеръ, указ. соч., 7—8; Котляревскій указ. соч., 10 стр.

изданія указаннаго эдикта, сначала по отношенію къ іудеямъ, а потомъ и язычникамъ*). Слѣдующіе императоры, на которыхъ христіанскіе писатели возлагаютъ миссію распространенія новой религіи, предпринимаютъ сначала разрушеніе языческихъ храмовъ, истребленіе идоловъ, а затѣмъ переходятъ къ преслѣдованіямъ самихъ язычниковъ. Страница исторіи перевертывается: та самая защита, которою прежде государство охраняло языческую государственную религію, переходитъ на сторону христіанской. Денежные штрафы, лишеніе гражданскихъ правъ, конфискація имущества, разные виды тѣлесныхъ наказаній и смертная казнь, прежде угрожавшіе послѣдователямъ христіанства, теперь перешли на язычниковъ**).

Но христіанскіе императоры не ограничиваются признаніемъ привиллегіи христіанства предъ язычествомъ; они берутъ на себя роль протекторовъ того изъ христіанскихъ вѣроученій, которое они считаютъ истиннымъ. Уже Константинъ объявилъ, что привиллегіи, дарованныя религіи, должны принадлежать только каѳолической церкви, а не еретикамъ и схизматикамъ. Нѣтъ для него ничего болѣе ненавистнаго, какъ расколы: сохраненіе единства, спокойствія и мира въ церкви стоитъ у него на первомъ планѣ***). Основная идея Константина была та, что императоръ не только долженъ защищать и поддерживать христіанскую церковь, но и направлять ее, руководить ею****). Эти идеи нашли себѣ истинную опору не только, какъ мы сказали, въ авторитетѣ выдающихся писателей церкви, но и въ свѣжихъ традиціяхъ языческаго государственнаго строя, признававшихъ охрану и руководство государственнаго культа обязанностью императоровъ. Такимъ образомъ, прерогативы языческаго императора, какъ главы религіознаго, были перенесены и на христіанскаго, чѣмъ послѣдніе воспользовались какъ нельзя лучше и вскорѣ выработали цѣлую политическую программу, девизомъ которой были слѣдующія слова: «одинъ Богъ, одна

---

*) Маассенъ, 47—48; Наблюдатель, 1882 г., № 10, 107; Котляревскій, 10 стр. **) Маассенъ, 47—48; Суворовъ, Курсъ каноническаго права, II т., 498—9; Котлярескій, 10 стр. ***) Маассенъ, 54. ****) Тамъ-же, 60—61.

церковь, одна имперія» *). Единство вѣры представлялось христіанскимъ императорамъ, какъ условіе политическаго могущества государства; они желали видѣть въ христіанской религіи такую же единую основу государственной жизни, какую императоры языческіе видѣли въ римскомъ государственномъ культѣ **). Отсюда проистекало стремленіе императоровъ къ установленію религіознаго единства въ имперіи. Государство и церковь составляютъ одинъ организмъ—государство, объединенное одною христіанскою религіею. Въ силу органическаго сліянія государства съ церковью, кто не принадлежитъ къ церкви, тотъ не имѣетъ права на существованіе въ государствѣ ***). Религія христіанская дѣлается государственною религіею, самыя постановленія, касающіяся вѣры, даже преимущественно эти постановленія, пріобрѣтаютъ силу государственныхъ законовъ. Отсюда ересь и расколъ получили значеніе государственныхъ преступленій, противъ которыхъ государи считали себя вправѣ предпринимать извѣстныя мѣры. Эти мѣры, при характерѣ власти императоровъ, какъ защитниковъ мира и единства въ христіанской церкви, естественно должны были перейти въ насиліе, въ принужденіе. Константинъ за отступленіе отъ христіанства и принятіе іудейства и всякой другой вѣры объявилъ конфискацію имущества; онъ же повелѣлъ сослать въ заточеніе главарей донатистовъ, а церкви ихъ отобрать. Ѳеодосій и Валентъ пошли дальше: они обложили отступленіе отъ вѣры, отягченное духомъ прозелитизма, смертною казнью. Эти законы послужили фундаментомъ для будущаго законодательства христіанскихъ народовъ. Смертная казнь въ теченіе многихъ вѣковъ сдѣлалась обыкновеннымъ наказаніемъ за ересь ****). Такимъ образомъ къ преступленіямъ противъ вѣры, каковы: богохульство, оскорбленіе и оскверненіе святыни, клятвопреступленіе, святотатство, которыя извѣстны были всѣмъ организованнымъ культамъ, въ томъ числѣ и культамъ древнихъ классическихъ народовъ,—христіанская церковь присоединила неизвѣстныя до тѣхъ поръ

*) Тамъ-же, 54.

**) Суворовъ, Курсъ кан. права, II. т., 457.

***) Тамъ-же, 458.

****) Наблюдатель, 1882 г., Мартъ, 108 стр.

преступленія: отступленіе отъ вѣры, разновѣріе и ересь, которыя у новыхъ народовъ получили преобладающее значеніе въ системѣ преступленій противъ вѣры*).

Система насилія возведена была въ политическую теорію блаженнымъ Августиномъ. Истинная церковь, по ученію Августина, есть одна, всеобщая, единство коей должно быть поддержано всякими средствами; каждый отдѣльный человѣкъ долженъ вѣрить въ ея авторитетъ, такъ какъ безъ нея нѣтъ спасенія; весь вопросъ, такимъ образомъ, только въ томъ, чтобы онъ былъ къ ней пріобщенъ, а какимъ образомъ—это дѣло второстепенное; во всякомъ случаѣ лучше обратить грѣшника къ истинѣ путемъ принужденія, чѣмъ вовсе не предпринимать никакихъ средствъ для его обращенія къ истинѣ. Правда, путемъ принужденія никто не можетъ сдѣлаться христіаниномъ; но принужденіе спасительно, ибо оно приводитъ фанатиковъ къ размышленію и пробуждаетъ сознаніе, что не слѣдуетъ отвергать принужденіе само по себѣ, такъ какъ все дѣло въ томъ, къ чему принуждаютъ: многіе были весьма благодарны послѣ того, какъ принуждали къ добру. Самъ Христосъ прибѣгалъ къ насилію для изгнанія мѣнялъ изъ храма; только собственное ослѣпленіе еретиковъ виною тому, что они навлекаютъ на себя наказаніе государства по порученію церкви. Еще опредѣленнѣе формулировалъ эту теорію другъ Августина — Амвросій, который утверждалъ, что о терпимости къ язычникамъ, евреямъ, еретикамъ и раскольникамъ и вообще врагамъ церкви не можетъ быть и рѣчи и что если люди, власть имѣющіе, не преслѣдуютъ послѣднихъ, то они соучастники въ ихъ преступленіи, а какое же преступленіе можетъ быть важнѣе того, которое совершается противъ Высшаго Существа? **). Благодаря такимъ ученіямъ разнаго рода наказанія, направленныя противъ еретиковъ и раскольниковъ, и смертная казнь естественно представлялись императорамъ самымъ справедливымъ и законнымъ дѣломъ. Практикуя впослѣдствіи смертную казнь, императоры могли опираться на авторитетъ не только двухъ названныхъ епископовъ, но и

*) Тамъ-же, 109 стр.
**) Осокинъ, указ. соч., 404.

папы Льва Великаго, который, въ виду предстоящей казни, писалъ: «хотя церковь въ своей кротости довольствуется священническимъ рѣшеніемъ и избѣгаетъ кровавыхъ наказаній, однако она поддерживается строгими законами императоровъ, такъ какъ многіе изъ страха тѣлеснаго наказанія опять прибѣгаютъ къ средствамъ духовной помощи»*). «Упорное и коварное сопротивленіе безбожныхъ еретиковъ сглаживается, если оно обуздывается императорскою властію», писалъ тотъ-же папа императору, ища содѣйствія послѣдняго въ борьбѣ съ еретиками**). Обращеніе за содѣйствіемъ къ свѣтской власти для преслѣдованія ереси и раскола равносильно было упраздненію духовной природы церкви и свободы религіи***). Христіанская церковь, вступивъ въ союзъ съ государствомъ, дабы пріобрѣсть отъ него привиллегіи и средство выступать принудительно противъ непокорныхъ членовъ, тѣмъ самымъ принесла въ жертву не только свободу совѣсти каждаго отдѣльнаго лица, но и свою собственную. «Господство ея въ данномъ отношеніи упрочилось черезъ посредство государства насчетъ ея собственной свободы». Государство, услужливо предоставивъ церкви искомые ею аттрибуты, вознаградило себя подчиненіемъ церкви своему господству. Церковь стала прислужницей государства, орудіемъ его государственныхъ цѣлей****). При такомъ положеніи дѣла независимость области религіи отъ государства, лежащая въ существѣ христіанскаго ученія, должна была исчезнуть и уступить мѣсто прежнему языческому принципу смѣшенія этихъ областей: измѣнился такимъ образомъ только религіозный объектъ, а языческое начало, что jus sacrum составляетъ часть jus publicum осталось*****). Такъ, говоритъ Срѣтенскій, на востокѣ утвердилось отношеніе между церковью и государствомъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ впослѣдствіи подъ именемъ **цезарепапизма**. Четвертымъ вѣкомъ оканчивается образованіе основъ цезарепапизма. Цѣлый рядъ послѣдующихъ столѣтій составляетъ періодъ развитія и приложенія

---

*) Маассенъ, 57 стр.

**) Тамъ-же, 406 стр.

***) Маассенъ, 69; Срѣтенскій, 68 стр.

****) Маассенъ, 63 стр.

*****) Суворовъ, Курсъ кан. права, II т., 457; Срѣтенскій, указан. соч., 8 стр.

къ жизни этихъ основъ всѣхъ золъ, внесенныхъ въ церковь послѣдующимъ столѣтіемъ. Общее печальное положеніе церкви въ данную эпоху можно характеризовать, говорятъ, слѣдующими словами: «церковь въ полномъ порабощеніи у государства» *).

Что касается запада Европы, то подчиненіе церкви государству продолжалось здѣсь лишь до тѣхъ поръ, пока политическое вліяніе ея было слишкомъ слабо, сравнительно съ императорскою властью. Но, по мѣрѣ того, какъ оно, силою политическихъ обстоятельствъ, возрастало, церковь сбрасывала съ себя бремя государственной зависимости и сама пріобрѣтала природу государства **). Стремленіе папъ господствовать надъ душами и тѣлами людей, при благопріятныхъ условіяхъ, закончилось вырожденіемъ католической церкви въ своего рода теократію, въ духовную абсолютную, съ своимъ особымъ цезаремъ и столицею, имперію, обнимавшую большую половину тогдашняго культурнаго міра,—въ которой духовная власть, опирающаяся на свѣтскую, сосредоточилась въ рукахъ единаго лица, велѣнія коего, какъ исходящія отъ самого Божества, запечатлѣны сакраментальнымъ характеромъ. Государство сдѣлалось не болѣе, какъ дополненіемъ къ церкви; *внѣ церкви не существовало никакого права*, въ отношеніи къ которому она не претендовала бы быть источникомъ; нельзя было найти ни одной жизненной области, которую она не втянула бы въ свою сферу; *церковь заключала въ себѣ все* ***).

Представленные здѣсь два историческіе процесса, изъ которыхъ одинъ характеризуется тѣмъ, что органы церковной власти вступаютъ въ союзъ съ государствомъ, на счетъ и въ ущербъ принципу свободы совѣсти, а другой тѣмъ, что церковь, въ борьбѣ за государство, одерживаетъ верхъ и сама принимаетъ характеръ господства,—различны только съ внѣшней своей стороны ****). Въ своемъ же основномъ характерѣ они вовсе не различаются. Существеннымъ признакомъ обоихъ служитъ неуваженіе къ тому вѣчному закону, что религія имѣетъ дѣло

---

*) Срѣтенскій, указ. соч., 35 стр.

**) Маасенъ, 16; Срѣтенскій, 68; Котляревскій, 10 стр.

***) Маассенъ, 15—16 стр.

****) Тамъ-же, 15 стр.

только съ внутренностью, со свободою человѣка. Вмѣсто царства Божьяго на землѣ, которое представляется церковью, внѣшнему воспріятію предлагается царство, насквозь проникнутое земными интересами, борющееся земнымъ оружіемъ, царство отъ міра сего, все равно: будетъ-ли стоять во главѣ его императоръ—папа или папа—императоръ*). Такимъ образомъ теократическій средневѣковой строй не могъ быть благопріятенъ свободѣ совѣсти. И дѣйствительно, никогда эта свобода не была такъ подавлена, какъ въ средніе вѣка. Господствующей идеей политической системы среднихъ вѣковъ была признана та, что единство мнѣній и вѣрованій необходимо для безопасности государства: одна вѣра, одинъ законъ, одинъ государь—вотъ основное воззрѣніе прежнихъ законовѣдовъ и политиковъ**). Всякое правительство обязано предупреждать раздоры, междоусобія и безпорядки, которые всегда порождаютъ религіозныя несогласія; христіанскій государь долженъ блюсти чистоту вѣры, слѣдовательно, не относиться къ ней съ позорнымъ равнодушіемъ, а устранять еретическую заразу; если законъ преслѣдуетъ попошеніе величества и оскорбленіе государства, то не слѣдуетъ-ли съ гораздо бо́льшею карою относиться къ тѣмъ, которые поносятъ и оскорбляютъ Бога и святую вѣру, ибо Божіе величіе безконечно выше императорскаго***). Такимъ образомъ въ основаніе религіознаго преступленія, грѣха, духовная власть положила не идею нравственной вины, а мысль о личномъ оскорбленіи Божества, которое, будучи задѣто преступленіемъ, подобно грозному библейскому Богу—Мстителю, жаждетъ мести и наказанія грѣшниковъ. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ на религіозныя преступленія, и самыя формы наказаній за нихъ должны были получить самый жестокій характеръ. Въ особенности же безпощадна была свѣтская власть въ преслѣдованіи раскола и отступившихъ отъ принятой догмы, какъ такихъ, которые посягали на неприкосновенность господствующаго культа. Ординарнымъ наказаніемъ за лжеученія или ереси было признано сожженіе****),

---

*) Тамъ-же, 16 стр.

**) Котляревскій, 266 стр.

***) Котляревскій, 25; Суворовъ. Курсъ права, II т., 500 стр.

****) Котляревскій, 22, Осокинъ, 490 стр.

ибо благотворная строгость противъ еретиковъ и разнообразныя противъ нихъ наказанія служатъ побудительною причиною, чтобы они обратились къ церкви и познали истину» *). Такой-же взглядъ на необходимость наказуемости еретиковъ проводили и церковные писатели. Ѳома Аквинскій училъ, напр., что «ересь есть грѣхъ, который долженъ быть искорененъ не только изъ церкви отлученіемъ, но изъ міра смертью. Ибо гораздо преступнѣе повредить вѣру, которая есть жизнь души, чѣмъ сдѣлать фальшивую монету, такъ какъ настоящая монета служитъ только для временной жизни» **). Это воззрѣніе на ересь неразрывно было связано съ взглядомъ на истину. Въ средніе вѣка послѣднюю почитали какъ нѣчто откровенное Богомъ и переданное церкви на сохраненіе; истина по этому безусловна, такова теперь какъ и прежде. Человѣку остается заглушить всѣ свои сомнѣнія и всецѣло подчиниться этой безусловной истинѣ, ибо она, какъ открытая свыше, есть для него законъ, абсолютное требованіе. Кто не подчиняется ей, тотъ не подчиняется велѣніямъ Божества, слѣдовательно, есть нарушитель послѣднихъ, нарушитель закона, преступникъ; отсюда всѣ эти гоненія на ересь и на все обнаруживавшее признаки несогласія съ ученіемъ церкви ***). Преслѣдованіе и истребленіе еретиковъ, какъ общая мѣра (частныя преслѣдованія были постоянны), было предписано законами трехъ церковныхъ соборовъ, бывшихъ—одинъ въ Латернѣ въ 1179 году, другой—въ Веронѣ въ 1184 г., а третій также въ Латернѣ въ 1215 г. ****). Съ этихъ поръ неключимая нетерпимость сдѣлалась лозунгомъ западной церкви и распространила свое господство на нѣсколько столѣтій *****). Свободный голосъ совѣсти былъ совершенно подавленъ, а самая государственная власть была низведена въ положеніе раба или палача, исполнявшаго приказанія церкви. Вотъ тѣ историческія условія, при которыхъ, по воззрѣнію современныхъ представителей западной культуры, издавалось уголовное законодательство относительно еретиковъ и раскольниковъ у всѣхъ западно-европейскихъ на-

*) Котляревскій, 25.
**) Тамъ-же, 22; Наблюдатель, 1882 г., Марта, 108 стр.
***) Котляревскій, 266.
****) Тамъ-же, 24; Осокинъ, 414.
*****) Котляревскій, 25; Осокинъ, 474, 499 стр.

родовъ и тѣ начала, которыя легли въ его основу. Такихъ началъ можно насчитать четыре: a) абсолютная ортодоксія господствующей религіи; b) монопольный прозелитизмъ; c) невѣротерпимость и d) убѣжденіе, что то или другое дѣйствіе, направленное противъ религіи, оскорбляетъ Божество *). Изъ этихъ именно началъ и вытекаютъ постановленія о такихъ преступленіяхъ, какъ отступленіе отъ вѣры, содержаніе ереси или раскола, распространеніе иновѣрческихъ и еретическихъ религій или раскольническихъ толковъ и, наконецъ, ученіе объ оскорбленіи Божескаго величія **).

(Продолженіе будетъ).

---

*) Наблюдатель, 1882 г., 109—112.

**) Тамъ-же, 112 стр.

Секта жидовствующихъ*).

Глаголющимъ же имъ про Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія: „како можетъ Богъ на землю снити и отъ Дѣвы родитися яко человѣкъ? но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моvсею, а не равенъ Богу Отцу"; и не вѣроваху, еже отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Ея, ни воскресенію Его, ни на иконахъ писаному образу по человѣчеству Господа Іисуса Христа Сына Божія не поклоняхуся, ни Пречистыя Образу, ни святымъ Его угодникамъ, но хуляще и ругающеся глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имутъ и не глаголютъ и прочее; подобни будутъ творящіи и вси надѣющіеся на ня"; и такоже божественную службу совершающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во что же вмѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино"... Полн. собр. Русск. Лѣтопис. IV, 158—159.

„И толико бысть смущеніе въ христіанѣхъ, якова же никогда же быша.... Нынѣ и въ домѣхъ, и на путехъ, и на торжищахъ иноцы и мірстіи и вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ... по истинѣ пріиде отступленіе. Отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ православія. Се уже пріиде отступленіе". („Просвѣтитель" стр. 58. Послан. Нифонту епископу суздальскому).

Названіе секты. Начало ея. Жидъ Схарія и его умственно-религіозное направленіе. Образованіе сектантскаго кружка въ Новгородѣ. Перенесеніе секты въ Москву. Открытіе секты въ Новгородѣ, донесеніе архіеп. Геннадія въ Москву и судъ надъ сектантами въ 1488 г. Усиленіе секты въ Москвѣ. Соборъ 1490 г. и его приговоръ надъ сектантами.

Секта жидовствующихъ получила *свое названіе* отъ сходства нѣкоторыхъ положеній ея лжеученія съ ученіемъ іудейской религіи. Съ другой стороны, усвоенію такого названія сектѣ, безъ сомнѣнія, содѣйствовало то обстоятельство, что въ происхожденіи ея принимали нѣкоторое (хотя и не главное, не первоначальное) участіе жиды, т. е. евреи. Такъ какъ іудейскій элементъ былъ очень слабъ и незначителенъ въ сектѣ жидовствующихъ, то это послѣднее названіе далеко не выражаетъ сущности секты.

---

*) Источниками для знакомства съ сектою жидовствующихъ могутъ служить: а) лѣтописныя сказанія, которыя можно читать въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. III, 144, 184; IV, 158—159; VI, 49, 235; VIII, 160, 220, 234—242; 244; Никон. VI, 171. Лѣтописныя сказанія о сектѣ—кратки и касаются почти исключительно внѣшней исторіи секты. Впрочемъ важное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ лѣтописное сказаніе IV, 158—159, за-

Мѣстомъ происхожденія секты жидовствующихъ былъ Новгородъ. Первоначальное обнаруженіе ея здѣсь относится къ концу XV в., именно къ 1487 году. Въ августѣ, или сентябрѣ этого года новгородскій архіепископъ Геннадій донесъ московскому митрополиту о появленіи въ Новгородѣ секты съ приложеніемъ подлиннаго розыскнаго дѣла о ней. Изъ этого послѣдняго видно, что образованіе секты въ видѣ особаго общества началось раньше, именно въ 1470 году.

Въ этомъ послѣднемъ году въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, братомъ кіевскаго князя Сvмеона, приглашеннымъ самими новгородцами, прибыли изъ Кіева, по торговымъ дѣламъ, нѣсколько евреевъ. Главнымъ между ними былъ Захарія Скара. Онъ былъ крымскій уроже-

---

ключающее въ себѣ приговоръ собора 1490 г. надъ сектами и вмѣстѣ излагающее сущность лжеученія жидовствующихъ; сказаніе это имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, что принадлежитъ, кажется, современнику и очевидцу событія и есть одно изъ самыхъ раннихъ свидѣтельствъ касательно ученія жидовствующихъ. б) Посланіе новгородскаго архіепископа Геннадія: 1) къ ростовскому архіепископу Іоасафу (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. т. VIII); съ этимъ посланіемъ почти дословно сходны и посланія архіепископа Геннадія къ епископамъ: Прохору, Нифонту и Филоѳею; 2) къ митрополиту Зосимѣ и къ собору владыкъ (Акты Арх. Экспед. 1 № 380 ср. Прав. Соб. 1863 г. IV стр. 476--481) и 3) сюда же должно отнести и отвѣтныя грамоты в. к. Іоанна Васильевича и м. Геронтія архіеп. Геннадію (Акты Ист. т. 1 №№ 235 и 286), въ которыхъ кратко излагается сущность донесеній послѣдняго въ Москву объ открытой имъ въ Новгородѣ сектѣ. Свидѣтельства архіеп. Геннадія имѣютъ особенное значеніе потому, что они относятся къ самому раннему времени существованія секты жидовствующихъ и принадлежатъ лицу, входившему въ непосредственное и ближайшее соприкосновеніе съ сектантами; в) сочиненіе препод. Іосифа Волоцкаго: 1) „Просвѣтитель“, составившійся изъ 16 словъ, разновременно написанныхъ въ обличеніе и опроверженіе главныхъ положеній лжеученія жидовствующихъ; сочиненіе это имѣетъ особенную важность еще потому, что даетъ возможность прослѣдить постепенное развитіе сектантскаго лжеученія; безъ тщательнаго изученія какъ самого этого произведенія преп. Іосифа, такъ и существующей литературы о немъ невозможно правильное пониманіе внутренней стороны секты жидовствующихъ. „Просвѣтитель“ печатался сначала въ „Прав. Собес.“ (1853—1855) и затѣмъ изданъ отдѣльною книгою; 2) Посланіе къ суздальскому епископу Нифонту (Чт. въ Моск. Ист. Общ. 1847 г. 1 отд. IV); 3) здѣсь же напечатано было и посланіе къ андрониковскому архимандриту Митрофану, духовнику в. к. Іоанна Васильевича; 4) начало посланія къ в. к. Василію Іоанновичу (Древн. Россійск. Вивліоѳ. XVI, 423); 5) посланіе къ старцамъ (бѣлоозерскимъ) о повиновеніи собор-

нецъ, занималъ влiятельное положенiе на родинѣ среди своихъ единовѣрцевъ и былъ человѣкъ, по своему времени, весьма образованный. По характеру своего образованiя и по своимъ религiознымъ убѣжденiямъ, онъ былъ караимъ. Отличительную особенность караимскаго направленiя въ еврействѣ составляло свободное, критическое отношенiе къ вѣрѣ отеческой и глубокое уваженiе къ научному образованiю. Изъ наукъ особеннымъ уваженiемъ у караимовъ евреевъ пользовались философскiя и математическiя со включенiемъ астрономiи. Захарiя Скара, видимо, въ молодыхъ лѣтахъ получилъ основательное караимское образованiе, значительно дополненное и развитое впослѣдствiи путемъ самостоятельныхъ занятiй. Онъ хорошо зналъ св. Писанiе, и притомъ не только ветхозавѣтное еврейское, но и новозавѣтное христiанское; ему были извѣстны даже творенiя отцовъ и учителей христiанской церкви. Преп. Iосифъ Волоцкiй характеризуетъ его, какъ человѣка, наученнаго «всякому изобрѣтенiю, чернокнижiю, чародѣйству, звѣздозаконiю и астрологiи». Характеристика эта краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о широкой образо-

---

ному опредѣленiю (Древн. Росс. Вивлiоѳ. XVI, 424—428). г) Рукописный Сборникъ, хранящiйся въ библiотекѣ С.-Петербургской духовной Академiи № 1086, гдѣ содержатся псалмы и пѣсни, употреблявшiеся жидовствующими при совершенiи ихъ богослуженiя; сборника этого мы сами не имѣли подъ руками, а познакомились съ нимъ по описанiямъ его у м. Макарiя и г. Панова. д) „Прѣнiе Данiила съ старцемъ Васьяномъ“ (въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847 г. IX отд. IV); оно важно для знакомства съ лжеученiемъ Вассiана Патрикѣева. Кромѣ того, для знакомства съ лжеученiемъ жидовствующихъ изъ сочиненiй м. Данiила важны шестое и седьмое слова его (анализъ ихъ содержанiя см. у В. Жмакина въ сочиненiи его: „Митрополитъ Данiилъ и его сочиненiя“ М. 1881 стр. 342—369) и е) сочиненiя инока новгородскаго отенскаго монастыря Зиновiя: 1) „Истины показанiе“, изданное въ Казани въ 1863 г. и 2) „Многословное посланiе, хранящееся въ рукописной библiотекѣ С.-Петер. духовн. Акад.“ № 1108; подробныя свѣдѣнiя о немъ и его содержанiи см. въ статьѣ г. Николаевскаго (Духовн. Вѣстн. 1865 г., т. XI, стр. 25—54). Сочиненiя Зиновiя отенскаго необходимы для знакомства съ лжеученiемъ Ѳеодосiя Косаго, которое было продолженiемъ лжеученiя жидовствующихъ.

Пособiями для той же цѣли могутъ служить: 1) преосв. Макарiя Ист. Русс. Цер. т. VI (изд. 2, С.-Петер. 1887 г.) стр. 81—142, 195—205 и 250—280; 2) преосв. Филарета Ист. Рус. Церк. т. III, стр. 106—120; 3) Карамзина Ист. Госуд. Рос. т. IV, стр. 82—85, 90—105; 4) Соловьевъ Ист. Р. т. V; 5) Костомарова Рус. Ист. въ жизнеопис. т. II, стр. 311—341; сѣверно-русск. народъ нравств. т. II, стр. 446—448; 6) В. Иконнинова: „Опытъ из-

ванности Скары. Архіеп. Геннадій говоритъ, что жидовствующіе имѣли астрономическую рукопись «шестокрылію», на основаніи которой предсказывали небесныя явленія, чѣмъ сильно дѣйствовали на православныхъ христіанъ; рукопись эта безспорно еврейско-караимскаго происхожденія. Неудивительно, если астрономическія предсказанія сектантовъ смущали новгородскихъ христіанъ, которые смотрѣли на всякое физическое явленіе, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ на событіе особенное, предвѣщающее какое-либо общественное бѣдствіе. Преп. Іосифъ Волоцкій говоритъ, что астрологія, проповѣдывавшаяся сектантами, подрывала вѣру новгородскихъ христіанъ въ Провидѣніе Божіе, почему нѣкоторые стали презирать св. Писаніе, какъ ненужное для христіанъ; астрологическія знанія также безспорно распространялись въ Новгородѣ евреями караимами. По свидѣтельству архіеп. Геннадія, первые жидовствующіе въ Новгородѣ употребляли математическія рукописи, которыя, по своимъ замысловатымъ фигурамъ и начертаніямъ, должны были казаться простымъ русскимъ книжникамъ «волшебными тетрадями, чернокнижіемъ». Вообще всѣ свидѣтельства о сектѣ жидовствующихъ въ первое время ея существованія говорятъ о томъ, что образованіе, такъ сказать, сформированіе раціоналистическаго сектантскаго общества въ Новгородѣ произошло подъ вліяніемъ еврейско-караимскаго умственно-религіознаго направленія, занесеннаго сюда кіевскими евреями, во главѣ которыхъ стоялъ Захарія Скара. Но евреямъ караимамъ принадлежало именно одно только сформированіе готовыхъ элементовъ, которые они нашли въ Новгородѣ.

слѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи" К. 1869 г. стр. 389—457; 7) А. Архангельскаго: „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. Ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси", С.-Петерб. 1882, стр. 185—283, особенно 264—274; 8) В. Анцреева: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи". С.-Петерб., стр. 21 и слѣд.; 9) Рудневъ: „о ересяхъ и расколахъ въ русской церкви". М. 1878 г., стр. 113—123; 10) И. И. Малышевскаго: „О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ раціоналистическимъ направленіемъ". (Тр. К. дух. Акад. 1883 г., XII, стр. 644—684); 11) А. Сервицкаго: „Опытъ изслѣдованія ереси новгородскихъ еретиковъ, или „жидовствующихъ". (Пр. Об. 1862 г., т. II, стр. 177—205, 293—323 и 430—442); 12) И. Панова: „Ересь жидовствующихъ". (Журн. Мин. Народ. Просв. 1877 г., к. 1, стр. 1—40, кн. II, стр. 253—295 и кн. III, стр. 1—59).

Евреи караимы явились въ Новгородъ преимущественно съ торговыми цѣлями. Торговля же въ Новгородѣ находилась тогда подъ покровительствомъ церкви. При храмахъ здѣсь хранились товары, вѣсы и мѣры. Отсюда является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ первоначальное сближеніе караимскихъ еврейскихъ купцовъ съ Новгородскимъ духовенствомъ. Ближайшее знакомство неизбѣжно должно было обнаружить нѣкоторое согласіе въ умственно-религіозномъ направленіи между евреями караимами и новгородскимъ духовенствомъ. Мы знаемъ, что въ Новгородѣ предъ тѣмъ существовало стригольническое лжеученіе. Въ крайнемъ своемъ направленіи стригольничество пришло къ отрицанію всего христіанства и къ признанію единаго Бога, Которому сектанты молились, глядя на небо. Отсюда недалеко уже было и до либерально-философскаго іудейства, какимъ и было караимское еврейство. Крайнее стригольничество, хотя и притихло въ началѣ XV в., вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ противъ него, но не прекратилось совсѣмъ. Оно существовало тайно какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ глухихъ уголкахъ новгородской области (напр., въ нѣмчиновскомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ чернецъ Захаръ—упорный стригольникъ, перешедшій впослѣдствіи на сторону жидовствующихъ). Одно лѣтописное сказаніе даетъ основаніе предполагать, что первыми сообщниками и и послѣдователями евреевъ—караимовъ были духовныя лица Новгорода, если не вполнѣ раздѣлявшія стригольническое лжеученіе, то, по крайней мѣрѣ, въ душѣ сочувствовавшія ему. «Мнози отъ поповъ и діаконовъ, *живущіе свинскимъ житіемъ*»,— говорится здѣсь,—«начаша къ нимъ (жидамъ) ходити и бражничать и учитися волшебскимъ книгамъ». Попы и діаконы, «*живущіе свинскимъ житіемъ*»,— это, вѣроятно, и были новгородскіе священники и діаконы, люди начитанные, воспитанные на свободныхъ мнѣніяхъ, пущенныхъ въ обращеніе стригольниками. Изъ такихъ именно духовныхъ лицъ, должно полагать, и образовался въ Новгородѣ вокругъ евреевъ—караимовъ первый сектантскій кружокъ. Первыми послѣдователями Захаріи Скары современныя свидѣтельства называютъ новгородскихъ поповъ Діонисія и Алексія, которые, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, отличались умомъ и образованіемъ.

Замѣчательно, что этимъ только и ограничилась активная дѣятельность евреевъ—караимовъ въ распространеніи секты. Покрайней мѣрѣ, всѣ сохранившіяся свидѣтельства того времени рѣшительно умалчиваютъ о дальнѣйшей дѣятельности жидовъ въ Новгородѣ съ цѣлію пропаганды. Поэтому, можно думать, что они сами не занимались и не имѣли въ виду заниматься пропагандою своего ученія въ Новгородѣ. Обстоятельства и занятія привели ихъ къ сближенію съ новгородскими священниками, которые, по складу своихъ убѣжденій и своего умственно-религіознаго направленія, очень близко подходили къ нимъ и, при своемъ отрицательномъ отношеніи ко всему внѣшнему въ христіанствѣ, очень склонны были къ усвоенію ихъ религіозныхъ воззрѣній и ихъ научнаго образованія. Новгородскіе священники, усвоивъ воззрѣнія либеральнаго іудейства, начали энергично распространять ихъ между своими сослуживцами. Въ скоромъ времени къ нимъ присоединилось въ Новгородѣ много священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, а также знатныхъ гражданъ и городскихъ чиновниковъ. Преп. Іосифъ однихъ священниковъ, присоединившихся къ сектантскому обществу, насчитываетъ болѣе 10. Вообще сектантское лжеученіе на первыхъ порахъ распространялось въ Новгородѣ болѣе всего между духовенствомъ и высшими свѣтскими лицами. Къ сектантамъ съ самаго начала присоединились такія важныя лица, какъ софійскій протопопъ Гавріилъ и сынъ знатнаго боярина, имѣвшаго великую власть въ Новгородѣ, Григорій Михаиловичъ Тучинъ. Такъ съ теченіемъ времени въ Новгородѣ образовалось довольно многочисленное сектантское общество, состоявшее преимущественно изъ лицъ духовнаго званія и выдающихся по своему образованію или по своему положенію въ обществѣ свѣтскихъ людей. Общество это представляло пока тайный кружокъ, тщательно скрывавшій свои вѣрованія отъ постороннихъ и открыто не порывавшій своихъ связей съ православною Церковью. Предъ людьми, твердыми въ вѣрѣ, сектанты старались являться не только православными, но и страшными врагами всѣхъ еретиковъ, щедро разсыпали на нихъ проклятія и съ клятвою старались увѣрять всѣхъ въ своей преданности православной вѣрѣ. Но за то тайно, при всякомъ удобномъ случаѣ, они совращали слабыхъ и поблажали разнымъ порокамъ ихъ, чтобы при-

влечь ихъ въ свое общество. Съ особеннымъ усердіемъ они старались проводить своихъ единомышленниковъ на священническія мѣста для того, чтобы чрезъ нихъ потомъ распространять свое ученіе. И при покровительствѣ вліятельныхъ лицъ, это имъ большею частію всегда удавалось. Благодаря этому, вскорѣ не только въ городахъ, но и въ селахъ на мѣстахъ священническихъ были лица, раздѣлявшія лжеученіе сектантовъ и совращавшія въ секту мірянъ, несвѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, то ласковымъ обращеніемъ, то всякаго рода послабленіями. Согрѣшитъ ли, напр., кто и прійдетъ покаяться къ своему духовному отцу, этотъ послѣдній, вопреки церковнымъ правиламъ, прощаетъ грѣшника, не стращаетъ будущимъ наказаніемъ, или же успокоиваетъ смятенную совѣсть кающагося тѣмъ, что въ будущемъ свѣтѣ, за гробомъ, ничего не будетъ. Съ другой стороны, сектанты постоянно выказывали себя глубокими книжниками и мудрыми. Они хвалились, что имѣютъ такія священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ, были незнакомы большинству. Конечно, имъ легко было приводить выдержки изъ такихъ книгъ въ подтвержденіе своихъ словъ и давать имъ произвольное толкованіе. Наконецъ, сектанты и особенно руководители ихъ вели воздержную жизнь и своимъ видимымъ благочестіемъ обращали на себя общее вниманіе. Главные вожаки сектантскаго общества—попы Діонисій и Алексій—были извѣстны своимъ умомъ, книжностію и благочестивою жизнію не только во всемъ Новгородѣ, но и далеко за предѣлами его. Ложная слава ихъ образованности и благочестивой жизни скоро достигла до великаго князя Іоанна Васильевича. Обстоятельство это сопровождалось самыми печальными, роковыми послѣдствіями.

Въ 1480 году Новгородъ посѣтилъ великій московскій князь Іоаннъ Васильевичъ. Слыша общія похвалы уму и благочестію здѣшнихъ поповъ Діонисія и Алексія, онъ познакомился съ ними ближе. Оба они такъ понравились великому князю, что онъ, нимало не подозрѣвая ихъ въ сектантствѣ, взялъ ихъ съ собою въ Москву и опредѣлилъ—Алексія протопопомъ Успенскаго собора, а Діонисія—священникомъ Архангельскаго собора. Какъ любимцы князя и какъ люди образованные, книжные и воздержные въ жизни, они скоро пріобрѣли широкую и громкую извѣстность и расположеніе въ средѣ московскаго общества.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, они стали постепенно и осторожно распространять въ Москвѣ свое лжеученіе. Въ этомъ дѣлѣ они поступали чрезвычайно ловко—«таяхуся, якоже зміевѣ въ скважнѣ», по выраженію преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Показывая себя, предъ кѣмъ нужно было, праведными, воздержными и кроткими, они въ тоже время тайно распространяли свое лжеученіе и вели дѣло пропаганды такъ искусно и такъ скрытно, что, напр., архіеп. Геннадій въ продолженіи пяти лѣтъ, до своего отъѣзда въ Новгородъ, не зналъ о существованіи секты въ Москвѣ. Замѣчательно при этомъ еще то, что и здѣсь, какъ и въ Новгородѣ, послѣдователями сектантовъ дѣлались люди преимущественно образованные, передовые въ своей средѣ. Сектантамъ скоро удалось образовать въ Москвѣ около себя учено-литературный кружокъ изъ мѣстныхъ книжниковъ, раздѣлявшихъ ихъ лжеученіе. Между прочимъ, они привлекли къ этому кружку: симоновскаго архимандрита Зосиму, славившагося своими дарованіями и ученостью; чернеца Захара, также человѣка, по своему времени, очень образованнаго; знатнаго придворнаго дьяка Ѳеодора Курицына съ братомъ его Иваномъ Волкомъ, крестовыхъ дьяковъ Истому и Сверчка и изъ купцовъ—Семена Кленова. Кромѣ того, они на помощь себѣ старались переводить изъ Новгорода въ Москву людей единомышленныхъ съ ними. Такъ, въ Москвѣ мы видимъ вскорѣ зятя протопопа Алексія, священника Іоанна Максимова. Этотъ послѣдній былъ даже однимъ изъ вліятельныхъ и дѣятельныхъ членовъ московскаго сектантскаго кружка. Ему приписывается обращеніе невѣстки великаго князя Елены въ сектантское общество. Представителемъ образовавшагося въ Москвѣ сектантскаго кружка служилъ дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, домъ котораго былъ центромъ сектантскаго движенія и мѣстомъ сектантскихъ собраній. Самъ дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ былъ человѣкъ видимо образованный и при томъ съ критически-либеральнымъ направленіемъ. По свидѣтельству преп. Іосифа Волоцкаго, онъ также, какъ и протопопъ Алексій, «прилежалъ звѣздозаконію, многимъ баснотвореніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію», т. е. былъ человѣкъ книжный и ученый. Другія свидѣтельства современниковъ также характеризуютъ его, какъ человѣка образованнаго. Ему, между прочимъ, приписывается переводъ повѣ-

сти о Дракулѣ Волошскомъ и апокрифическаго лаодикійскаго посланія. Общее направленіе этого послѣдняго произведенія и встрѣчающіяся въ немъ выраженія въ родѣ, напр., выраженія: «душа человѣка свободна, но преграда ей вѣра», достаточно ясно характеризуютъ дьяка Θеодора Курицына, какъ человѣка свободомыслящаго, и дѣлаютъ понятнымъ, почему онъ могъ примкнуть къ новгородскимъ сектантамъ. Но особенную силу и значеніе вновь образовавшемуся въ Москвѣ сектантскому обществу придавало сочувствіе его направленію и расположеніе къ представителямъ его со стороны великаго князя Іоанна Васильевича. Протопопъ Алексій и дьякъ Θеодоръ Курицынъ, по словамъ современника, имѣли такое дерзновеніе къ державному, какъ никто иной, и служили твердымъ оплотомъ сектѣ. Самъ великій князь зналъ о еретическихъ заблужденіяхъ своихъ любимцевъ, но, не смотря на это, продолжалъ свое благоволеніе къ нимъ. Благодаря этому, сектанты могли быть спокойны и по прежнему продолжали свою пропаганду. Они собирались обыкновенно въ домъ Θеодора Курицына. Здѣсь они разсуждали о вѣрѣ и, по выраженію современника, поучались на православныхъ; здѣсь же они спокойно совершали и свое богослуженіе. Впрочемъ, въ дѣлѣ пропаганды своего лжеученія сектанты и теперь, какъ и прежде, держались своей обычной тактики. Не смотря на явное покровительство верховной власти, они скрывали свои вѣрованія, не порывали внѣшнихъ связей съ православною Церковью и распространяли свое лжеученіе тайно и осторожно. Благодаря этому, они и могли такъ долго скрываться отъ взоровъ истинныхъ ревнителей православной вѣры и отъ высшаго церковнаго правительства. Это послѣднее видимо совершенно не знало о существованіи зловредной секты, которая между тѣмъ не только утвердилась въ мѣстѣ своего первоначальнаго происхожденія—въ Новгородѣ, но и успѣла даже проникнуть въ самое сердце православной Руси—въ Москву. Зависѣло это больше всего и главнымъ образомъ отъ неправильныхъ отношеній, существовавшихъ тогда между Москвою и Новгородомъ, и особенно отъ продолжительнаго отсутствія прочной и твердой высшей іерархической власти въ Новгородѣ послѣ паденія его самостоятельности. Только со вступленіемъ на архіепископскую каѳедру Геннадія установилось въ Новгородѣ прочное и твердое

церковное управленіе. Архіепископъ Геннадій былъ человѣкъ стойкій, самостоятельный, энергическій, не любившій скрывать свои убѣжденія и слѣпо преклоняться предъ авторитетомъ, хотя бы это было сопряжено съ непріятностями для него. Энергично принявшись за исправленіе недостатковъ, какихъ тогда было весьма много въ церковной жизни Новгорода, архіепископъ Геннадій вскорѣ открылъ существованіе здѣсь зловредной секты.

Первое свѣдѣніе объ этомъ дошло до архіепископа почти случайно. Нѣсколько новгородскихъ поповъ, принадлежавшихъ къ сектантскому обществу, поссорились между собою въ пьяномъ видѣ и стали упрекать другъ друга въ нечестивыхъ дѣлахъ, между прочимъ, въ поруганіи надъ святыми иконами. Услышавъ объ этомъ, архіепископъ Геннадій немедленно далъ знать въ Москву великому князю и митрополиту. Получивъ приказаніе отъ нихъ не допускать распространенія секты, Геннадій началъ дѣлать обыскъ. Во время обыска одинъ изъ покаявшихся сектантовъ, попъ Наумъ, открылъ архіепископу все, касающееся секты, и даже принесъ псалмы, которые сектанты пѣли на своихъ тайныхъ собраніяхъ. Архіепископъ Геннадій приказалъ схватить всѣхъ обнаруженныхъ сектантовъ и отдавалъ ихъ на поруки до окончанія слѣдствія. Между тѣмъ 4 сектанта, отданныхъ на поруки, бѣжали тайно въ Москву. Тогда архіеп. Геннадій отправилъ въ Москву къ великому князю и митрополиту, при особомъ посланіи, все слѣдственное дѣло о сектантахъ, называемое въ лѣтописяхъ «подлинниками», или «подлинными списками». Вмѣстѣ съ этими подлинниками новгородскій владыка препроводилъ митрополиту и «тетрадь», по которой сектанты молились на своихъ тайныхъ собраніяхъ. Это было въ августѣ, или сентябрѣ 1487 года.

Къ сожалѣнію, въ Москвѣ не обратили на этотъ разъ должнаго вниманія на донесеніе архіеп. Геннадія и долго не давали хода дѣлу о сектантахъ. Причины этого, можно думать, заключались въ слѣдующемъ. Съ одной стороны, секта въ это время уже успѣла прочно утвердиться въ Москвѣ и руководителями ея здѣсь были люди, самые приближенные къ великому князю и его вліятельные совѣтники. Эти лица, конечно, могли предупредить великаго князя, что новгородскій владыка преувеличиваетъ дѣло и что секта вовсе не такъ опасна и вредна, какъ

онъ представляетъ въ своемъ донесеніи. Съ другой стороны, и митрополитъ московскій Геронтій не совсѣмъ былъ расположенъ къ архіеп. Геннадію, вслѣдствіе прежде бывшихъ непріятныхъ столкновеній между ними. Послѣ этого становится понятнымъ, почему граммоты архіеп. Геннадія такъ долго оставались въ Москвѣ безъ всякаго движенія. Только обращеніе новгородскаго владыки къ содѣйствію другихъ епископовъ (сарскаго Прохора, суздальскаго Нифонта и пермскаго Филоѳея) заставило высшее гражданское и духовное правительство обратить серьезное вниманіе на секту. Обыскное дѣло, присланное архіеп. Геннадіемъ, было разсмотрѣно на соборѣ въ началѣ 1488 года, при чемъ трехъ сектантовъ рѣшено было подвергнуть «торговой казни», а четвертый былъ освобожденъ, какъ недостаточно обличенный. Кромѣ того, въ февралѣ того-же 1488 года великій князь и московскій митрополитъ прислали архіеп. Геннадію граммоты, въ которыхъ поручали ему продолжать розыскъ о сектантахъ «съ велимъ прилежаніемъ» и тѣхъ изъ нихъ, которые покаятся, подвергать церковной епитиміи, а нераскаянныхъ отдавать намѣстникамъ князя для торговой казни. Архіеп. Геннадій, дѣйствительно, съ свойственною ему энергіею принялся за исполненіе даннаго ему порученія. Онъ весьма внимательно произвелъ розыскъ, распорядился со вновь обнаруженными сектантами такъ, какъ ему было велѣно, и все розыскное дѣло отправилъ въ Москву. Но здѣсь теперь не обратили на донесенія новгородскаго владыки никакого вниманія и «положили дѣло ни за что», какъ самъ онъ скоро (25 февраля 1489 года) писалъ ростовскому архіепископу Іоасафу. Главная причина этого заключалась въ чрезвычайномъ усиленіи къ этому времени секты въ Москвѣ и въ очевидномъ покровительствѣ ей со стороны высшей власти.

Теперь центръ сектантскаго движенія былъ окончательно перенесенъ въ Москву. Здѣсь сектантамъ жилось гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. Поэтому, многіе новгородскіе сектанты бѣжали въ Москву. И тѣ изъ нихъ, которые раскаялись предъ архіеп. Геннадіемъ и «дѣйства свои писали сами на себя своими руками», нетолько пользовалась здѣсь полною свободою, но даже имѣвшіе священный санъ служили въ московскихъ храмахъ съ православнымъ духовенствомъ. Кромѣ того, пользуясь

покровительствомъ высшей власти, бѣжавшіе въ Москву новгородскіе сектанты старались всячески вредить ревностному поборнику православія—архіеп. Геннадію. Особенно такимъ врагомъ новгородскаго владыки заявилъ себя чернецъ Захаръ. Онъ былъ прежде настоятелемъ нѣмчиновскаго монастыря новгородской епархіи и принадлежалъ къ сектѣ стригольниковъ. Будучи тайнымъ стригольникомъ, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ и самъ не причащался св. таинъ и своимъ подчиненнымъ не позволялъ дѣлать этого. Иноки нѣмчиновскаго монастыря обратились съ жалобою на своего настоятеля къ архіеп. Геннадію. Когда послѣдній призвалъ къ себѣ Захара и спросилъ, почему онъ самъ не причащается и не позволяетъ своимъ инокамъ причащаться, то онъ отвѣчалъ: «а у кого причащаться? попы по мздѣ ставлены, митрополитъ же и владыки тоже по мздѣ ставлены». Архіеп. Геннадій сослалъ его въ одну изъ пустыней, какъ сектанта, о чемъ и донесъ въ Москву. Но отсюда вскорѣ получилась граммата великаго князя съ приказаніемъ архіеп. Геннадію возвратить Захара въ его обитель, взявъ только съ него подписку въ томъ, что впередъ и самъ онъ будетъ причащаться и не будетъ запрещать этого своими инокамъ. Вотъ этотъ-то чернецъ Захаръ, бѣжавшій въ Москву еще въ 1487 г., благосклонно былъ принятъ здѣшнимъ сектантскимъ кружкомъ. Живя въ Москвѣ, онъ писалъ обличительныя грамматы, направленныя противъ архіеп. Геннадія, котораго обвинялъ въ разныхъ преступленіяхъ и даже называлъ его еретикомъ. Такія свои грамматы онъ разсылалъ по всей Россіи и особенно распространялъ ихъ въ епархіи самого архіеп. Геннадія.

Высшее московское правительство все это, конечно, знало и допускало. Архіеп. Геннадій теперь видимо не пользовался расположеніемъ въ Москвѣ. Имъ были даже прямо не довольны за его строгія мѣры противъ сектантства. Его считали здѣсь безпокойнымъ человѣкомъ и нетолько не обращали вниманія на его донесенія о сектѣ, но даже перестали приглашать его въ Москву для участія въ происходившихъ здѣсь соборахъ. Все это было, безъ сомнѣнія, дѣломъ сектантовъ, которые теперь пользовались еще бо́льшимъ, чѣмъ прежде, вліяніемъ и расположеніемъ со стороны высшей власти. Покровители секты—Курицыны, Патрикѣевы и Ряполовскіе были самыми приближен-

ными лицами у великаго князя. Насколько было сильно влiянiе и значенiе руководителей московскаго сектантскаго общества, можно судить уже по одному тому, что даже на престолъ московской митрополiи имъ удалось провести лице, если и не принадлежавшее къ сектѣ, то, по крайней мѣрѣ, видимо сочувствовавшее ей и раздѣлявшее сектантскiя стремленiя. По свидѣтельству преп. Iосифа Волоцкаго, основатель секты въ Москвѣ, протопопъ Алексiй предъ смертiю «своимъ волхвованiемъ подойде державнаго» поставить на митрополичiй престолъ человѣка своей партiи, симоновскаго архимандрита Зосиму, и великiй князь поддался внушенiямъ своего любимца. Въ сентябрѣ 1490 года духовныя власти избрали Зосиму митрополитомъ, зная, что этого желаетъ «державный». Архiеп. Геннадiя, по обыкновенiю, не пригласили на соборъ. Онъ самъ хотѣлъ ѣхать, но великiй князь приказалъ ему оставаться въ Новгородѣ ради какихъ-то «великихъ дѣлъ». Отъ него потребовали только письменнаго согласiя, или т. н. «повольной грамматы». Впрочемъ, архiеп. Геннадiй не противился выбору Зосимы, потому что еще не зналъ о сочувствiи его сектантамъ; но сильно оскорбился тѣмъ, что ему не позволили лично присутствовать на соборѣ. Было очевидно, что здѣсь дѣйствовали враждебно настроенные къ нему руководители сектантскаго общества. Самъ митрополитъ Зосима, избранникъ сектантовъ, также враждебно относился къ новгородскому владыкѣ, что не замедлилъ открыто обнаружить тотчасъ же по вступленiи на митрополичiй престолъ. Онъ, между прочимъ, потребовалъ отъ архiеп. Геннадiя исповѣданiя вѣры, какое обыкновенно давали архiереи при своемъ поставленiи. Это означало, что его подозрѣваютъ въ неправовѣрiи. Несмотря однако-же на всѣ такiя интриги враговъ и видимое неблаговоленiе высшаго начальства, новгородскiй владыка не терялъ энергiи. Продолжая, по прежнему, розыскивать сектантовъ, архiеп. Геннадiй скоро убѣдился, что въ Москвѣ, дѣйствительно, существовалъ сильный сектантскiй кружокъ. Нѣкто Самсонко, возвратившiйся изъ Москвы, на допросѣ, между прочимъ, показалъ, что онъ постоянно ходилъ въ домъ дьяка Θеодора Курицына, гдѣ многiе собираются и «поучаются на православныхъ». Архiеп. Геннадiй не замедлилъ донести объ этомъ въ Москву. Но здѣсь не только не обратили никакого вниманiя на его донесенiя, а даже самого

Геннадія стали обвинять въ томъ, что онъ «мучилъ Самсонку». Видя полное покровительство Москвы сектантскому движенію, новгородскіе сектанты, притаившіеся раньше, подъ вліяніемъ строгихъ мѣръ, принятыхъ архіеп. Геннадіемъ, теперь осмѣлились и заявили о себѣ самымъ дерзкимъ кощунствомъ надъ православною христіанскою святынею. Напр., одинъ подъячій Алексѣй Костинъ, напившись пьянъ, влѣзъ въ часовню, «да снявъ съ лавицы икону Пречистые,, на нее скверную воду спускалъ и иныя иконы ногами переворачивалъ». Такая неслыханная дерзость сектантовъ сильно возмутила архіеп. Геннадія и еще болѣе возбудила въ немъ ревность къ защитѣ православія. Онъ сначала отправилъ посланіе къ митрополиту Зосимѣ и въ этомъ посланіи, дерзновенно упрекая самого великаго князя за нежеланіе призвать его въ Москву, гдѣ между тѣмъ секта свила себѣ прочное гнѣздо и пріобрѣла себѣ сильныхъ покровителей, категорически настаивалъ на необходимости соборнаго разслѣдованія раньше представленнаго имъ дѣла о сектантахъ, причемъ безбоязненно называлъ главныхъ московскихъ покровителей зловреднаго лжеученія. Кромѣ того, не надѣясь на успѣхъ этого своего посланія къ митрополиту, архіеп. Геннадій отправилъ одновременно съ нимъ другое посланіе къ собору русскихъ архипастырей, находившихся тогда въ Москвѣ. Здѣсь онъ еще съ бо́льшею настойчивостію убѣждалъ святителей принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію сектантскаго движенія и, прежде всего, разсмотрѣть представленное имъ дѣло на соборѣ. Въ обоихъ своихъ посланіяхъ архіеп. Геннадій жаловался также на дѣятельность чернеца Захара, поносившаго его въ своихъ грамматахъ.

Посланіе архіеп. Геннадія къ собору владыкъ и на этотъ разъ, какъ и прежде, оказало немедленное дѣйствіе. Митрополитъ Зосима, какъ видно, не противился открытію собора, лишь бы предметомъ соборныхъ занятій не былъ судъ надъ сектантами. Онъ хотѣлъ ограничить его занятія простыми состязаніями о вѣрѣ, въ которыхъ надѣялся на несомнѣнную побѣду сектантовъ. Но впослѣдствіи митрополитъ долженъ былъ въ силу необходимости уступить общему желанію епископовъ и большинства духовенста, требовавшихъ суда надъ сектантами. Соборъ открылся 17 октября 1490 года. Архіеп. Геннадія опять не пригласили на соборъ, не смотря на то, что онъ просилъ епископовъ доби-

ваться вызова его на соборъ. Большинство членовъ собора высказалось за преданіе сектантовъ смертной казни. Но митрополитъ Зосима воспротивился этому и сказалъ: «достоитъ я проклятію предать и сослать въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждать, но грѣшныя обращать къ покаянію». Это мнѣніе митрополита было, вѣроятно, поддержано представителями бѣлоозерскихъ иноковъ въ лицѣ знаменитыхъ подвижниковъ—Паисія Ярославова и Нила Сорскаго. Наконецъ, такъ какъ этому рѣшенію долженъ былъ сочувствовать и великій князь, находившійся тогда подъ вліяніемъ партіи, покровительствовавшей сектантамъ, то оно восторжествовало и въ согласіи съ нимъ было постановлено соборное рѣшеніе. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ 1490 года обвинилъ новгородскаго протопопа Гавріила, священниковъ: Дениса, Максима (Ивановскаго), Василія (Покровскаго), діаконовъ: Макара и Самуила, зятя Денисова Васюка, чернеца Захара и дьяковъ Гридю и Самсонку въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицѣ славимаго, и погубить православное христіанство, отвергали божество Іисуса Христа, Его воплощеніе отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и воскресеніе, считая Его пророкомъ, подобнымъ Моисею, а не равнымъ Богу Отцу; ругались святымъ иконамъ, называя ихъ, на ряду съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ; совершали литургію по принятіи пищи и питья и ни во что считали тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи, держались больше ветхаго завѣта и праздновали пасху по іудейски; въ среду и пятокъ ѣли мясо и молоко и совершали другія еретическія дѣла и многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями. Обвиняемые ни въ чемъ не желали сознаться предъ великимъ княземъ и владыками и «быша, яко во изступленіи ума». Соборъ всѣхъ ихъ предалъ проклятію, духовныхъ лишилъ священнаго сана и осудилъ на заточеніе; кромѣ того, нѣкоторыхъ сектантовъ великій князь отправилъ въ Новгородъ, гдѣ они, по распоряженію архіеп. Геннадія, были преданы публичному поруганію.

(Продолженіе будетъ).

Изъ писемъ прот. І. Наумовича о противоштундовомъ миссіонерствѣ*).

(Изъ частной переписки).

Кіевъ. 23 декабря 1887 г. Моя миссіонерская поѣздка въ зараженныя штундой мѣстности Сквирскаго у., Кіев. епархіи, а именно; въ сс. Тур., Луч. и Дѣд., произвела на меня очень грустное впечатлѣніе, хотя въ концѣ концовъ я утѣшаюсь надеждою, что здѣсь во многомъ будетъ лучше, и именно благодаря штундѣ..... Въ православной русской деревнѣ я почти не бывалъ, и здѣшнее сельское духовенство такъ близко наблюдаю впервые. Познакомился съ мѣстнымъ о. благочиннымъ въ с. Кр—мъ, мужемъ ума и сердца и образцовымъ душепастыремъ, сосѣдъ его въ с. Кор—нѣ, тоже честный и благоразумный пастырь; онъ съумѣлъ отвратить опасность штунды отъ своего прихода, между тѣмъ какъ въ этомъ селѣ есть сахарный заводъ. Но болѣе всѣхъ заинтересовала меня личность о. Василія Луз—ва въ с. Тур—кѣ, мужа апостольской ревности въ дѣлѣ миссіи и по истинно апостольской бѣдности.... Тур—ка—приходецъ маленкій, храмъ здѣсь бѣдненькій, маленькій, народъ развращенъ водочными заводами, шинками и панами, а тутъ на эту почву врагъ—человѣкъ насѣялъ штундовыхъ плевелъ и все село духовно разорено. Одни открыто принадлежатъ къ сектѣ, другіе сочувствуютъ и дожидаются лишь подходящихъ для перехода поводовъ и временъ...

---

*) О. Іоаннъ Наумовичъ, бывшій уніатскій священникъ, извѣстный Галицкій патріотъ, смѣлый поборникъ за славянскую идею и страдалецъ за симпатіи къ православію и Россіи, способный писатель—публицистъ, основавшій популярнѣйшій въ Галиціи журналъ „Наука". По переходѣ своемъ въ православіе, почтенный о. Наумовичъ переселился въ Россію и состоялъ на епархіальной службѣ въ Кіевской епархіи, гдѣ, между прочимъ, около 3 лѣтъ исполнялъ обязанности епархіальнаго противоштундоваго миссіонера. О своихъ миссіонерскихъ дѣйствіяхъ и наблюденіяхъ о. Наумовичъ имѣлъ обыкновеніе подробно сообщать въ частной перепискѣ интересующимся штундовымъ вопросомъ. Эта интересная для миссіонеровъ переписка находится нынѣ въ распоряженіи редакціи журн. „Мисс. Обозр." О. Наумовичъ какъ новый человѣкъ въ средѣ православнаго духовенства и просвѣщенный свѣжій дѣятель миссіи является безпристрастнымъ наблюдателемъ штундоваго движенія, а потому мнѣнія и соображенія по сему вопросу почившаго доблестнаго славянина—пастыря заслуживаютъ вниманія. *Редакторъ.*

Разсказываютъ, что при предшественникѣ о. Василія штунда доигралась здѣсь до отчаянной воинственности, окончившейся неслыханной дерзостью. Однажды вожаки секты ворвались въ храмъ во время отпѣванія тѣла одной покойницы, которую считали своей послѣдовательницею, а между тѣмъ послѣдняя, умирая христіанскою православною кончиною, завѣщала священнику и православнымъ родственникамъ не допускать штундистовъ къ погребенію и не лишать ее православнаго погребенія. Прахъ былъ изъ дома принесенъ въ храмъ, началось погребеніе, какъ вдругъ врываются съ шумомъ фанатики, учиняютъ свалку съ православными родственниками покойной, стараясь унести изъ церкви (изъ «капища», по выраженію штундистовъ), священника побили... Побѣда осталась на сторонѣ православныхъ. Старуху похоронили по православному, а съ буянами правительство расправилось военнымъ судомъ... Вообразите теперь картину штундизма въ с. Тур—кѣ и его деморализующихъ послѣдствій на православную среду... Но вотъ послалъ Богъ достойнаго пастыря, вышедшаго изъ народа, и потому близкаго къ нему. Послѣ суда штунда присмирѣла и стали лучи свѣта понемногу разгонять нависшую тьму, и нынѣ совращаемыхъ числится только нѣсколько десятковъ душъ, а были сотни, но и упорство оставшихся видимо смягчается *)...

Въ сопровожденіи о. Василія мы отправились прежде въ Дѣд—у, здѣсь штунда недавно, но успѣла принять угрожающіе размѣры. Къ сожалѣнію застали мы священника—старика тяжело больнымъ воспаленіемъ легкихъ, такъ что мы отъ него въ этотъ разъ почти ничего узнать не могли, и только на слѣдующій день послѣ 45 пьявокъ (!) онъ могъ намъ сказать, что въ приходѣ штундистовъ числится около 36 душъ.

Сектанты были приглашены въ приходскій домъ: явилось ихъ около 12 человѣкъ, вооруженныхъ библіями, и мы начали обыкновенныя собесѣдованія о церкви, таинствахъ—особенно евхаристіи, иконахъ, іерархіи и проч. Они слушали насъ съ боль-

---

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ с. Тур—кѣ числится штундистовъ около десяти. Миссіонерская борьба здѣсь шла съ перемѣнымъ счастіемъ,—въ 1890 году число снова было увеличилось, благодаря малеванскому движенію, тѣмъ не менѣе побѣда на сторонѣ истины. *Редакторъ*.

шимъ вниманіемъ, и сказали, что такія собесѣдованія имъ очень пріятны, такъ какъ они будто бы прежде никогда не слышали отъ священниковъ такихъ рѣчей, но говорятъ, что это—обычный пріемъ сектантскаго лукавства при бесѣдахъ съ новыми увѣщателями, а можетъ быть они и не лгали...

На наши доказательства, между прочимъ, штундисты говорили, что они готовы возвратиться «въ рукотворенную церковь», но пока эта церковь представляетъ де тьму и пока отъ ней исходитъ зло и гибель народа, погрязшаго вмѣстѣ съ вождями своими въ безднѣ пороковъ, намъ де нельзя имѣть общенія съ православными... На мое возраженіе, что дѣло не въ личностяхъ, а въ началахъ, и что начало должно стоять выше личностей, они высказались яснѣе и сказали, что православное духовенство не суть тѣ пресвитеры Христовы, образъ которыхъ начертанъ ап. Павломъ, а что они ветхозавѣтные священники, которые распяли Христа, и которые, по слову Божію, теперь уже не нужны для «новой твари» во Христѣ... О, невѣжество! Пришлось собесѣдникамъ раскрыть исторію новозавѣтной іерархіи. А когда, между прочимъ, указалъ я на примѣръ о. Іоанна Кронштатскаго, сектанты сказали, что одинъ въ полѣ не воинъ и тутже свели рѣчь на матеріальную сторону, жалуясь на своего батюшку за то, что онъ беретъ за похороны по рублю и по полтара (?!), получая 240 руб. казеннаго жалованія. *По рублю* за похороны и это много! подумалъ я себѣ, но чтобы сказали они обо мнѣ, если-бы узнали, что я самъ получалъ по 50, 80 гулд. за похороны, а за вѣнчаніе, обыкновенно, у насъ въ Галиціи даютъ не менѣе 10, 15 гульденовъ, и никогда жалобъ никакихъ не бываетъ... Не добръ русскій народъ къ своимъ душепастырямъ, если такъ низко цѣнитъ ихъ труды!.. А можетъ быть его такъ штунда извратила?.. Перешла рѣчь на иконы. Здѣсь меня удивило, что одинъ штундистъ упрекалъ святителя Николая, что онъ ударилъ Арія на соборѣ, и замѣтилъ, *что они (сектанты) высоко уважаютъ Арія*. Я спросилъ ихъ: за что же вы его такъ уважаете? Совопросники смутилися и даже покраснѣли, значитъ—промахнулися. Видно, что они знали, кто былъ Арій и чему училъ. Кажется, что штунда уже глубже идетъ, до отрицанія божества Христа, потому мы должны были поднять этотъ вопросъ и указать имъ на 1-ю главу къ Евреямъ, посланіе къ Колосянамъ и

на другія мѣста св. Писанія. Собесѣдованіе длилось пять часовъ. Начитанность въ священомъ Писаніи О. Василія поражала совопросниковъ въ самую главу, говорилъ онъ спокойно и логично, объясняя смыслъ текстовъ, я же говорилъ больше къ сердцу, и нельзя было не замѣтить, что такой пріемъ больше достигаетъ цѣли въ своемъ вліяніи на толпу. Разсужденія богословскія туго понимаютъ простецы и скоро забываютъ, голосъ сердца глубже проникаетъ. Надо говорить и къ омраченному уму заблудшихъ, но больше—къ сердцу и совѣсти отпавшихъ. Наше слово увѣщанія многихъ тронуло до слезъ, но когда одни плакали и внимали, другіе (вожаки) перекидывались взглядами другъ съ другомъ, какъ бы говоря: «вотъ фарисеи и книжники»!..

И еще одна подробность поразила меня. Когда я сказалъ сектантамъ, что, отдѣляясь отъ Церкви, они приносятъ вредъ и дѣлаютъ радость врагамъ, которые, видя могущество Россіи, очень рады такому раздору, штундисты сказали: мы молимся и за начальство и за власть, «что-бы они нами хорошо управляли, и готовы повиноваться правительству во всемъ, но подъ условіемъ, если законы правительства не будутъ противорѣчитъ заповѣдямъ Господнимъ»... А когда о. Василій замѣтилъ, что всѣ сыны Россіи и Царя должны быть одно, въ виду враговъ, и если-бы послѣдніе задумали нанести отечеству вредъ, или прійти на насъ съ оружіемъ, не должны-ли мы тогда стоять всѣ, какъ одинъ человѣкъ, пустили-ли бы мы враговъ на наше отечество? Скажите! Отвѣта не было; только послѣ паузы одинъ сказалъ: «*Божа воля*»! Вотъ и все. Прійдетъ врагъ, мы не пойдемъ на него».

— А какъ ты разсуждаешь о войнѣ? Спросилъ я этого послѣдняго.

— Ее вовсе не нужно.

— Ну, а если прійдетъ на насъ врагъ?

— Мы встрѣтимъ его съ любовью.

— Ну, если-же это будетъ не частный, а общій врагъ всего нашего отечества? Пойдешь съ нимъ воевать?

— Нѣтъ.

— Но тебѣ прикажутъ идти на войну въ виду общаго блага, ради спасенья отечества,—защиты женъ, дѣтей, и дадутъ тебѣ оружіе?.

— То я не буду стрѣлять.

— Какъ не будешь?

— Стрѣльну въверхъ, въ воздухъ...

Э, вотъ какая подкладка въ штундизмѣ, подумалъ я. Вѣра и библія только покрывало, и подъ нимъ прячится анархія. Штундисту теперь не надо церкви, попа, чтобъ однимъ начальствомъ («игомъ» на ихъ языкъ) было меньше. И онъ привыкаетъ обходиться безъ духовной власти. Но потомъ, въ свое время, придетъ очередь и до государства и до правительственныхъ учрежденій и лицъ, съ которыми навыкшіе въ церковной анархіи способны также легко расправиться... Да, эта откровенность Дѣд—кой штунды наводитъ меня на многія невеселыя размышленія. Ясно, что въ сектѣ вопросы вѣры и политики близко связаны между собою. Да это и понятно. Другаго конца ждать нельзя, когда возвышенное евангельское ученіе о христіанской духовной свободѣ и братствѣ находится въ рукахъ темной грубой толпы, водимой своимъ своевольнымъ разумомъ или хитростью враговъ Православной Россіи...

Сектанты спрашивали меня, почему начальство возбраняетъ имъ сходиться для бесѣдъ и чтенія евангелія. «Развѣ чтеніе евангелія преступленіе? тогда для чего царь повелѣваетъ издавать свящ. Писаніе, разносить книжки по селамъ и такъ дешево продавать, если нельзя намъ читать слово Божіе»? говорили мои совопросники. Я имъ отвѣтилъ: русское правительство всякую церковь уважаетъ и никого въ дѣлѣ вѣры не стѣсняетъ, но ваше общество церкви не составляетъ, а секту и притомъ тайную, неопредѣлившуюся. Правительство не знаетъ васъ хорошо, кто вы, почему и для какой цѣли отдѣлились отъ господствующей церкви, кто ваши руководители, о чемъ бесѣдуете на своихъ собраніяхъ и т. д. Вы, по своей духовной и умственной незрѣлости, еще дѣти и никакое правительство, разъ оно попечительно и вѣруетъ въ истину и силу своей Церкви, не можетъ оставить народа безъ опеки и подъ руководствомъ враговъ Россіи и православія. Если вамъ что не по душѣ и вы обижены чѣмъ—это дѣло начальства выслушать васъ и зло предотвратить, а вашъ долгъ не мудрствовать паче, нежели подобаетъ... На эту тему я многое и другое имъ говорилъ и въ духѣ мира и любви обличалъ заблудшихъ, доказывая, что они не послѣдователи Христа и апостоловъ, такъ какъ Христосъ

«по вся дни» бывалъ въ «рукотворенной церкви и училъ, апостолы также учили въ храмѣ... и вамъ—говорю я—тоже нужно идти въ храмъ и учиться тамъ вмѣстѣ съ братіею православною разумѣнію закона Господня...—«Намъ нечему тамъ учиться, мы, сколько Господь открылъ и нужно для спасенія, познали Слово Божіе: не пьянствуемъ, не лаемся (не бранимся), не воруемъ, трудимся,—пусть православная Церковь отучитъ впередъ своихъ отъ пороковъ, а мы съ порочными не можемъ сообщаться: какое причастіе свѣту ко тьмѣ?... Если намъ дадутъ въ церкви говорить и учить,—мы пойдемъ, пожалуй»...

Какова гордость! и какія претензіи! Вотъ тебѣ и сѣрый, русскій мужичекъ съ его мытаревымъ смиреніемъ!

Штундисты набираются, обыкновенно, изъ среды самыхъ бѣдныхъ поселянъ и только въ видѣ исключенія пристаютъ иногда къ сектѣ болѣе богатые крестьяне. Въ Дѣд—нѣ ни одного лучшаго хозяина до сихъ поръ пока не совратилось; хотя по словамъ сотскаго, есть уже не мало колеблющихся и склонныхъ къ переходу въ секту. Этотъ почтенный сельскій стражъ общественной тишины и спокойствія 15 лѣтъ на этой должности и въ ротъ не беретъ хмѣльнаго, слишкомъ обезпокоенъ штундою и пророчитъ, что черезъ два года почти всѣ въ селѣ будутъ «штундеры» (такъ сектантовъ называютъ въ народѣ *).

Въ томъ нѣтъ сомнѣнія для меня, что штундизмъ и соціализмъ почти одно и тоже, только въ разной оправѣ. Въ Библіи на все можно найти текстъ. Бѣдный ищетъ утѣшенія и ему указываютъ въ евангеліи, перетолковывая небесныя истины на земной ладъ.

Прот. І. Наумовичъ.

(Продож. будетъ).

---

*) Къ счастію эти предположенія не оправдались. До 1890 года количество сектантовъ въ селѣ, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно росло быстро и штунда считала въ рядахъ своихъ болѣе сотни душъ. Но счастливое назначеніе въ село достойнаго молодаго, энергичнаго пастыря, съ выдающимися миссіонерскими способностями, о. Дирд—го,—въ связи съ общими мѣрами воздѣйствія на отпавшихъ въ Кіевской епархіи,—остановили дальнѣйшее движеніе сектантства впередъ. Происшедшій въ нѣдрахъ секты расколъ (малеванщина) окончательно поколебалъ основы штундизма въ этомъ раіонѣ и начались возсоединенія, такъ что нынѣ въ селѣ Дѣд—нѣ нѣтъ уже ни одного сектанта. *Редакторъ.*

Двадцатилѣтняя борьба съ приходскою штундою и троекратное одолѣніе.

(Лѣтописное сказаніе о штундѣ въ селѣ Моринцахъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи).

Село Моринцы—одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые штунда, появившись въ Кіевской епархіи, сдѣлала первое нападеніе. Когда извѣстный Герасимъ Балабанъ, воспитанникъ Херсонской штунды, придя въ родное село—Чаплынку, посѣялъ здѣсь первыя сѣмена новаго ученія, а затѣмъ часто былъ вызываемъ въ Кіевъ и Таращу на объясненіе: то во главѣ первыхъ чаплынскихъ штундистовъ сталъ жаркій послѣдователь Балабана, Яковъ Коваль. Моринцы отдалены отъ Чаплынки 30-ти верстнымъ разстояніемъ и лежатъ не на линіи первичнаго движенія штунды въ нашъ край; но случилось, что у Коваля въ Моринцахъ была родня, своякъ Даніилъ Школьный, и вотъ Коваль, не бывавшій у этой родни уже нѣсколько лѣтъ, въ новомъ своемъ положеніи вспомнилъ о ней и, какъ снѣгъ на голову, прибылъ въ Моринцы въ самый день освященія новой церкви, 1875 года 25 сентября на канунѣ храмоваго праздника. «Что вы, темныя головы, слушаете этихъ длинноволосыхъ и ходите въ это идольское копище?»—шепнулъ своей роднѣ Коваль, и на эту тему велъ съ ними бесѣду цѣлыхъ три дня; а уходя домой, просилъ въ свободное время и его не забывать. Все это дѣлалось въ полномъ семейномъ секретѣ, и о посѣщеніи Коваля мы узнали лишь спустя два года. Даніилъ Школьный—человѣкъ пожилой, неграмотный, но натура жестокая властолюбивая. Онъ былъ радъ открытію Коваля и мысль—поверховодить въ селѣ, хотя бы и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ религія отцовъ, пришлась ему по сердцу. Съ него и пошла штунда въ Моринцахъ.

1876-й годъ. Слухи о появленіи въ Херсонской губерніи какого-то мужика Рябошапки, проповѣдующаго новую вѣру, дошли и до моего прихода. Толкуютъ о семъ по селу много и горячо, но всѣ согласны, что дѣло это нечистое, продѣлки сатаны. Уже всѣ знаютъ и названіе новой секты—это «штундовые». Поясняютъ, что штундовые молятся только по ночамъ и

не иначе, какъ ставши вокругъ налитаго водою ушата; тогда ихній богъ «вырынаетъ» изъ воды и учитъ ихъ новой вѣрѣ. «Народная фантазія»!—подумалъ я сначала; но потомъ сообразивъ, что этой фантазіей народъ, можетъ быть, облекаетъ явленіе дѣйствительное, и при томъ православію неблагопріятное, сказалъ самъ себѣ: «надо быть на стражѣ», и осенью посѣтивъ святыни кіевскія, купилъ двѣнадцать книжекъ четь-миней св. Димитрія Ростовскаго за деньги, собранныя приходскими «сестрицами». Книги разобраны на расхватъ и хотя бойкихъ чтецовъ не болѣе пяти—шести, но берутся за чтеніе всѣ—и сильные въ немъ, и слабые. Слава Богу! Въ селѣ тихо, въ постъ великій говѣли всѣ.

1877-й годъ. Оказывается, что Даніилъ Школьный, тайно отъ глазъ постороннихъ, работалъ въ своемъ интересѣ: истекшій и настоящій годы употребилъ онъ на привитіе штунды въ своей семьѣ. Самъ не умѣя читать, онъ эту миссію властно и всецѣло возложилъ на своего женатаго сына Ѳеодосія, въ 60-хъ годахъ прошедшаго приходскую школу и жившаго при отцѣ. За это время отецъ съ сыномъ побывали не разъ и въ Чаплынкѣ, гдѣ и получили отъ свояка—Коваля нужныя указанія. Когда предъ праздникомъ Рождества Христова, я съ молитвою посѣтилъ домъ Школьнаго, жильцы его замѣтно не рады были приходу моему. Старика не было дома, старуха неохотно двигалась, убирая хламъ со стола, невѣстка и двѣ дочери стояли неподвижно смущенныя, а сынъ Ѳеодосій мелькнулъ подъ окномъ, видно,—предъ моимъ приходомъ онъ вышелъ нарочито изъ хаты. По прочтеніи молитвы наличныя члены семьи и призванный въ избу по настоянію моему Ѳеодосій приложились ко кресту обычно, но въ медленной поступи ихъ, въ потупленныхъ взорахъ, въ неровныхъ движеніяхъ я подмѣтилъ что-то недоброе. Иконы были на мѣстѣ, на полкѣ около ихъ лежало, рѣдкое еще тогда въ употребленіи крестьянъ, евангеліе въ русскомъ переводѣ. Я заподозрѣлъ штунду и внутренно смутился. Въ приходѣ распространился слухъ, что Ѳеодосій Школьный читаетъ штундовыя книги, но праздниками Рождества, Новаго года и Богоявленія всѣ почти члены этой семьи въ церкви были на лицо и молились, какъ ни въ чемъ неповинные.

1878-ой годъ. Боже мой! въ приходѣ моемъ штунда,—совершенная, настоящая, какъ ее описываютъ въ епархіальныхъ извѣстіяхъ. Генваря 7-го дня я посѣтилъ домъ Школьныхъ для кропленія св. водой и засталъ тамъ (штундовое) сборище; насчиталъ тамъ около 20-ти лицъ обоего пола; какъ видно, они знали, что я располагалъ быть на этой части села и приготовились. До моего прихода они плотно сидѣли кругомъ стола и о чемъ-то разсуждали; при появленіи моемъ съ клирикомъ и пѣніи праздничнаго тропаря они поднялись на ноги, не покидая своихъ мѣстъ. Я окропилъ св. водою передній уголъ съ иконами, а затѣмъ и прочія стѣны. Стоящіе не шевельнулись и не наклонились, какъ принято. На столѣ, покрытомъ чистою скатертью, хлѣба не было, лежало лишь раскрытое евангеліе, прежде мною видѣнное на божницѣ. На мое предложеніе—приложиться ко кресту и принять окропленіе св. водой—всѣ отказались, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «крестъ деревянный не—божество и святитъ ихъ вода живая, то есть слово Божіе». Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло... Незнакомый дотолѣ трепетъ прошелъ по всѣмъ моимъ жиламъ, а къ сердцу и къ горлу подступила такая жалость о погибшихъ овцахъ двора моего, что я готовъ былъ заплакать. Защищая свое поведеніе, члены сборища кидались къ евангелію и указывали тексты. Съ терпѣніемъ и любопытствомъ я вслушивался въ ихъ толкованія и, стараясь сохранить присутствіе духа и спокойствіе, говорилъ: «да такъ ли это? всматривайтесь получше, найдите нѣчто иное». Не подавъ вида, что я признаю ихъ отступниками отъ Церкви, я простился съ ними мирно, пожелавъ, чтобы они чтеніемъ евангелія въ совершенствѣ узнали волю Божію, въ чемъ я готовъ быть имъ усерднымъ пособникомъ. Въ домъ свой я возвратился поздно, пища не шла мнѣ въ горло, сонъ бѣжалъ отъ очей моихъ. Я далъ обѣтъ молиться о моихъ совращенныхъ прихожанахъ и въ слѣдующій воскресный день на проскомидіи, при вынутіи о нихъ части, молитва моя вылилась въ слѣдующей формѣ: «помяни, Господи, заблуждающихся рабовъ Твоихъ Даніила, Іоанна, Θеодосія и прочихъ, яви имъ истину и благодать Твою, яже хранити изволилъ еси во святѣй Твоей апостольстѣй Церкви, да и тіи съ нами славятъ всесвятое имя Твое нынѣ и во вѣки».

1879-ый годъ. О моихъ штундахъ говоритъ, не умолкаетъ все село; къ толкамъ о нихъ я прислушиваюсь, надъ ними самими наблюдаю. Въ церковь то тотъ, то другой штундистъ являются, особенно тѣ, коихъ жены не склоняются къ штундѣ и ихъ самихъ удерживаютъ. Довольно часто встрѣчаю ихъ на похоронахъ и при освященіи колодцевъ; принимаютъ во многомъ участіе, но при цѣлованіи креста и окропленіи св. водою стоятъ въ сторонѣ, не подходятъ. Слышно, посѣщаетъ ихъ собраніе новое лицо—Савва Шляхта. Уже въ рукахъ ихъ явилась и библія. Мучатъ они меня: иной разъ, смотря на ихъ набожность, сдержанность, думаю,—не ошибаюсь ли я, можетъ быть они хотятъ быть только хорошими православными—и лучь свѣтлой надежды блеснетъ въ душѣ моей. Но вдругъ слышу въ толпѣ: «Данило назвалъ церковь *синагогою*, Иванъ говорилъ: попы—фарисеи, Ѳеодосій утверждаетъ, что попы ничего не знаютъ»,—и я опять погружаюсь въ горькія думы. Приблизился постъ великій; я получилъ синодальную библію въ русскомъ переводѣ и рѣшился на широкое предпріятіе: видя, что мои совопросники нахватались изреченій священнаго Писанія урывками и безъ связи, я задумалъ эти урывки систематизировать въ ихъ сознаніи, а для этого и провести ихъ по всей библіи, тѣмъ болѣе, что къ ней они и сами льнутъ и другихъ приглашаютъ. Мы условились: во дни первой седьмицы въ 2 часа пополудни всѣмъ мужчинамъ—сектантамъ собираться въ школьное зданіе и вести здѣсь чтенія по библіи до поздняго звона вечерняго. Объявивъ, что приглашаю ихъ къ любимому ими чтенію Слова Божія, я всякую принудительную къ тому мѣру обошелъ, и штундисты точно въ первые дни являлись исправно и въ полномъ составѣ. Въ собственномъ смыслѣ всей библіи мы не читали—для этого потребовалось бы много времени—а дѣло велось такъ: читалась раздѣльно и внятно ветхозавѣтная исторія Москвина и при встрѣчѣ съ событіями, имѣющими въ данномъ случаѣ великую важность, обращались къ самой библіи и слово въ слово вычитывали сказаніе по ней. Пользуясь такимъ пріемомъ, я по библіи указалъ слушателямъ своимъ въ теченіе седьми дней слѣдующія мѣста: извращеніе сердца человѣческаго грѣхомъ первороднымъ (Быт. **3**, 12), обѣщаніе Избавителя (Быт. **3**, 15), кожаныя одежды въ раю, какъ признакъ первыхъ жертвоприно-

шеній за грѣхъ, непочтеніе Хама къ отцу, Авраамово жертвоприношеніе, начало идолопоклонства (Быт. 35, 2—4 ст.), освященіе земли Богоявленіемъ въ купинѣ, установленіе пасхальнаго агнца, чудодѣйствіе жезла Моисеева, устройство скиніи и златые въ ней херувимы, поклоненіе Аарона, Моисея и всего народа предъ дверями скиніи, наказаніе Корея, Даѳана и Авирона за возмущеніе, молитва Моисея съ воздѣтыми руками при сраженіи съ Амаликомъ, плѣненіе филистимлянами Кивота и паденіе идола Дагона въ виду его, устроеніе и освященіе храма Соломонова и явленіе въ немъ славы Божіей въ видѣ облака, чудо отъ костей Елисея пророка, обращеніе пророка Даніила въ молитвѣ ко храму Іерусалимскому и отверженіе имъ идола, поставленнаго на полѣ Деирѣ, построеніе втораго храма по повелѣнію Господню, изреченному пророкомъ Аггеемъ, жертва Іуды Маккавея въ храмъ на молитвы объ убитыхъ въ сраженіи воинахъ. Въ концѣ чтеній перечислены слушателямъ пророки съ указаніемъ мѣста, времени и обстоятельствъ, при которыхъ они пророчествовали. Чтенія эти при другихъ трудахъ первой седмицы крайне утомили меня, но я утѣшался тѣмъ, что благодаря имъ мои совопросники превратились въ покорныхъ слушателей, возбудились прежнимъ уваженіемъ ко мнѣ, а главное—познакомились изъ первоисточника съ тѣми священными изреченіями и событіями, которыя сектанты или обходятъ, или извращаютъ, равно и съ такими, на которыхъ опирается и православное ученіе и хочетъ основаться и штунда. Кажется, мои собесѣдники поняли, что, устроя чтенія близъ церкви, я расчитывалъ на посѣщеніе ими и повечерій церковныхъ съ покаяннымъ канономъ св. Андрея, и—тогда какъ православные, выслушавъ чтеніе, по звону колокола направлялись со мною въ церковь—они много не думая направлялись домой. «Видно и говѣть они не будутъ» —шептали въ толпѣ. А вотъ посмотримъ—отвѣчалъ я. И сверхъ чаянія мои штунды на этотъ разъ говѣли. Правда, ходили въ церковь однѣ сутки, стояли за чтеніями угрюмо, холодно, но говѣли. Далось замѣтить, что посѣщавшіе чтенія мужчины были сговорчивѣе при исповѣди, чѣмъ женщины, не прослушавшія ихъ: эти послѣднія старались рисоваться вольностію движеній и назойливостію. Варвара, жена Андріенка, не въ очередь и нагло ставъ предъ аналогіемъ, потребовала непремѣнно испов-

дывать ее, а не другую, ибо ей некогда; заявленіе уважено; исповѣдавшись, никакой жертвы на содержаніе причта въ тарелку не положила, громко заявивъ, что спасеніе не покупается, а подается даромъ... Отбывъ говѣніе общимъ порядкомъ, для всѣхъ православныхъ, сектанты постарались однако отличить себя отъ нихъ хотя малымъ чѣмъ: въ день Пасхи они не принесли къ церкви для освященія яствъ праздничныхъ: «не хлѣбъ пасха, а Христосъ пасха»—съвысока вѣщали они. Къ осени новую печаль принесли мнѣ мои отщепенцы: эта самая Варвара, жена Андріенка, 9-го октября родила сына; всѣ мы ожидали, что будетъ дальше. А дальше было то, что штундовые собрались къ Андріенку, нарекли новорожденнаго Іаковомъ, почитали, попѣли, закусили и оставили дитя некрещеннымъ. Я крѣпко возскорбѣлъ и, не зная чѣмъ утѣшиться, принялся писать сборникъ свидѣтельствъ объ иконопочитаніи, расчитывая хотя въ рукописи вычитывать его моимъ заблуждшимъ овцамъ, если въ печати ему не найдется мѣста.

1880-й годъ. Штунды наши истекшимъ праздникомъ Рождества Христова пилигримствовали въ Чаплынку. Многіе видѣли ихъ при выходѣ изъ села, другіе видѣли ихъ въ дорогѣ. Возвратились и похваляются, что были тамъ на штундовыхъ собраніяхъ и не нахвалятся хорошими порядкамя на своихъ собраніяхъ. Православные слушаютъ и недоумѣваютъ. «Итакъ, думаю я, нашествіе вражеское усиливается, надо и себѣ прибавить силъ и оружія. Библію со всевозможнымъ вниманіемъ прочелъ я еще въ прошломъ году и подѣлалъ въ ней нужные знаки и выноски. Теперь обратился къ книгамъ руководительнымъ. Мало ихъ нашелъ я у себя: богословіе пресвящ. Макарія, проповѣди митр. Филарета, обличит. богословіе архим. Иннокентія и только. Все, что въ этихъ книгахъ касалось лютеранскихъ воззрѣній, я прочелъ въ этомъ году и составилъ для себя замѣтки, которыми руководился и тогда, часто пользуюсь и теперь. Для пополненія своей скудной библіотеки я выписалъ теперь: посланія Игнатія Антіохійскаго, творенія Кипріана Карѳагенскаго, изъясненіе литургіи митр. Арсенія, бесѣды Златоустаго на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ. Для народнаго чтенія пріобрѣлъ: розыскъ Димитрія Ростовскаго, житія святыхъ въ русскомъ переводѣ Извольскаго, Одесскій Воскресный листокъ

за первый 1876 г. и друг. Прочтеніемъ сихъ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ подновивъ свои богословскія знанія, я во всеоружіи сей подготовки началъ вести въ семъ году съ штундистами довольно пространныя разсужденія и бесѣды. Но такъ какъ поводъ и случай къ нимъ давали большею частію мои посѣщенія штундистскихъ домовъ предпраздничныя, при чемъ, кромѣ посѣщаемаго семейства, постороннихъ и лишнихъ лицъ почти не бывало: то бесѣды сіи не нарушали мирныхъ съ сектантами моихъ отношеній. Совершенно другого характера выходили эти бесѣды въ томъ случаѣ, когда я натыкался на цѣлыя штундистскія сборища. Первый такой случай былъ въ домѣ тогоже Даніила Школьного, когда я явился къ нему съ кропленіемъ св. водою. Вхожу—опять у нихъ собраніе. Вѣрно частыя посѣщенія мои уже имъ наскучили, потому что всѣ сразу нахмурились. Невольно возбудился и я. Пропѣли тропарь. Я окропилъ голыя стѣнки, подхожу къ Даніилу, спрашиваю: «можешь цѣловать св. крестъ»?— «Не могу».—«Почему»?—«Это-не божество». Спрашиваю другого, третьяго, слѣдующаго—всѣ повторили то-же. Было у меня въ карманѣ русское евангеліе малаго формата; я вынулъ его, раскрылъ на заложенной страницѣ и, поднося къ губамъ Даніила, спросилъ: а это можете цѣловать»? Онъ молча приложилъ уста къ раскрытому евангелію, за нимъ по порядку сдѣлали то-же всѣ, кромѣ послѣдняго по ряду Кирилла Гаркуши, который отказался отъ сего, замѣтивъ, должно быть, на лицѣ моемъ скрываемую улыбку. «Прочитай теперь мѣсто, къ которому прикладылись»—обратился я къ Андріенку. Тотъ прочиталъ: «тогда онъ (пилатъ) предалъ Его (Іисуса) имъ на распятіе; и взяли Іисуса и повели; и неся крестъ свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое Лобное, по еврейски голгофа» (Іоан. 19, 16—17 ст.). Нѣкоторые сейчасъ же догадались и сдѣлали гримасу. Тогда я заключилъ: «да, всякое слово въ евангеліи цѣловать можно и должно; но если можно на бумагѣ цѣловать слово крестъ и распятіе, то почему же на деревѣ нельзя цѣловать крестъ и распятіе»? Толпа молчала и только нервно задвигалась... «Зачѣмъ вы насъ кропите водою?—вопросъ.—«Затѣмъ, что она освященная». —«Мы и безъ нея освящаемся Духомъ святымъ».—«Да, Духомъ Святымъ, но черезъ воду».—«Довольно и одного Духа Святаго».—«Было бы довольно, еслибы такъ Богъ изволилъ; но Богъ

изволилъ освящать не однимъ Духомъ, но водою и Духомъ, т. е. Духомъ черезъ воду. «Возраженія посыпались со всѣхъ сторонъ и высказывались такъ наступательно, грубо и дерзко, что псаломщикъ страха ради началъ тянуть меня прямо за рукавъ изъ не гостепріимной избы штундистской. Чтобъ мирно разстаться съ ними, я у порога обратился лицомъ къ моимъ поносителямъ, благословилъ ихъ іерейскою рукою и произнесъ: «если не сильны для васъ наши рѣчи, то ужъ Самъ Господь да просвѣтитъ ваши умныя очи къ познанію Его истины». По мѣрѣ приближенія великаго поста я старался угладить всѣ пути для хожденія штундистовъ въ церковь и говѣнія. Сократилъ нѣкоторыя чтенія, утомлявшія темный людъ (да проститъ мнѣ Господь!), чтецамъ велѣлъ предварительно просматривать на дому предлежащее чтеніе въ церкви и читать громко и внятно. Для образчика самъ ходилъ на клиросъ и читалъ, пѣніе улучшилъ прибавкою голосовъ изъ школьниковъ. По воскресеніямъ вмѣсто вечеренъ читалъ любимое штундами евангеліе Матѳея въ русскомъ переводѣ, кратко и въ положительной формѣ разъясняя православнымъ мѣста, подставляемыя штундами. Все съ моей стороны было устрояемо къ принятію этихъ странниковъ міра, попавшихъ въ сектантскія дебри, но... увы! ни одинъ изъ штундистовъ въ сей постъ въ церкви не показывался и никто изъ нихъ не пришелъ говѣть. «Кончено»—повторялъ я грустно въ свѣтлый день Пасхи. «Что дальше будетъ и что дальше мнѣ дѣлать—Самъ Ты, Господи, меня настави».

Священникъ **І. Березницкій.**

(Продолженіе будетъ).

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

„Религія-это главная основа государства. Церковь-величайшая на землѣ святыня. Состояніе духовенства всегда привлекало Наше особое вниманіе.“ **(Изъ резолюцій Императора Николая I).**

Содержаніе: **Царственная дѣятельность Императора Николая I на пользу православія и внутренней миссіи.** (По поводу столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почившаго Монарха). Высота воззрѣній Императора на государственное значеніе Церкви, и широта личнаго участія Его въ дѣлахъ церковнаго преуспѣянія. Оживленіе и расширеніе внутренней миссіи Церкви. Централизація въ направленіи миссіонерскаго дѣла: столичный и губернскіе совѣщательные (по миссіонерскимъ дѣламъ) комитеты. Учрежденіе епархіальныхъ миссій. Миссіонерскія отдѣленія при академіяхъ и семинаріяхъ. Высочайшая инструкція и взглядъ Императора на основы борьбы съ расколомъ и задачи внутренней миссіи. Служебное и матеріальное положеніе миссіонеровъ въ царствованіе Николая I: взаимодѣйствіе свѣтской и духовной власти въ борьбѣ съ расколомъ и сектами. Законодательныя административныя ограниченія личныхъ и общинныхъ правъ послѣдователей болѣе вредныхъ раскольничьихъ толковъ и сектъ. Выселеніе въ закавказскій край духоборцевъ. Попеченія Императора о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи православнаго народа въ духѣ православной вѣры и Церкви. Мѣры къ поднятію нравственнаго, умственнаго положенія приходскаго духовенства. Дарованіе духовному сословію правъ и привиллегій. Заботы Императора о храмоздательствѣ и церковномъ благолѣпіи и благочиніи. Внѣшняя миссія въ царствованіе Императора Николая I.—Годовщина православнаго миссіонерскаго общества. Учрежденіе перваго въ Россіи миссіонерскаго института. Еще по поводу предкоронаціонныхъ раскольничьихъ происковъ и ухищреній. Ознаменованіе Черниговскими единовѣрцами патріотическихъ торжествъ восшествія на престолъ Ихъ Величествъ и дней коронаціи.—Семинарскіе миссіонерскіе листки.—Предостереженіе журналу „Недѣля“ за статью съ идеями толстовскаго сектанства. Вызовъ Русскихъ штундистовъ въ нѣмецкую семинарію.

25 іюня текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Императора Николая I. Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣйнаго почитанія молитвою и добрыми дѣлами благодарная Россія вспоминала въ эти славные царственные поминки замѣчательнѣйшаго изъ Россійскихъ Вѣнценосцевъ,-Государя, положившаго въ теченіи своего тридцатилѣтняго царствованія твердое начало главнѣйшимъ устоямъ государственной

мощи и славы Россіи—**православію, самодержавію и русской народности.** Величавый образъ блаженной памяти Монарха отпечатлѣлся неизгладимою печатью рѣшительно на всѣхъ сферахъ церковной, государственной и народной жизни Россіи. Религіозный, глубоковѣрующій въ Бога и Его промыслъ, въ самобытныя силы и призваніе Россіи, убѣжденный поборникъ монархическихъ началъ власти, рыцарски честный, искренній и прямодушный, ненавидившій ложь и неправду, вѣрный другъ своихъ вѣроломныхъ друзей, твердый какъ скала на словахъ и въ дѣлѣ,—строгій къ себѣ и къ другимъ,—Императоръ Николай Павловичъ создалъ своимъ царствованіемъ цѣлую эпоху въ исторіи Россіи, о которой нынѣ здравствующіе Его современники, потомство и исторія вспоминаютъ съ такою же народною гордостью, какъ и объ эпохѣ Великихъ Петра и Екатерины. Кто самъ зналъ и помнитъ Монарха,—исполненъ почти безпредѣльнаго и безотчетнаго благоговѣнія къ свѣтлой памяти Царя,—кто родился или сложился характеромъ уже послѣ него, съ дѣтства привыкъ чтить въ немъ воплощеніе Государя строго-справедливаго, отечески-ласковаго, и властнаго, отзывчиваго и любвеобильнаго по отношенію какъ ко всему своему народу, такъ и къ каждому отдѣльному лицу. Многихъ изъ старѣющаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, многихъ изъ мятущейся умомъ и сердцемъ молодежи смущаетъ до сихъ поръ величавая фигура Русскаго Самодержца, запретившаго внутреннему неустроенію и мятежамъ въ разгаръ напряженнѣйшаго и тревожнѣйшаго изъ столѣтій.

Ко дню празднованія столѣтія памяти Императора Николая I историческая литература, какъ свѣтская такъ и духовная, а равно и періодическая печать дали читающей Россіи обстоятельное жизнеописаніе почившаго Императора, подробную характеристику (насколько послѣдняя возможна еще въ наше время) царственной дѣятельности и заслугъ сего Государя предъ отечествомъ. Долгъ миссіонерскаго органа вспомянуть предъ читателями своими о царственныхъ заботахъ и трудахъ почившаго Великаго Монарха на пользу православія и Церкви и въ частности о заслугахъ Николаевской эпохи въ отношеніи внутренней миссіи отечественной церкви—для дѣла церковно-государственной борьбы съ сектантами и расколомъ. Нельзя не замѣтить, что эта сторона царственной дѣятельности Императора

Николая I въ юбилейной печати какъ-то обойдена, замолчана *): какъ-будто она-тѣневая для славной памяти незабвеннаго Императора, или маловажная. А между тѣмъ для отечественной церкви царствованіе Императора особенно памятно по той непрерывно сердечной заботливости, съ которою Государь относился къ дѣлу православія, къ интересамъ духовенства, къ вопросамъ миссіи съ первыхъ же дней Своего царствованія и до самой Своей кончины. Послѣ заботъ объ арміи и русскомъ солдатѣ, едва ли можно указать другую сферу государственной жизни того времени, гдѣ бы была проявлена почившимъ Императоромъ такая широта сердечной любви и личнаго попечительнаго участія, какъ въ дѣлахъ духовнаго вѣдомства, и вчастности относительно мѣропріятій, содѣйствовавшихъ успѣхамъ внутренней миссіи Церкви и ослабленію раскола и сектантства въ Имперіи. Такъ что въ сферѣ церковнаго управленія, въ жизни и бытѣ духовенства и въ дѣлахъ внѣшней и внутренней миссіи Николаевская эпоха является безпримѣрною въ церковной нашей исторіи по тому подъему и оживленію силъ дѣятелей Церкви, по обилію жизненности и строгой цѣлесообразности церковно - государственныхъ мѣропріятій, по благотворности плодовъ этого царствованія для православія.

Воспоминаніе о разносторонней неутомимой царственной дѣятельности Императора на пользу Церкви и миссіи можетъ дать немало поучительныхъ уроковъ и нашему чуткому къ миссіонерской борьбѣ съ расколомъ и сектами времени.

Достаточною характеристикою взглядовъ и отношенія Императора къ религіи, Церкви и миссіи могутъ служить уже одни вышеприведенныя и другія не менѣе классическія слова Монаршихъ резолюцій: «**религія—это главная основа государства**,—своевольство понятій вредно для общества и есть послѣдствіе удаленія отъ религіи», «**Церковь—величайшая на землѣ святыня**». «Добрая нравственность должна быть въ сердцѣ и имѣть своимъ основаніемъ религію» **).

---

*) Разумѣемъ свѣтскую печать. Что касается духовной, то наиболѣе обстоятельную оцѣнку заслугъ Императора для Церкви и духовенства и миссіи далъ почтенный органъ столичнаго духовенства „С.-Пет.—бур. Духовный Вѣстникъ", нѣкоторыми свѣдѣніями котораго между прочимъ и пользуемся мы для настоящей краткой поминки въ Бозѣ почившаго Императора.

**) Рус. Стар. Іюнь 1896 г.

«Вы хотите принужденіемъ, силой сдѣлать изъ нѣмцевъ (Остзейскаго края) русскихъ, (православныхъ) съ мечемъ въ рукахъ, какъ Магометъ, но мы этого не должны потому, что **мы—христіане**... мы должны любовью и кротостью привлечь (на сторону православія) нѣмцевъ» *). «Миссіонеры и священники обязаны дѣйствовать «*какъ ученіемъ, такъ и примѣромъ*, приспособляясь къ понятіямъ (иновѣрцевъ); которые святаго крещенія принять не пожелаютъ, таковымъ пронужденія не чинить и не угрожать, но поступать по образу апостольской проповѣди съ великимъ смиреніемъ, тихостью и кротостью, оставляя ихъ съ миролюбіемъ до другаго благопріятнаго времени» (изъ Высочайше утвержден. инструкціи). «Слава Богу, но подтвердить дѣйствовать осторожно и не торопливо». (Резолюція Государя по поводу присоединенія уніатовъ) и т. д. Такія гуманныя начала положены были въ основу миссіи Николаевскаго времени, что́, какъ видитъ читатель, уже само по себѣ совершенно исключаетъ укоренившійся въ нѣкоторой части общества и печати тотъ невѣрный взглядъ, будто-бы миссія Николаевской эпохи опиралась на однѣ только полицейскія мѣры, шла невѣрнымъ путемъ и потому оказалась малоплодною. Безпристрастное обслѣдованіе состоянія и организаціи миссіонерскаго дѣла по вразумленію раскольниковъ и сектантовъ приводитъ къ заключенію, что никогда ранѣе наше миссіонерское дѣло не имѣло такой полноты мѣропріятій, такой строгой организаціи и единства взглядовъ и и дѣйствій Церкви и государства на расколъ и секты и на мѣры борьбы съ ними. Въ принципѣ путь начертанъ былъ правильный: впереди шли церковныя мѣры духовнаго воздѣйствія въ духѣ христіанскаго смиренія и терпѣнія. Государственнымъ ограничительнымъ мѣрамъ въ отношеніи сектантовъ и раскольниковъ отведено было второстепенное, содѣйствующее, значеніе. Если же бывали уклоненія и мѣры репрессій врывались не въ свою сферу, вина — не въ законодателѣ, а въ излишнемъ усердіи, въ невѣжествѣ, а также и нередко въ недобросовѣстности исполнителей велѣній Царя. Притомъ, рѣзкость и настойчивость нѣкоторыхъ законодательныхъ Николаевскихъ мѣръ

*) Изъ словъ Государя К. Ю. Ѳ. С., по поводу книжки послѣдняго о введеніи православія и русск. народности въ прибалт. губер.

въ отношеніи заблудшихъ (переселеніе духоборъ, правовыя ограниченія нѣкоторыхъ толковъ раскольничьихъ) объусловливалась особыми историческими обстоятельствами, а также состояніемъ сектъ и раскола—тѣмъ воинствующимъ характеромъ пропаганды сектантства и раскола, къ какимъ привели неблагодарныхъ отщепенцевъ мягкія гуманныя мѣры благороднѣйшаго изъ Монарховъ Александра I.

Чтобы правильно оцѣнить репрессивныя мѣры Императора Николая I-го, нужно установить вѣрный взглядъ на исторію сектантства и раскола, и состояніе, въ какомъ застало ихъ послѣднее царствованіе. Довольно напр. припомнить извѣстный проэктъ камергера—скопца Еланскаго, поданный Императору Александру Благословенному объ учрежденіи скопческаго управленія Россіею,—о хлыстовскихъ корабляхъ, о духоборческихъ изувѣрствахъ на Молочныхъ Водахъ, о всесильномъ господствѣ надъ бѣднымъ православнымъ населеніемъ раскольничьяго капитала, созидавшаго въ видахъ возвеличенія своей вѣры такіе храмы и скиты, какихъ не имѣло православное населеніе.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ въ основѣ правительственныхъ отношеній къ расколу и сектантству оставилъ тѣ-же начала вѣротерпимости, которыя вошли въ жизнь съ Екатерины Великой и господствовали при Александрѣ I. Раскольники и сектанты за содержаніе той или другой вѣры не преслѣдовались; ограниченіе ихъ гражданскихъ личныхъ и общинныхъ правъ направлены на пресѣченіе прозелитизма и обузданіе вредной для православія пропаганды усилившихся лжеученій. Въ тоже время правительство полагало своими мѣрами обезпечить успѣхъ миссіонерскаго воздѣйствія на темную массу, которая по своей духовной слѣпотѣ казалась безсильною къ воспріятію спасительныхъ благъ истины православія.

Обращаясь собственно къ мѣропріятіямъ миссіонерскимъ, мы видимъ, что миссіонерская дѣятельность противъ раскола возложена была на обширный кругъ лицъ съ различными обязанностями и полномочіями. Во главѣ миссіонерскаго дѣла при Св. Сѵнодѣ былъ утвержденъ центральный комитетъ, а въ губернскихъ городахъ совѣщательные по миссіонерскимъ дѣламъ комитеты, состоявшіе изъ епархіальныхъ архіереевъ, губернаторовъ и другихъ высшихъ и низшихъ начальствующихъ лицъ

духовнаго и гражданскаго вѣдомства. С.-Петербургскій центральный комитетъ долженъ былъ слѣдить за общимъ ходомъ борьбы съ расколомъ и вырабатывать общія соображенія по дѣлу, которыя, по обсужденіи вопроса Св. Сvнодомъ и утвержденіи Государемъ, отсылались для осуществленіи въ епархіи. Епархіальные комитеты дѣлали тоже самое по отношенію къ своимъ епархіальнымъ дѣламъ, въ предѣлахъ своего епархіальнаго района и предоставленныхъ имъ закономъ полномочій. Часть исполнительная лежала главнымъ образомъ на епархіальныхъ архіереяхъ, которые сами должны были избирать средства и орудія для выполненія высшихъ предначертаній, и на приходскомъ духовенствѣ, являвшемся чаще всего этимъ орудіемъ, хотя оно и не считалось спеціально для этого предназначеннымъ. Съ исключительною цѣлью миссіонерства въ разное время были организованы миссіи изъ двухъ и болѣе духовныхъ лицъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ преосвященныхъ, въ епархіяхъ: Олонецкой, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Новочеркасской и Иркутской. Первоначально составъ миссій набирался изъ наличныхъ представителей духовенства, удовлетворявшихъ лишь извѣстнымъ требованіямъ, но послѣ, въ 50-хъ годахъ, Государь Императоръ повелѣлъ озаботиться подготовкою спеціальныхъ миссіонеровъ. Въ 1851 году онъ повелѣлъ Св. Сvноду обсудить вопросъ «о приготовленіи особыхъ миссіонеровъ для вразумленія раскольниковъ» и въ 1853 году утвердилъ сvнодальное опредѣленіе, установившее главныя основанія этого приготовленія. Съ 1853 г., по новому закону, стали открываться при духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ особыя миссіонерскія отдѣленія, съ обученіемъ въ нихъ слушателей исторіи и обличенію раскола, статистикѣ его, церковной археологіи, пастырско-миссіонерской практикѣ и исторіи противораскольнической литературы.

Въ 1854 г., по повелѣнію Государя, въ Петербургъ было вызвано изъ 14 епархій нѣсколько протоіереевъ, священниковъ, іеромонаховъ и діаконовъ для слушанія уроковъ по расколу отъ сvнодальнаго члена архіеп. Григорія, автора извѣстнаго сочиненія «Истинно-древняя, истинно-православная Церковь Христова».

Порядокъ и характеръ миссіонерской дѣятельности былъ опредѣленъ во множествѣ указовъ и инструкцій, изданныхъ и

во всеобщее руководство, для отдѣльныхъ епархій и лицъ. Достойно вниманія, что первая программа миссіонерскихъ дѣйствій была начертана самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Въ 1828 г. Государь передалъ Св. Сѵноду чрезъ митрополита Серафима повелѣніе объ учрежденіи въ Пермской епархіи противораскольнической миссіи, въ которомъ поручая Св. Сѵноду снабдить миссіонеровъ подробнѣйшею инструкціею, самъ намѣтилъ главныя основанія организаціи миссіонерскаго дѣла, характеризующія глубокое вниманіе Монарха къ миссіи*).

Эти основанія организаціи миссіонерскаго дѣла на столько цѣлесообразны и жизненны, что не смотря на то, что Высочайше преподаны назадъ тому 40 лѣтъ, почти цѣликомъ входятъ въ дѣйствующія нынѣ правила «о миссіи», составленныя на первомъ и дополненныя на второмъ миссіонерскихъ всероссійскихъ съѣздахъ,—что свидѣтельствуетъ о замѣчательной проницательности Императора Николая Навловича и глубокомъ пониманіи хода миссіонерскаго дѣла. Нужно замѣтить, что тѣ пункты нынѣшнихъ правилъ, въ какихъ допущены существенныя уклоненія отъ основъ, преподанныхъ Высочайшею Николаевскою инструкціею, оказываются на практикѣ недостигающими цѣли. Особенно это нужно сказать о томъ пунктѣ (6) Николаевскихъ правилъ, ко-

---

*) 1) Въ миссіонеры выбираются три священника, „честнаго и благонамѣреннаго житія“, основательно знающіе ученіе объ истинной древности и правильности ея обрядовъ и лживости раскольническихъ нареканій на нихъ. 2) Выборъ помощниковъ—сотрудниковъ изъ діаконовъ или причетниковъ дѣлается по желанію миссіонеровъ. 3) Миссіонеры получаютъ казенные прогоны, часть дохода приходовъ, при которыхъ состоятъ и по 1000 руб. жалованья; (что для тогдашняго времени было высокимъ окладомъ), сотрудники-діаконы по 500 р., причетники по 250 р. 4) Миссіонеры обязываются выѣзжать для проповѣди въ мѣста жительства раскольниковъ. 5) Объ ихъ прибытіи раскольники извѣщаются оффиціально отъ гражданскихъ властей. 6) Гражданскія власти должны наблюдать, *чтобы сильные и вліятельные раскольники не оказывали давленія на менѣе упорныхъ и не ставили имъ преградъ къ вступленію въ сношенія* съ *православными священниками.* 7) Ради сближенія съ раскольниками, священникамъ позволяется, вслучаѣ нужды, совершать церковныя требы по старопечатнымъ книгамъ. 8) Крещеніе раскольничьихъ младенцевъ разрѣшается совершать миссіонерамъ по желанію родителей, съ записью въ метричеркія книги, которыя должны быть даны отъ мѣстной консисторіи „безъ всякихъ разбирательствъ, такъ какъ младенцы до крещенія такъ-же не пренадлежатъ къ расколу, какъ и къ Церкви.“ 9) Къ прочимъ таинствамъ раскольники принимаются

ими ограждалась свобода убѣжденій и дѣйствій сектантской массы отъ давленія со стороны сильныхъ и вліятельныхъ главарей раскола и сектъ, которые, какъ ранѣе такъ и теперь, являются главными врагами истины и поборниками раскольничьяго мракобѣсія и сектантскаго вольнодумства въ вѣрѣ, въ тоже время и деспотическими властителями надъ темною сектантскою массою. Императоръ Николай Павловичъ видимо чувствомъ глубоковѣрующаго человѣка прекрасно постигалъ психологію раскола и сектантства, а потому и мѣропріятія Его оказывались столь жизненными и цѣлесообразными.

Вопросъ о наилучшемъ составѣ дѣятелей миссіи, объ ихъ служебномъ и матеріальномъ положеніи—былъ предметомъ особой попечительности въ Бозѣ почившаго Государя. На Высочайшихъ докладахъ по этому предмету встрѣчаются поучительныя и для нашего времени отмѣтки и резолюціи незабвеннаго Монарха. Такъ, на докладѣ (1829 г.) о необходимости учрежденія епархіальныхъ, противораскольничьихъ миссіонеровъ Его Величество начерталъ: «стараться должно *увеличить* число миссіонеровъ, приготовляя таковыхъ *заблаговременно*». На другомъ док-

---

не иначе, какъ по изъявленію доказательствъ дѣйствительнаго желанія къ соединенію съ Церковью, или прямо, или на правахъ единовѣрія. 10) Чтобы расположить раскольниковъ къ этому общенію съ Церковью, священники-миссіонеры входятъ съ ними въ собесѣдованія о вѣрѣ и чиноположеніи, на основаніи Слова Божія и истиннаго преданія Церкви. 11) Для этого миссіонеры снабжаются противораскольническими сочиненіями и, если можно, старопечатными и старописанными книгами, могущими послужить къ опроверженію многихъ древнихъ раскольническихъ обычаевъ. 12) О встрѣчающихся затрудненіяхъ и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ миссіонеры доносятъ епархіальному *архіерею еженедѣльно, архіерей же Св. Синоду ежемѣсячно.* 13) Для обращающихся раскольниковъ строить церкви, или же приписывать ихъ къ православнымъ приходамъ. Эти начала миссіонерской организаціи въ позднѣйшемъ Высочайше утвержденномъ положеніи для Олонецкой епархіи добавлены 4 новыми пунктами: а) въ епархіяхъ, гдѣ нѣтъ спеціальныхъ миссіонеровъ, преосвященные обращаютъ особенное вниманіе на священниковъ приходовъ, близкихъ къ раскольникамъ, и достигаютъ того, чтобы всѣ священники такихъ приходовъ были безусловно люди „съ достаточнымъ содержаніемъ, кроткіе и просвѣщенные, способные къ борьбѣ съ расколомъ;“ б) все духовенство приглашается къ открытію школъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, для обученія дѣтей раскольниковъ; в) старообрядческимъ монастырямъ запрещается принимать къ обученію и воспитанію дѣтей обоего пола; г) бродяги раскольники развратители берутся подъ стражу и предаются суду.

ладѣ (1853 г.) Государь написалъ «быть какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ выборѣ миссіонеровъ крайне осторожнымъ». Кругъ дѣятельности миссіонеровъ опредѣлялся весьма широко: послѣдніе назначались «для наблюденія за дѣйствіями священниковъ и благочинныхъ въ приходахъ (съ новокрещенными а равно и сектантами и раскольниками) и для обращенія еще не знавшихъ христіанства и заблудшихъ». Ясно опредѣлены были также и задачи миссіонерства, состоявшія въ томъ, чтобы «направлять заблуждающихся къ сближенію съ св. Церковью». Относительно способовъ и средствъ миссіонерскаго дѣйствованія Государь лично не разъ преподавалъ по духовному вѣдомству руководящія указанія, вполнѣ соотвѣтствовавшія высокому характеру этого святаго дѣла, а именно: священникамъ и миссіонерамъ рекомендовалось соблюдать въ своихъ дѣйствіяхъ «осторожность, постепенность и мягкость въ обращеніи». Въ 1835 г. Государь Николай Павловичъ Высочайше повелѣлъ Саратовскому епископу: «продолжать дѣйствія миссіи *не торопясь и болѣе посредствомъ примѣровъ и убѣжденій*, и отнюдь не показывать намѣренія *къ насильственному дѣйствію*». Когда епископъ Полоцкій Смарагдъ, подъ вліяніемъ успѣховъ миссіонерскаго дѣла (по возсоединенію уніатовъ) сдѣлалъ представленіе о томъ, что было-бы полезно и благовременно обратиться отъ имени Св. Синода ко всѣмъ уніатамъ съ воззваніемъ, Императоръ начерталъ на докладѣ: возваніе «дѣлать не время и безъ того милосердый Богъ благословляетъ видимо ходъ сего важнаго дѣла». На другомъ докладѣ о возсоединеніяхъ уніатовъ Государь снова начерталъ: «Слава Богу, но подтвердить дѣйствовать *осторожно и не торопливо*, съ дѣломъ симъ (возсоединеніемъ) для самой онаго пользы и достоинства. Прежде чѣмъ возсоединять, Высочайше одобренной инструкціей рекомендовалось дѣйствовать на понятія народа и постепенно убѣждать его къ возсоединенію, склоняя прежде всего представителей (а въ уніи духовенство), и потомъ чрезъ нихъ покорять народъ—массу.

Не лишне вспомнить эти уроки мудрой миссіонерской осмотрительности добраго стараго времени и нашимъ современнымъ руководителямъ и дѣятелямъ миссіи, изъ которыхъ многіе отличаются нетерпѣливостью въ ожиданіи обращеній отпавшихъ въ лоно Церкви, любятъ цѣнить успѣхи миссіонерскаго

дѣланія одними цифровыми данными о возсоединившихся... Отсюда не рѣдко имѣетъ въ миссіонерской практикѣ мѣсто непростительная поспѣшность при возсоединеніяхъ безъ достаточнаго искуса, безъ подготовленія и наученія въ истинахъ православія.

Объединивъ дѣятельность церковной миссіи чрезъ учрежденіе центральнаго и губернскихъ совѣщательныхъ комитетовъ, Государь стремился также достигнуть единства взглядовъ и дѣйствій и со стороны исполнительныхъ органовъ мѣстной свѣтской власти съ дѣятелями духовнаго вѣдомства. На обязанность первыхъ возложено было оказывать во всѣхъ потребныхъ случаяхъ дружное содѣйствіе духовенству въ его борьбѣ съ вѣковымъ зломъ, какимъ были въ глазахъ Монарха расколъ и секты. Независимо отъ того полицейская власть обязана была имѣть строжайшее наблюденіе за неуклоннымъ примѣненіемъ и исполненіемъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій и узаконеній относительно раскола.

Обозрѣвая эти, изданныя въ царствованіе Императора Николая I многочисленныя законодательныя и административныя распоряженія по дѣламъ сектъ и раскола, нельзя не видѣть, что одни изъ таковыхъ были направлены «къ сближенію раскольниковъ съ православіемъ»,—что было завѣтнымъ желаніемъ Монарха,—и имѣли характеръ мѣропріятій поощрительныхъ въ отношеніи кающихся; сюда нужно отнести всѣ тѣ права и льготы, какія Высочайше дарованы были возсоединявшимся. Рядъ другихъ правительственныхъ мѣропріятій направленъ былъ къ ограниченію личныхъ и общественныхъ гражданскихъ правъ отступниковъ. Въ этихъ послѣднихъ мѣрахъ правительственная власть имѣла въ виду явить сектанской и православной массѣ населенія свое авторитетное доказательство высокаго значенія православія, какъ истины и какъ государственной силы, а въ тоже время и вредности раскольничьихъ лжеученій. Независимо отъ ограничительныхъ узаконеній, были изданы и чисто карательныя, имѣвшія цѣлью пресѣченіе развитія пропаганды лжеученій. Здѣсь Императоръ, какъ вѣрный сынъ отечественной Церкви, явилъ Себя строгимъ охранителемъ и бодрымъ стражемъ святой неприкосновенности православія: Онъ былъ неумолимъ къ совратителямъ.

Въ видахъ сближенія раскола съ православіемъ», между прочимъ, Высочайше разрѣшено было священникамъ освящать браки раскольничьи въ единовѣрческихъ церквахъ по старопечатнымъ книгамъ, вѣнчать дѣтей раскольниковъ православнымъ бракомъ, безъ разрѣшенія родителей, приводить раскольниковъ къ присягѣ на старопечатномъ евангеліи и проч. Особенное вниманіе обращено было Императоромъ на распространеніе и укрѣпленіе единовѣрія, какъ вѣрнаго средства въ дѣлѣ сближенія раскола съ православною Церковью, а потому эпоха царствованія Николая I является самымъ цвѣтущимъ временемъ въ исторіи единовѣрія. При живомъ содѣйствіи Императора, единовѣріе было насаждено во всѣхъ епархіяхъ и успѣло укорениться въ въ самыхъ закоренѣлыхъ центрахъ раскола, каковы Иргизъ Саратовскій, Черниговское Стародубье, Московскія Преображенское и Рогожское кладбища *).

Къ числу *ограничительныхъ мѣръ*, касавшихся всѣхъ вообще уклонившихся отъ православія, относятся: лишеніе раскольниковъ права нанимать за себя рекрутовъ изъ православныхъ, занимать какія бы то ни было общественныя должности, а чтобы мѣра эта не ложилась тяжестью на православныхъ односельцевъ, установленъ былъ съ раскольниковъ особый денежный сборъ. Здѣсь будетъ не лишне замѣтить, что раскольники и сектанты и нынѣ ограничены относительно занятія сельскихъ должностей, такъ что гдѣ раскольникъ избирается на общественную выбор-

---

*) Въ обращеніи богатыхъ и многолюдныхъ иргизскихъ монастырей, совмѣстно съ духовными увѣщателями, личное дѣятельное участіе принималъ, по Высочайшему повелѣнію, Саратовскій губернаторъ Голицынъ. Въ Стародубьи появилось единовѣріе благодаря личному воздѣйствію Самого Императора на мѣстныхъ раскольниковъ. Проѣзжая въ 1847 г. чрезъ Черниговскую губернію, Государь посѣтилъ старообрядческій посадъ Добрянку. Отказавшись здѣсь принять поднесенный ему раскольниками хлѣбъ-соль, Государь сказалъ поселянамъ: „Мнѣ весьма непріятно видѣть васъ въ заблужденіи; когда-же вы будете въ церковь ходить, тогда и хлѣбъ приму, а церковь Я выстрою Самъ.“ Послѣ этого церковь была выстроена очень скоро и къ ней былъ назначенъ единовѣрческій священникъ Т. Верховскій, который въ томъ-же году обратилъ къ единовѣрію нѣсколько окружныхъ посадовъ и извѣстный Покровскій монастырь. Въ Москвѣ на Рогожскомъ Преображенскомъ кладбищѣ появилось единовѣріе уже въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го; всѣхъ же единвѣрческихъ церквей въ Имперіи открыто было 179.

ную должность, тамъ кандидатомъ ему назначается обязательно православное лице. Штундисты совершенно не допускаются ни на какія должности. Насколько прозорливъ былъ законодатель относительно этой мѣры, убѣдительныя доказательства тому встрѣчаются и доселѣ. Отовсюду слышатся не только жалобы, но прямо стонъ и вопль со стороны православныхъ и единовѣрцевъ на крайній произволъ и недобросовѣстную партійность, въ интересахъ своей секты, со стороны раскольниковъ стоящихъ во главѣ городскихъ и посадскихъ самоуправленій. Намъ сообщаютъ изъ Черниговскихъ богатыхъ раскольничьихъ посадовъ, что единовѣрцы тамъ просто бѣдствуютъ и нѣтъ имъ помогающаго: сильные своимъ числомъ, капиталомъ и сплоченностью раскольники не пропускаютъ ни одного представителя отъ единовѣрцевъ въ составъ гласныхъ думы и дѣлаютъ самыя произвольныя обложенія имуществъ перешедшихъ въ православіе, налагая своего рода контрибуцію на неофитовъ: кто платилъ въ расколѣ рубль, съ переходомъ въ единовѣріе вынужденъ платить 18 руб., своимъ лжеархіереямъ и попамъ преподносятъ поля и угодья изъ городской земли. Стародубскій лжевладыка Сильвестръ искони вѣковъ пользуется *сотнями* десятинъ общественной луговой земли, прирѣзанной къ его резиденціи. Неудивительно послѣ этого, если единовѣріе замерло въ своемъ ростѣ!

Другими распоряженіями Императора Николая I раскольники лишены были правъ на всякія отличія, въ томъ числѣ и на почетное гражданство. Эта мѣра закономъ 3 мая 1883 г. отмѣнена, и нынѣ многіе изъ раскольниковъ имѣютъ ордена. Прекращена была такъ-же выдача свидѣтельствъ на обученіе дѣтей и воспрещено принимать къ себѣ въ раскольничьи семейства дѣтей православнаго исповѣданія. Мѣра эта имѣетъ за собой непреходящее значеніе и въ наше время. Обученіе молодаго поколѣнія раскола должна находиться подъ руководствомъ правительства, а не въ рукахъ невѣжественныхъ фанатиковъ. Къ сожалѣнію, наблюденія показываютъ, что дѣти раскольниковъ и сектантовъ учатся и доселѣ у своихъ «мастеровъ», а наши земскія и правительственныя школы или пустуютъ или не существуютъ въ раскольничьихъ и сектантскихъ поселкахъ. Изъ прочихъ ограниченій отмѣтимъ запрещеніе раскольникамъ записываться въ купеческія гильдіи и иконописные цѣхи, послѣд-

нею мѣрою имѣлось косвенно въ виду и охраненіе чистоты православнаго иконописнаго стиля, торговать же раскольники могли только «на временномъ правѣ». Велѣно было называть всѣхъ раскольниковъ въ полицейскихъ книгахъ и во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ такъ, какъ установлено въ сводѣ законовъ, безъ всякихъ измѣненій, чтобы видно было, кто изъ нихъ и какой секты, причемъ требовать отъ каждаго объявленія, какую ересь содержитъ. Ограничивая личныя права раскольниковъ, правительство тѣмъ болѣе должно было ограничить права раскольническихъ обществъ. Раскольническія общества были лишены права на законное существованіе. На ихъ имя запрещалось пріобрѣтать недвижимыя имущества; духовныя завѣщанія въ пользу ихъ не были утверждаемы. Отъ имени раскольническихъ обществъ не принимались даже пожертвованія. Раскольническія общежитія, напр. Преображенское и Рогожское кладбища, владѣвшія уже недвижимыми имуществами, разсматривались какъ благотворительныя учрежденія на общихъ основаніяхъ и были подчинены вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія, а съ 1853 г. вѣдѣнію Императорскаго человѣколюбиваго общества.

Во внутреннюю бытовую жизнь сектъ, въ разсмотрѣніе религіозной стороны раскола, въ обсужденіе богослужебнаго ритуала и др. религіозныхъ дѣйствій Императорское правительство не входило, если послѣднія совершались въ кругу послѣдователей раскола; но не придавало никакого значенія этимъ религіознымъ дѣйствіямъ, поэтому браки, заключаемые въ расколѣ, считались не дѣйствительными. Кромѣ того, не преслѣдуя раскольниковъ за совершеніе богослуженія, имъ запрещалось отправлять требы публично и съ явнымъ оказательствомъ своего ученія и богослуженія. Относительно бѣглыхъ поповъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, которыми власть старалась ограничить незаконныя дѣйствія послѣднихъ и совсѣмъ прекратить это печальное явленіе, получившее, благодаря закону (1822 г.) Александра I, широкое развитіе. Относительно молитвенныхъ зданій было поставлено, чтобы построенныя до 1826 г. оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были, послѣ-же этого не дозволялось вновь ни строить ничего похожаго на церкви, ни перестраивать и починять старые молитвенные дома, при этомъ велѣно было снять съ часовенъ кресты и убрать колокола. Въ раскольническихъ

скиткахъ запрещались всякія исправленія зданій, и министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено постепенное упраздненіе этихъ разсадниковъ раскола. Чтобы привести въ извѣстность наличность послѣдователей раскола и сектъ и затѣмъ не допускать новыхъ совращеній и вообще распространенія раскола, правительствомъ составлялись именные посемейные списки отступниковъ, съ указаніемъ ихъ церквей, монастырей, скитовъ и количества жителей. Дѣтей раскольниковъ велѣно было крестить въ православной церкви, послѣ чего они уже не считались въ числѣ раскольниковъ.

Къ разряду Николаевскихъ мѣръ пресѣченія развитія пропаганды раскола и сектантства нужно отнести Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ въ военную службу и ссылку въ Сибирь совратителей. 1830 г. секты духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ, хлыстовъ и скопцовъ были объявлены особо вредными, и противъ нихъ приняты мѣры наибольшей строгости. Въ 1832 г. Саратовскій и Тамбовскій епископы получили отъ Синода, по Высочайшему повелѣнію, секретную инструкцію о средствахъ противъ размноженія въ ихъ епархіяхъ духоборцевъ и молоканъ. Въ 1836 году вновь усилена строгость взысканія за принадлежность къ сектѣ духоборцевъ, причемъ было запрещено, разрѣшенное Императоромъ Александромъ I, свободное переселеніе духоборъ изъ внутреннихъ губерній въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи, и начато выселеніе ихъ въ закавказскій край. Переселеніе это явилось, какъ замѣчено выше, результатомъ обнаруженныхъ особою слѣдственною комиссіею ужасающихъ преступленій въ духоборческихъ поселеніяхъ, центромъ которыхъ былъ такъ называемый «сиротскій домъ»,—резиденція правителей секты—Колмыковыхъ, людей распутныхъ и жестокихъ. Послѣдніе присвоили себѣ неограниченную власть деспотическихъ распорядителей не только имуществомъ, но и жизнію своихъ послѣдователей, слѣпо увѣровавшихъ, что ихъ вожди есть будтобы дѣйствительное воплощеніе самого Бога. При «сиротскомъ домѣ» устроены были застѣнки съ кошками и плетьми для ослушниковъ и протестантовъ противъ установившагося въ сектѣ режима: нерѣдко таковыхъ здѣсь въ подземельѣ и засѣкали насмерть. Отъ имени пьяныхъ развратныхъ Калмыковыхъ неумолимо дѣйствовалъ грозный синедріонъ 30 ангеловъ

полубога. Жестокость сектантовъ доходила до того, что они однажды живымъ закопали священника—увѣщателя. Разслѣдованіе тянулось нѣсколько лѣтъ и вызвало Высочайшее повелѣніе о переселеніи нѣсколькихъ тысячъ духоборцевъ изъ тучныхъ полей Тавріи на малоплодныя степи высокаго плоскорья Ахалкалакскаго уѣзда Тифлисской губерніи. Переселеніе совершено въ теченіи 5 лѣтъ (1841—1845 гг.). Императоръ поступилъ съ духоборцами рѣшительно, круто и твердо, но въ тоже время и великодушно. Онъ повелѣлъ сектантамъ за все оставшееся на Молочныхъ водахъ имущество уплатить изъ казны и отвести достаточные надѣлы казенной земли въ закавказьѣ, кромѣ того духоборамъ и даны льготы на нѣсколько лѣтъ по уплатѣ податей. Возвѣщая имъ волю Императора, Новороссійскій генералъ-губернаторъ справедливо объявилъ, что «Его Величество, наказуя духоборцевъ за ихъ злодѣянія, оказываетъ имъ и знаки своей милости».

Молоканство, какъ секта съ духоборчествомъ родственная по основнымъ пунктамъ своего религіознаго и соціальнаго ученія, также находилась у правительства въ подозрѣніи. Хотя на эту послѣднюю секту и не была распространена упомянутая мѣра массоваго выселенія, но, чтобы охранить мѣстное православное населеніе отъ тлетворнаго вліянія молоканства, правительство поощряло выселеніе послѣдователей и этой секты въ далекій закавказскій край путемъ запрещенія приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, кромѣ закавказскаго края, куда значительное число молоканъ и выселилось.

Послѣдователямъ *скопческой* ереси повелѣно было прекратить выдачу торговыхъ свидѣтельствъ и паспортовъ на отлучку.

Особое мѣсто въ церковно-государственныхъ событіяхъ Николаевской эпохи занимаетъ ознаменованная безпримѣрными успѣхами миссія по присоединенію къ православію уніатовъ западно—русскихъ губерній. При вступленіи на престолъ Николая Павловича уніатская церковь въ Россіи состояла изъ 4 епархій: Брестской, Виленской, Полотцкой и Луцкой. Состояніе ея было крайне тяжелое. Люди, принадлежавшіе къ ней, жаловались на систематическое преслѣдованіе католическимъ духовенствомъ, на постоянное насильственное отторженіе отъ церкви лучшихъ ея чле-

новъ, на преобладаніе базиліанъ, присвоившихъ себѣ лучшія мѣста и фундуши, и т. п. стѣсненія. Съ самаго начала своего царствованія Императоръ озабоченъ былъ мыслію о лучшемъ благоустройствѣ православно-уніатской церкви западнаго края, объ оздоровленіи ея отъ католическихъ наростовъ. Польское возстаніе 1830 г. побудило Императора настойчиво стремиться къ отдѣленію уніатской церкви отъ вліянія католицизма. Св. Синоду предложено было замѣстить епископовъ въ западномъ краѣ людьми наиболѣе энергичными, учреждена была «греко-уніатская каллелія», а позже особый «совѣщательный (миссіонерскій) комитетъ, во главѣ миссіи поставленъ былъ приснопамятный Іосифъ Симашко, который повелъ дѣло возсоединенія тихо, осторожно, но послѣдовательно и вѣрно. Соединенные неуклонные труды комитета, коллегіи, епархіальныхъ архіереевъ и гражданской власти привели въ 1839 г. къ полному возсоединенію уніатской церкви съ православной и отторгнутые нѣкогда насиліемъ и коварствомъ папистовъ снова возвращены были въ лоно отеческой церкви, въ милліонномъ числѣ. Государь живо интересовался ходомъ этого дѣла и на «синодальномъ дѣяніи» о возсоединеніи уніатовъ начерталъ: «благодарю Бога и принимаю».

Широкія задачи внутренней миссіи церкви не были однако ограничены въ царствованіе Императора Николая Павловича однимъ воздѣйствіемъ на заблудшихъ и заботами только о возсоединеніи отпавшихъ. Не менѣе живо одушевленъ былъ Монархъ и дѣломъ охраненія православнаго населенія отъ увлеченія сектантскими заблужденіями и утвержденія народа въ истинахъ вѣры, а также и просвѣщеніемъ массъ свѣтомъ грамоты въ духѣ православной Церкви. Въ заботахъ о преуспѣяніи этой именно стороны внутренней миссіи Церкви Государь установилъ зоркое непосредственное наблюденіе за ходомъ церковнаго управленія, за умственнымъ нравственнымъ состояніемъ приходскаго духовенства, и его служебно-просвѣтительною дѣятельностью, за состояніемъ церквей и школъ духовныхъ и народныхъ, а равно и за религіозными нуждами и потребностями народа.

Чтобы поднять церковную жизнь, улучшить управленіе, возвысить церковное учительство и просвѣщеніе, Императоръ во время своего царствованія открылъ 15 новыхъ самостоятельныхъ епархій, учредилъ 5 викаріатствъ и такимъ образомъ

православный епископатъ увеличенъ на 22 каѳедры, число новыхъ приходовъ увеличилось на 9 тысячъ. Озабоченный интересами церкви, Императоръ установилъ тѣсную связь съ правящею духовною властью: онъ не только расматривалъ доклады на Высочайшее имя, но и слѣдилъ за обычными текущими дѣлопроизводствами въ Св. Синодѣ, былъ коротко освѣдомленъ во всемъ, что происходило въ духовномъ вѣдомствѣ, что поступало въ высшее духовное правленіе, зналъ, какое направленіе сообщалось тамъ дѣламъ, такъ что ни ранѣе ни позже процессъ церковнаго управленія не былъ такъ приближенъ къ особѣ Монарха и никогда наше вѣдомство не находилось подъ такимъ живымъ Высочайшимъ покровительствомъ и руководствомъ *).

Православное духовенство было предметомъ особаго вниманія и попеченія приснопамятнаго Государя Николая Павловича. Какъ глубоковѣрующій Онъ высоко чтилъ званіе служителя алтаря Господня; видя въ православіи незыблемую основу Россіи, и зиждущую государственную силу, Императоръ признавалъ великое значеніе и за духовенствомъ, которому отводилъ высокую роль въ церковно-государственной жизни. Стремясь найти въ духовномъ сословіи культурную силу и подготовить въ дѣятеляхъ Церкви надежду и непоколебимое основа-

---

*) На оберъ-прокурора Св. Синода возложено было Государемъ докладывать о теченіи дѣлъ въ особо назначенные пріемные сроки, письменно доносить о состояніи дѣлъ въ третныхъ отчетахъ, кромѣ того съ 1836 года заведено было подавать Государю еще и общій годовой печатный отчетъ. Особо интересующія Государя дѣла (напр., дѣла о священно-служителяхъ) Оберъ-прокуроръ доставлялъ Ему въ реестрахъ установленной формы съ болѣе или менѣе подробными извлеченіями. Дѣла особой важности, къ каковымъ относилось и миссіонерство имѣли свой порядокъ представленія, помимо всѣхъ другихъ. Наконецъ, свѣдѣнія о всѣхъ необычайныхъ и важныхъ происшествіяхъ по духовному вѣдомству сообщались безъ промедленія чрезъ посредство шефа полиціи. О размѣрахъ вниманія, какое Государь удѣлялъ дѣламъ церкви, можно отчасти судить по тому, что къ концу царствованія имъ было издано однихъ высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству, не говоря уже о многочисленныхъ резолюціяхъ, отмѣткахъ и отзывахъ на дѣлахъ, около 10,500 номеровъ. При Св. Синодѣ учреждены были въ качествѣ вспомогательныхъ учрежденій—канцелярія Оберъ-Прокурора (1839 г.), хозяйственное и контрольное отдѣленія, измѣненъ штатъ канцеляріи Св. Синода, преобразована комиссія духовныхъ училищъ.

ніе всѣхъ своихъ лучшихъ церковно-государственныхъ мѣропріятій на пользу отечественной церкви и Россіи, Государь предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобы поднять духовенство въ служебномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ на подобающую ему высоту. «Состояніе духовенства всегда привлекало наше *особенное вниманіе*..., въ твердой увѣренности, что добрые христіанскіе нравы составляютъ основу общественнаго благополучія, а нравы созидаются и утверждаются *наставленіемъ и примѣромъ духовенства*..., Я остаюсь твердо удостовѣреннымъ, что духовенство вѣрнымъ служеніемъ Церкви и престолу и пламеннымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей потщится оправдать Мое о немъ попеченіе»—писалъ Императоръ въ своихъ резолюціяхъ. (Указъ 11 янв. 1828 и 6 д. 1829 гг.).

Насколько высокое представленіе имѣлъ Императоръ о званіи священническомъ, можно судить по резолюціямъ Его на дѣлахъ о сложеніи священниками своего сана. «Полагаю», писалъ Онъ, «что званіе священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоеніи онаго, столько-же должно затруднять добровольное онаго сложеніе»... Никакъ нельзя допустить, чтобы лицо, носившее сіе высокое званіе, могло непосредственно посвящаться иному служенію, какое бы ни было... (послѣ снятія сана) какъ бы въ доказательство, что *мірскія обязанности выше духовныхъ*».

О взглядахъ Императора на культурное, государственное значеніе духовенства можетъ свидѣтельствовать то напр., обстоятельство, что на Кавказѣ онъ вмѣнялъ мѣстному духовенству въ обязанность «примиреніе вражды между горцами». Въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, на мѣстѣ польско-католической справы, Государь разсчитывалъ передать въ духовныя руки насажденіе русской культуры путемъ школьнаго воспитанія народа, которое, по его мысли «должно быть примѣнено къ политическому положенію и потребностямъ края».

Неумолимо строгій и требовательный вообще къ долгу службы, Государь Николай Павловичъ не терпѣлъ служебной распущенности и нравственныхъ недостатковъ въ пастыряхъ Церкви. Въ очищеніи наличнаго состава духовенства отъ позорящихъ священный санъ недостойныхъ членовъ клира Государь видѣлъ одну изъ необходимыхъ мѣръ къ поднятію дѣятелей

Церкви на требуемую служебнымъ ихъ положеніемъ высоту. По поводу одного проступка священника Черниговской епархіи Государь повелѣлъ Оберъ-прокурору кн. Мещерскому донести Св. Сѵноду желаніе Его Величества, «чтобы Св. Сѵнодъ обратилъ особое вниманіе на равнодушіе, съ коимъ епархіальное начальство смотрѣло на поведеніе упомянутаго священника. Его Величество изволитъ находить,—писалъ оберъ-прокуроръ—*что люди, видя въ пастырѣ вмѣсто благочестія примѣръ порока, теряютъ уваженіе къ сану и впадаютъ въ расколъ и своевольство понятій*, столь вредные благоустроенію государствъ. Государь Императоръ изволитъ считать необходимымъ строжайше подтвердить немедленно-же епархіальнымъ начальствамъ имѣть дѣятельнѣйшій надзоръ за священнослужителями и тѣхъ изъ нихъ, *кои уже замѣчены дурными, нынѣ-же удалять отъ должности*, а сомнительныхъ перемѣстить подъ личный надзоръ архіереевъ». Высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ составилъ цѣлую записку о томъ, какъ исполнить это повелѣніе. Нѣсколько позже шло новое подобное напоминаніе лично отъ Государя: «опять повторяю, что... мало мѣстное духовное начальство обращаетъ вниманія на ставленниковъ и подтверждаю—*сомнительнаго поведенія священниковъ отнюдь не терпѣть*; доставить Мнѣ полный списокъ всѣмъ священникамъ, находящимся при должностяхъ, кои были подъ судомъ или слѣдствіемъ». Разсмотрѣвъ поданный Ему списокъ, отъ 4 іюня 1829 года, Государь повелѣлъ Св. Сѵноду: «нынѣ-же строго разсмотрѣть.... весь списокъ и тѣхъ священниковъ, кои, по мнѣнію Св. Сѵнода, *окажутся недостойными священодѣйствовать, отрѣшить отъ должностей*» *).

---

*) Съ этого времени Николай Павловичъ устроилъ неослабный надзоръ за священнослужителями: по Высочайшему повелѣнію 1828 года, повторенному въ 1829 г., Ему доставлялись особо донесенія о проступкахъ духовенства и дѣлались подробныя указанія объ обстоятельствахъ событія, о происхожденіи и образованіи провинившихся. На основаніи этихъ донесеній Государь часто сносился съ Св. Сѵнодомъ и вызывалъ по нимъ строгія разслѣдованія. Такъ, въ 1833 г. разсмотрѣвъ изъ поданныхъ донесеній, что между провинившимися большинство священнослужителей діаконскаго сана, Государь потребовалъ, что бы Св. Синодъ обратилъ вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому „долженъ быть отнесенъ *къ послабленію* его начальства, *посвящающаго діаконовъ безъ должнаго удостовѣренія въ достоинствѣ*". Подобныя замѣчанія продолжались во все царствованіе.

Въ 1831 году былъ произведенъ строгій разборъ въ духовномъ сословіи, причемъ въ военную службу забирали праздныхъ лицъ духовнаго званія, а изъ служащихъ—церковниковъ «негодныхъ и неисправныхъ», изъ дѣтей духовенстна были оставлены въ покоѣ лишь получившіе образованіе и взяты въ службу всѣ неучившіеся въ тѣхъ видахъ, чтобы они не могли получать духовныхъ должностей. Это была послѣдняя выдающаяся по своей строгости мѣра по очищенію наличнаго состава духовенства.

Однако такая Монаршая строгость въ отношеніи недостойныхъ была ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ горячей любви Императора къ отечественной Церкви и высокаго уваженія Его къ священному сану, что доказываютъ и неусыпныя заботы Государя во все время Его царствованія объ умственномъ, матеріальномъ и правовомъ возвышеніи дѣятелей Церкви и Его всегдашнее горячее участіе къ нуждамъ служителей алтаря. «Изысканіе способовъ къ образованію достойнаго духовенства»—постоянно озабочивало Императора, и Онъ не разъ предлагалъ Сvноду «неукоснительно» представить Ему по этому предмету свои соображенія. Плодомъ этихъ высокихъ стремленій Монарха были Высочайшіе Указы (1829—1833 гг.) на имя епархіальныхъ преосвященныхъ, чтобы послѣдніе «въ избраніи и рукоположеніи ищущихъ званія священнослужительскаго поступали бы со всякимъ опасеніемъ, обращая вниманіе на лѣта и испытывая поведеніе и образъ мыслей поставляемаго всѣми способами и удаляя всѣхъ замѣченныхъ въ порокѣ и сомнительныхъ въ отношеніи строгой нравственности, какъ равно и недовольно понимающихъ важность духовныхъ обязанностей и высоту сана», причемъ требовалось назначать на священническія мѣста исключительно окончившихъ курсъ академій и семинарій, неучившіеся допускались какъ временное и непріятное исключеніе.

Для доставленія средствъ и способовъ къ болѣе широкому образованію духовенства увеличено было въ царствованіе Николая I число семинарій (на 9) и училищъ (на 55), при попеченіи Великой Княгини Ольги Николаевны, положено начало женскому образованію дѣвицъ духовнаго званія, открыта духовная академія въ Казани, содержаніе воспитанниковъ въ семинаріяхъ прини-

малось почти вполнѣ на иждивеніе казны. Духовноучебныя заведенія въ періодъ этого царствованія подверглись троекратной реформѣ, въ основѣ которой положено было стремленіе «согласовать образованіе и воспитаніе кандидатовъ священства съ уставами Церкви, съ прямыми нуждами ея служителей и съ духомъ народнымъ», причемъ курсъ семинарскихъ наукъ расширенъ въ пользу предметовъ, имѣвшихъ примѣненіе «къ практической жизни сельскаго пастырства»; между прочимъ введены были пастырское и собесѣдовательное (гомилетика) богословіе, естественныя науки, начала медицины и сельскаго хозяйства. О благотворности всѣхъ этихъ мѣропріятій краснорѣчиво свидѣтельствуютъ статистическія данныя, по которымъ число образованныхъ священнослужителей въ царствованіе Императора Николая І-го увеличилось на 20,000 слишкомъ и представляло уже $^2/_3$ всего приходскаго духовенства.

Насколько близокъ былъ сердцу благочестиваго, набожнаго Государя вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, можно судить изъ слѣдующихъ знаменательныхъ словъ именнаго Высочайшаго Указа отъ 11 января 1828 г.: «Мы всегда желали, чтобы чинъ духовный имѣлъ всѣ средства къ прохожденію служенія..., *не препинаясь заботами жизни и безбѣднаго своего содержанія*..., Мы проявили уже въ разныхъ случаяхъ Св. Сѵноду мысль и волю нашу и нынѣ признали за благо симъ снова повелѣть, дабы Св. Сѵнодъ неукоснительно представилъ способы..., дабы лица духовному званію себя посвящающія, особливо приходское духовенство, обезпечены были въ средствахъ содержанія вездѣ и особенно въ приходахъ бѣдныхъ». Такимъ образомъ Императоръ шелъ впереди своею инициативою, своимъ сочувствіемъ и заботами о положеніи бѣднаго духовенства; до царствованія Николая І-го ни одинъ изъ сельскихъ священнослужителей не получалъ казеннаго жалованія, въ это же царствованіе по вопросу объ обезпеченіи духовенства сдѣлано такъ много, какъ никогда на всемъ протяженіи нашей церковно-исторической жизни, а именно: Высочайше повелѣно надѣлить церкви «тройною препорціею» земли, постепенно снабжать причты церковными домами и казеннымъ жалованіемъ, въ размѣрѣ оклада отъ 300—500 р. на причтъ, для чего съ 1830 г. начатъ отпускъ изъ Государственнаго казначейства суммы въ 500,000 руб. ежегодно. Съ

присоединеніемъ уніатскихъ епархій, Государь особое вниманіе обратилъ на обезпеченіе жалованіемъ причтовъ сѣверо-и юго-западныхъ губерній, гдѣ особенно была ощутительна нужда; всего на этотъ предметъ ассигновано $1^1/_2$ милліона, такъ что въ это незабвенное для духовенства царствованіе число священнослужителей, пользовавшихся опредѣленнымъ казеннымъ жалованьемъ простиралось свыше 55 тысячъ, при 13,214 церквахъ въ 32 епархіяхъ. Кромѣ того жалованіе назначено было военному духовенству и законоучителямъ, гражданскимъ чинамъ, служащимъ въ духовныхъ заведеніяхъ и консисторіяхъ окладъ жалованія удвоенъ, причемъ предоставлены были права на пенсію и пособія. Не оставлялъ Императоръ безъ вниманія и временныхъ, случайныхъ нуждъ духовенства, Онъ такъ въ 1828г. повелѣлъ отпускать по 28 т. на пособіе духовенству пострадавшему отъ пожаровъ.

Чтобы поднять духовное сословіе и званіе въ государствѣ и обществѣ, Императоръ Николай Павловичъ даровалъ ему права и привеллегіи, которыя дѣлали лицъ духовнаго званія равноправными съ служилымъ сословіемъ государства. Дѣти священниковъ считались равными дѣтямъ штабъ—и оберъ-офицеровъ, освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній, имъ дозволено поступленіе на военную и гражданскую службу на одинаковыхъ основаніяхъ съ дѣтьми дворянъ и гражданскихъ чиновъ. Образованіе и служба въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ давали право на соотвѣтствующіе чины, пенсію и мундиръ.

Такъ много сдѣлано въ незабвенное царствованіе благочестивѣйшаго Государя Николая I-го для блага духовентсва и въ обезпеченіе успѣха его пастырско-просвѣтительной дѣятельности!.. Счастливо начатое Императоромъ Николаемъ I дѣло высокой церковно-государственной важности по обезпеченію духовенства, пріостановившись въ царствованіе Царя Освободителя, вновь продолжено и успѣшно поведено въ благословенное царствованіе Царя-Миротворца. Да поможетъ же Господь нынѣ царствующему Императору довести до конца это завѣтное дѣло Его Августѣйшаго Прапрадѣда! Въ свободѣ духовенства отъ матеріальной зависимости отъ паствъ заключается одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха его миссіонерской дѣятельности противъ сектантства, всегда начинающаго съ протеста противъ поборовъ духовенства за требы......

Царствованіе Императора Николая I ознаменовано важными заслугами въ дѣлѣ *храмоздательства*, которое, какъ извѣстно, имѣетъ высокое церковно-просвѣтительное, религіозно-воспитательное значеніе для народа. Своею глубоковѣрующею душею Императоръ понималъ, что для нашего обрядолюбиваго народа храмъ, какъ училище вѣры и благочестія, церковное благолѣпіе, красота и величіе богослуженія—являются незамѣнимымъ оплотомъ вѣры и вѣрнѣйшею охраною противъ всякихъ сектъ и расколовъ. При частыхъ путешествіяхъ своихъ по Россіи, Государь воочію убѣдился, какъ многаго не достаетъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Постройка храмовъ велась по личному усмотрѣнію часто невѣжественныхъ и не искусныхъ строителей, не существовало опредѣленныхъ указаній относительно стиля и характера внѣшней и внутренней орнаментаціи храмовъ, не было въ обычаѣ поручать это дѣло архитекторамъ; по селамъ храмы были тѣсны, низки, душны и число ихъ далеко не соотвѣтствовало количеству населенія; тормозомъ въ храмоздательскомъ дѣлѣ для бѣдныхъ приходовъ было, между прочимъ, дѣйствовавшее съ 1800 г. распоряженіе о допущеніи только однихъ каменныхъ храмовъ. Заботы Императора о церковномъ зодчествѣ начались съ первыхъ же годовъ его царствованія и дѣло это поставлено на прочную почву. По Высочайшему повелѣнію составлены и изданы были точныя правила, указывавшія чего достигать и къ чему стремиться въ церковномъ зодчествѣ: ими опредѣлялся возможно точно строительный типъ церковно-храмовыхъ сооруженій не только каменныхъ, но и деревянныхъ и архитектурный стиль; церковнымъ украшеніямъ обезпеченъ былъ соотвѣтствующій духу православія характеръ и священное достоинство, выработанъ былъ также типъ военно-походнаго храма. Требовалось поручать составленіе чертежей и плановъ сооруженій архитекторамъ, сверхъ того проэкты церквей въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ представлялись для провѣрки въ архитектурное отдѣленіе М. В. Дѣлъ. Въ концѣ царствованія Николая I повелѣно было именнымъ указомъ приготовлять въ Московскомъ архитектурномъ училищѣ ученыхъ архитекторовъ спеціально для духовнаго вѣдомства. Господствующимъ стилемъ для храмовъ былъ объявленъ въ общее употребленіе древній *византійскій* и даны образцы его въ чертежахъ Тона и Беретти. Количество храмовъ увеличилось на цѣлыхъ почти 10 тысячъ; многіе го-

рода, села и учрежденія обогатились въ это царствованіе монументальными церковными сооруженіями, которыя являются величественными, вѣковѣчными «рукотворенными памятниками» набожности Царя-храмоздателя. Императоръ, проѣзжая, во время своихъ путешествій по городамъ и селамъ, имѣлъ обыкновеніе всегда посѣщать храмы. Замѣтивъ недостатки и неблаголѣпіе, Императоръ немедленно предписывалъ сооружать новыя церкви, или произвести исправленіе, перестройку, для чего учреждались Имъ строительныя комиссіи и отпускались средства.

Относительно церковныхъ украшеній было сдѣлано правительственное распоряженіе о недопущеніи въ церквахъ, кромѣ иконъ, никакихъ другихъ изображеній, не исключая и царскихъ портретовъ, а также неискусныхъ и неприличныхъ рѣзныхъ украшеній, которыми наполнялись въ подраженіе католическимъ костеламъ православные храмы западныхъ губерній. Обращено было также вниманіе и на иконописное дѣло, которое къ тому времени успѣло уклониться въ сторону свѣтской живописи не православной италіанской школы. По личной инціативѣ Императора въ церковной живописи насаждено было стремленіе къ точному подражанію древнимъ византійскимъ образцамъ. Отечественная археологія и церковные памятники древности обязаны царствованію Николая I своимъ охраненіемъ и реставрировкою. Св. Сѵнодомъ издано было по духовному вѣдомству распоряженіе, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять въ древнихъ церквахъ ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и др. предметовъ старины безъ Высочайшаго разрѣшенія. По Высочайшему повелѣнію реставрирована мазаическая живопис Кіевской св. Софіи и нѣкоторые другіе древнѣйшіе храмы имперіи.

Для поднятія благолѣпія церковнаго богослуженія обращено было Высочайшее вниманіе *на исправленіе церковнаго пѣнія* по древнимъ напѣвамъ и на введеніе древняго истоваго церковнаго пѣнія въ общее употребленіе. Для чего по Высочайшему повелѣнію директоръ пѣвческой капеллы Львовъ собралъ и переложилъ древніе напѣвы, употреблявшіеся въ Успенскомъ соборѣ и другихъ нашихъ обитателяхъ, и издалъ на отпущенныя Государемъ средства обиходъ церковнаго пѣнія: послѣдній былъ распространенъ по епархіямъ къ обязательному употребленію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось запрещеніе употреблять рукописныя и печатныя ноты, безъ одобренія оныхъ директоромъ Львовымъ или Св. Сѵнодомъ. Для практическаго ознакомленія провинціальныхъ хоровъ съ правильными напѣвами, вызывались въ Петербургъ въ капеллу лучшіе пѣвчіе архіерейскихъ хоровъ.

Нельзя пройти молчаніемъ въ настоящей миссіонерской поминкѣ благословенной дѣятельности въ Бозѣ почившаго Императора и на пользу *внѣшней миссіи*. Дѣло христіанскаго просвѣщенія иновѣрцевъ и инородцевъ также успѣло стать въ Его царствованіе на прочную почву, получивъ вѣрное направленіе, стройную систему организаціи, усиленіе дѣятельности и расширеніе предѣловъ своего просвѣтительнаго вліянія на сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Число дѣятелей внѣшней миссіи увеличилось противъ прежняго во много разъ, открыто 18 новыхъ миссій. Для приготовленія способныхъ миссіонеровъ изъ инородческихъ священниковъ, при нѣсколькихъ духовныхъ семинаріяхъ и даже училищахъ было введено преподаваніе инородческихъ языковъ, при Казанской академіи учреждено противомусульманское миссіонерское отдѣленіе. Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Св. Сѵнода предлагалось епархіальнымъ епископамъ «къ новокрещенскимъ церквамъ избирать съ особеннымъ вниманіемъ и опредѣлять священниковъ ученыхъ, благонравныхъ, знающихъ языки мѣстныхъ жителей». Были изданы Высочайше одобренныя «правила о наставленіи и утвержденіи иновѣрцевъ въ вѣрѣ христіанской», въ которыхъ опредѣлялся способъ дѣйствій миссіонеровъ и священниковъ инородческихъ приходовъ при обращеніи иновѣрцевъ и утвержденіи въ вѣрѣ новоокрещенныхъ; предписывалось духовенству, между прочимъ, соблюдать свободу и безпристрастіе въ увѣщаніяхъ и проповѣди, дѣйствовать ученіемъ и примѣромъ, не чинить принужденія и не угрожать тѣмъ, которые не желаютъ принять крещенія» и проч. Предписано было повсемѣстно завести обученіе дѣтей иновѣрцевъ, чтобы создать поколѣніе, воспитанное въ духѣ православія. Въ видахъ содѣйствія успѣху внѣшней миссіи и для облегченія трудныхъ задачъ вѣропроповѣдниковъ, правительствомъ изданъ былъ рядъ распоряженій, располагавшихъ иновѣрцевъ къ скорѣйшему принятію христіанской вѣры, а новокрещенныхъ къ вѣрности и твердости содержанія догматовъ православной Церкви, сюда

нужно отнести мнѣнія: Комитета Министровъ (1826 г. 1837 г.) «о выгодахъ для иновѣрцевъ отъ принятія св. крещенія», Высочайшее повелѣніе «о мѣрахъ вспомоществованія калмыкамъ» (1830 г.), «о пособіи обращающимся крымскимъ татарамъ» (1834 г.), «о льготныхъ правилахъ для евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру» и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кодексъ нашихъ карательныхъ законовъ внесена была, по Высочайшему повелѣнію, (1828 г.) новая статья о судебномъ преслѣдованіи «отступниковъ отъ Церкви изъ инородцевъ и ихъ совратителей, какъ преступниковъ».

Видимымъ выраженіемъ успѣховъ внутренней и внѣшней миссіи Церкви въ царствованіе Императора Николая Павловича служитъ крупная цифра присоединенныхъ въ періодъ времени съ 1825—1855 г. къ православной Церкви изъ разныхъ вѣръ, исповѣданій, раскола и сектъ. Цифра эта восходитъ до 2.400.000 душъ; такимъ образомъ среднимъ числомъ на каждый годъ приходится до 80.000 душъ принятыхъ въ Церковь. Одна эта статистическая справка слишкомъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу церковно-административныхъ мѣропріятій Николаевской эпохи по дѣламъ миссіи раскола, сектъ и иновѣрія. Бо́льшаго успѣха относительно обращеній исторія миссіонерства не знаетъ.

Царствованіе Николая I ждетъ своего историка, послѣдній остановитъ свое критическое вниманіе и на церковно-государственной и вчастности миссіонерской сторонѣ дѣятельности Монарха. Относительно этой послѣдней, какъ извѣстно, существуетъ мнѣніе, что мѣры Николаевскія въ отношеніи миссіи противъ раскола и сектъ, исключительно, будто бы, опирались на полицейскія средства и потому не достигли якобы цѣли. Не мѣсто входить здѣсь въ полемику, но нельзя не сказать, что мнѣніе это односторонне. Законодатель, какъ и слѣдуетъ, стремился центръ борьбы создать на мѣрахъ духовнаго воздѣйствія; а не на полицейскихъ репрессіяхъ, пути намѣчены были правильные, законы, стремленія и принципы Монарха были «святы»,—но не были-ли исполнители-то «лихіе супостаты»...?—Митрополитъ Филаретъ правъ, сказавъ по поводу раскола, что послѣдній выросъ «на деньгахъ и невѣжествѣ». Кромѣ того историческія судьбы остановили ходъ этой упорной съ обѣихъ сторонъ борьбы на полдорогѣ... Тѣмъ не менѣе для своего времени результаты достигнуты

громадные. Имя Императора Николая I въ исторіи православія и миссіи велико, а память о Немъ будетъ вѣчною.—

Православное миссіонерское общество 16 іюня праздновало въ Москвѣ 26-ю свою годовщину. Послѣ литургіи и благодарственнаго молебствія члены общества собрались въ годичное собраніе въ залѣ городской думы, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго митрополита московскаго Сергія. Изъ прочитаннаго отчета за минувшій годъ видно, что всѣхъ членовъ общества, въ 44 отдѣленіяхъ, было 12,802, почетныхъ членовъ 12. Положеніе денежныхъ средствъ общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: отъ 1894 г. оставалось 1.298,730 р., въ 1895 г. поступило 360,435 р., израсходовано 347,321 р., такъ что капиталъ увеличился почти на 13,000 р. Къ началу 1896 г. оставалось 1.311,844 р. Въ числѣ пожертвованій особенно значительнымъ представляется пожертвованіе, поступившее по завѣщанію Ѳ. Н. Самойлова, оставившаго 40,000 р. Въ теченіе года трудами православныхъ миссіонеровъ въ Сибири, Европейской Россіи и Японіи пріобщено къ православной Церкви 2,239 новыхъ чадъ. Въ школахъ, содержимыхъ на средства общества, обучалось 11,615 дѣтей. Смѣта расходовъ общества на текущій годъ исчислена въ 290,000 р. Въ собраніи высокопреосвященный предсѣдатель сообщилъ, что уставъ учреждаемаго обществомъ *миссіонерскаго института* при Московскомъ Покровскомъ монастырѣ Св. Синодомъ разсмотрѣнъ и одобренъ и въ скоромъ времени будетъ представленъ на Высочайшее утвержденіе. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, въ скоромъ времени предпологается открыть пріемъ желающихъ поступить въ миссіонерскій институтъ, а въ недалекомъ будущемъ открыто будетъ чтеніе лекцій. Во главѣ этого, новаго въ Россіи, спеціальнаго миссіонерскаго учебнаго учрежденія будетъ стоять настоятель Покровскаго монастыря архим. Иннокентій, служившій, до поступленія своего въ академію, въ Сибирской миссіи. Учащіеся будутъ помѣщаться въ монастырѣ на полномъ казенномъ содержаніи.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ въ «Миссіон. Обозр.» свѣдѣніямъ о предкоронаціонныхъ проискахъ московскихъ раскольниковъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что представители раскольничьей австрійской лжеіерархіи не одинъ разъ осаждали

въ Москвѣ патріаршія депутаціи,—являлись не только лжепопы, но и одинъ изъ болѣе видныхъ лжеархіереевъ этой секты. Ухищренія раскольниковъ будто бы направляются къ тому, чтобы вывѣдать почву, нельзя-ли добиться какъ-нибудь у Константинопольской патріархіи оправданія неканоническихъ дѣйствій митр. Амвросія, а слѣдовательно и признанія законнымъ безблагодатнаго австрійскаго лжесвященства. Говорятъ, что раскольничьи интриганы въ своей новой затѣѣ заигрываютъ на той слабой струнѣ, что де Константинопольская патріархія огорчена отторженіемъ Болгарской церкви, и потому охотно согласится якобы взять подъ патріаршее покровительство «Россійскую церковь древляго благочестія», которая во всемъ де признаетъ православіе господствующей Церкви, но не можетъ лишь мириться съ нынѣшнимъ управленіемъ ея. Напрасно раскольники думаютъ, что имъ также легко удастся провести патріарха греческаго, какъ они сдѣлали то съ боснійскимъ митрополитомъ.—

Отрадныя вѣсти сообщаютъ намъ изъ черниговскихъ старообрядческихъ единовѣрческихъ приходовъ объ успѣхахъ тамошней миссіи среди раскольниковъ. Патріотическія событія восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Императора, общее всероссійское одушевленіе и торжество православія и церковности на коронаціонныхъ Московскихъ празднествахъ не остались безъ вразумляющаго воздѣйствія и на старообрядческую среду. Въ ознаменованіе перваго событія прихожане посадскихъ единовѣрческихъ церквей, по инціативѣ церковнаго старосты посада с. Клинцевъ, почтеннаго фабриканта Барыш—кова, и по убѣжденію приходскихъ единовѣрческихъ пастырей, постановили «на великомъ выходѣ божественной литургіи и на эктеніяхъ всѣхъ церковныхъ службъ отселѣ поминать Государя Императора, Государыню и весь Царствующій домъ», чего, какъ извѣстно, по старообрядческимъ обычаямъ не полагается и не было въ богослужебной практикѣ у черниговскихъ единовѣрцевъ, какъ безусловно не допускается этого моленія и на богослуженіяхъ у всѣхъ раскольниковъ. Въ первые три дня коронаціонныхъ празднествъ во всѣхъ единовѣрческихъ церквахъ совершены были литургіи и крестные ходы совмѣстно православнымъ и единовѣрческимъ духовенствомъ, при попеременномъ пѣніи хоровъ и напѣвовъ

православнаго и единовѣрческаго. Особенною торжественностью и задушевностью отличались церковныя торжества въ посадѣ Воронкѣ, гдѣ образовался приходъ только въ послѣдніе годы, благодаря ревностной миссіонерской дѣятельности свящ. Родіонцева и купца Карамина, выстроившаго на свой счетъ единовѣрческій храмъ; оба эти дѣятеля изъ недавно возсоединенныхъ изъ раскола. На помощь къ этимъ ревнителямъ православнаго единовѣрія присоединился изъ раскола и еще одинъ дѣятель, купецъ Гордей Коробейниковъ, одинъ изъ извѣстныхъ мѣстныхъ начетчиковъ. Ему епархіальнымъ начальствомъ благословлено подвизаться въ собесѣдованіяхъ съ старообрядцами, въ качествѣ миссіонерскаго сотрудника.

Въ письмѣ въ нашу редакцію Г. Коробейниковъ сообщаетъ о необыкновенномъ подъемѣ патріотическаго одушевленія ихъ единовѣрческаго прихода во время коронаціонныхъ празднествъ 14—17 мая, которое захватило и раскольниковъ; послѣдніе толпами шли за крестнымъ ходомъ на площадь, хотя всѣ вліятельные раскольники отсутствовали и никто изъ раскольниковъ въ положенное время на молебнѣ не сталъ на колѣна и не подошелъ къ св. Кресту. Такъ великъ еще фанатизмъ! Достойно вниманія, что лжепопы австрійской секты (ихъ три въ этомъ посадѣ), чтобы отвлечь «своихъ» отъ участія въ православно-единовѣрческомъ молебствіи за Царя—стучали въ мѣдныя доски (а онѣ пудовъ въ 10—20), замѣняющія имъ колокола (обходъ закона 3 мая 1883 г.!).

14 мая тысячи раскольниковъ собрались въ посадской Управѣ, во главѣ которой стоятъ, конечно, одни раскольники, для подписи всеподданнѣйшаго адреса отъ имени «старообрядцевъ, пріемлющихъ священство». Горячіе споры вызвалъ вопросъ о томъ, какъ подписываться лжепопамъ; рѣшили подписаться «старообрядческіе священники» въ томъ расчетѣ, что ежели послѣдуетъ Высочайшій отвѣтъ съ упоминаніемъ «старообрядческіе священники», то таковыя слова напечатать золотыми буквами и вывѣсить въ управѣ для удостовѣренія сомнѣвающихся въ томъ, что правительство признаетъ *законнымъ* австрійское священство. (Какія вѣдь ухищренія!). Въ управу прибыли полюбопытствовать и единовѣрцы во главѣ съ священникомъ Родіонцевымъ. Послѣдній, приглашая въ день всеобщей радости, къ

единенію въ союзѣ любви и мира, просилъ къ себѣ австрійскихъ лжепоповъ на чай, но послѣдніе уклонились. Въ память священной коронаціи въ томъ посадѣ были два трогательныхъ случая возсоединеній изъ раскола. Но объ этомъ предоставимъ разсказать г. Коробейникову словами собственной его корреспонденціи.

«Того-же 14 мая къ о. Родіонцеву зашелъ раскольникъ Австрійскаго согласія Иларіонъ Спиридоновъ Шихаревъ и сказалъ слѣдующее: батюшка! какъ мнѣ жаль было, что вы теряли милыя рѣчи нашимъ лжепопамъ; я не далеко стоялъ въ Управѣ и все слышалъ, какъ вы имъ говорили и понялъ, что не вы раздоро-творцы, а они; я давно слышу бесѣды православныхъ съ нашими, но никогда не приходило мнѣ на мысль, что бы присоединиться къ Православію, въ сегодняшній же радостный день пришла мнѣ такая мысль: ежели бы не права была Православная Вѣра и Церковь, то не держался бы ея нашъ Православный Царь, Который сегодняшній день возложилъ на себя царскую корону. Такъ я сегодня весь день думаю и съ горячею любовью къ своему Царю хочу, чтобы вы соединили меня съ Православною вѣрою, дабы я былъ такой же вѣры, какъ нашъ батюшка Государь; кромѣ того не знаю какую бы память сотворить въ знакъ священнаго коронованія, не нахожу болѣе никакихъ средствъ, какъ только это: я имѣю троихъ сыновей почти школьнаго возраста и единственную дочь, да будутъ они въ даръ отъ меня Православной вѣрѣ для Отца моего Царя».

«Обрадованный такимъ заявленіемъ раскольника добрый пастырь—миссіонеръ, благословилъ кающемуся готовиться къ присоединенію».

«На другой день, 15 мая, Иларіонъ Шихаревъ былъ торжественно присоединенъ изъ раскола къ Православію двумя священниками о. В. Родіонцевымъ и о. А. Пикулевымъ въ Богоявленскомъ единовѣрческомъ храмѣ,—при громадномъ стеченіи православныхъ и раскольниковъ. Священникъ Родіонцевъ привѣтствовалъ ново-присоединеннаго рѣчью, въ которой, похваливъ неофита за вѣрноподданническія чувства, возблагодарилъ Господа за то, что ради благочестивѣйшаго Государя, Онъ, Всеблагій, даровалъ спасеніе заблуждающемуся въ расколѣ и дѣтямъ его».

«Послѣ присоединенія о. Родіонцевъ вручилъ ново-присоединенному Шихареву Св. Евангеліе и, взявши св. иконы и хоругви, православные и единовѣрцы двинулись крестнымъ ходомъ на базарную площадь; хоры на пути пѣли попеременно «Спаси, Господи, люди Твоя».

«На площади, при многочисленномъ стеченіи православныхъ и раскольниковъ, служили молебенъ, а вожди раскола, какъ и прошлый день, стучали въ доски. По окончаніи молебна о. Пикулевъ говорилъ проповѣдь, а въ это время къ о. Родіонцеву подошелъ единовѣрецъ и сказалъ: «батюшка! раскольникъ Титъ Ѳеодоровъ Овчинниковъ, въ память священнаго коронованія, желаетъ сейчасъ-же присоединиться къ св. Церкви, къ которой принадлежитъ православный Царь». О. Родіонцевъ передалъ такое заявленіе о. Пикулеву; послѣдній публично объявилъ, что сейчасъ-же будетъ еще присоединеніе изъ раскола: оба хора — единовѣрческій и православный—пропѣли многолѣтіе, затѣмъ—пѣли «Днесь благодать Св. Духа насъ собра», и вмѣстѣ пошли въ Богоявленскій единовѣрческій храмъ, гдѣ торжественно, при участіи двухъ православныхъ священниковъ, миссіонеръ Родіонцевъ присоединилъ раскольника Овчинникова къ Православной Церкви».

«Когда присоединяемый читалъ Символъ вѣры, то раскольницы, родственницы присоединяемыхъ, ворвались въ Храмъ и неистово закричали: «Ларіонъ! Титъ! погибаютъ»! онѣ хотѣли кинуться на новоприсоединенныхъ, и лишь благодаря содѣйствію полиціи фанатики не произвели скандала».

«Послѣ радостнаго событія, новоприсоединенные были приглашены о. Родіонцевымъ къ нему на обѣдъ,—куда приходили нѣкоторые изъ раскольниковъ, близкіе къ православію; послѣдніе братскимъ лобзаніемъ привѣтствовали ново-присоединенныхъ говоря: «Дай Богъ спасти вамъ свои души въ православной Церкви: помолитесь и за насъ, чтобы мы не погибли во мракѣ раскола».

«Такъ въ полномъ единеніи, въ союзѣ мира и любви *православные и единовѣрцы* совершали радостное празднованіе священнаго коронованія и торжественнаго присоединенія въ лоно Церкви двухъ раскольничьихъ семействъ, въ память коронаціи. Сердца всѣхъ истинныхъ ревнителей святаго миссіонерскаго дѣла наполнились неслыханной радостью отъ того, что недавно

бывшіе враги православія и православнаго Государя въ настоящее время горячо молятся Господу за Царя-Помазанника Божія и готовы за Него жертвовать жизнь свою и дѣтей своихъ».

На страницахъ «Пермскихъ Епарх. Вѣд.» встрѣчается интересное сообщеніе о привлеченіи воспитанниковъ мѣстной семинаріи къ участію въ содѣйствіи противораскольничьей миссіи, путемъ составленія сочиненій на темы по полемическимъ вопросамъ, которыя потомъ издаются въ видѣ отдѣльныхъ листковъ и распростаняются по епархіи. По словамъ епархіальн. органа мѣра эта даетъ очень хорошіе результаты: «уѣздные миссіонеры встрѣтили «семинарскіе листки» съ живѣйшею радостью, народъ читаетъ ихъ съ удовольствіемъ, польза несомнѣнная» и проч.... Подготовлять практически будущихъ пастырей къ миссіонерству еще на школьной скамьѣ дѣло естественное и необходимое, но наиболѣе цѣлесообразною мѣрою для сего нужно признать внимательное и вполнѣ обстоятельное изученіе будущими миссіонерами существующей литературы по расколовѣдѣнію и обличенію, а затѣмъ практическое участіе семинаристовъ выпускныхъ классовъ въ устныхъ бесѣдахъ, подъ руководствомъ преподавателей и миссіонеровъ. Упражнять же въ сочинительствѣ листковъ и выпускать такія упражненія изъ печати едва ли благовременно и полезно для школы и народа. Слово печатное не тоже, что слово устное... Мы думаемъ, что окружные миссіонеры, съ большею пользою для дѣла могли бы сами, на основаніи опыта, составлять подобные листки и распространять ихъ въ народѣ. Въ редакцію «Миссіонер. Обозр.» то и дѣло поступаютъ письма отъ приходскаго духовенства, съ просьбою рекомендовать имъ для борьбы съ тою или другою сектою и расколомъ полезныя и необходимыя пособія и руководства; причемъ наши корреспонденты откровенно сознаются, что семинарскіе уроки по этому отдѣлу мало дали имъ нужныхъ свѣдѣній. Вотъ на эту-то сторону дѣла практической подготовки будущихъ пастырей – миссіонеровъ и слѣдуетъ обратить особобенное вниманіе въ семинаріяхъ, а листки сочинять есть кому и безъ семинаристовъ.

Журналу «Недѣля», о тенденціозныхъ сужденіяхъ котораго по вопросамъ миссіи и сектантства было уже замѣчено на страницахъ «Миссіонер. Обозр.», недавно послѣдовало отъ Министра внутреннихъ Дѣлъ второе предостереженіе, между прочимъ, за

статью г. Меньшикова «Ошибки страха», написанную въ духѣ толстовскаго сектантста. Нужно замѣтить, что за кривотолками газетъ и другихъ органовъ повременной печати, касающимися раскольничьихъ и миссіонерскихъ вопросовъ, зорко слѣдятъ главари раскола и сектантства, которые ничего не упускаютъ изъ виду для поджигательства несбыточныхъ надеждъ сбитой ими съ толку темной массы отпавшаго народа. По миссіонерскимъ наблюденіямъ въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ нарушенъ душевный миръ сектантовъ и замѣтно усиленіе броженія тамъ, гдѣ казалось ранѣе все было успокоено. Не малое имѣютъ здѣсь значеніе и непрекращающіяся ухищренія заграничныхъ друзей нашего штундо-баптизма. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ серьезнаго вниманія сообщенныя намъ послѣднія наблюденія Херсонскаго епархіальнаго миссіонера М. А. Кальнева. Почтенный миссіонеръ пишетъ, что признаніе русскимъ правительствомъ штундизма сектой особенно вредной какъ въ церковномъ, такъ и государственномъ отношеніи, съ воспрещеніемъ штундистамъ молитвенныхъ собраній, служившихъ преимущественно и мѣстомъ и средствомъ пропаганды лжеученій этой секты, усиленіе православной миссіонерской дѣятельности и замѣтные ея успѣхи среди заблудшихъ, — видимо, сильно тревожатъ заграничныхъ друзей и покровителей нашей штунды, — нѣмецкихъ баптистовъ. Послѣдніе усиливши теперь особенно распространеніе направленныхъ противъ православія листковъ и брошюръ среди нашихъ сектантовъ, озабочены принятіемъ и другихъ мѣръ къ распространенію и поддержанію штундистской секты среди русскаго православнаго населенія. Какъ видно изъ доставленнаго миссіонеру, недавно присланнаго на имя одного херсонскаго штундиста, письма*), заграничные нѣмцы-баптисты рѣшили систематически воспитывать и

*) Передаемъ содержаніе этого интереснаго документа буквально съ удержаніемъ всѣхъ особенностей его орфографіи. (Гамбургъ, 15 марта, 1896 г.). „Дорогой братъ во Христѣ, С. П.! На привѣтъ всѣмъ братьямъ нашимъ (Еф. IV, 3—24, 30—32). Письмо ваше отъ 29 февраля мы получили. Затѣмъ сообщаю вамъ, что въ прошломъ году когда я несколько разъ выслалъ вамъ, Трактатовъ, не получилъ никаково извѣстіе, только на открытой карти было выслано тѣ слова, что управленіе открываетъ Письма ко-

обучать для русской штунды вожаковъ и главарей—проповѣдниковъ, и вербуютъ на пятилѣтній срокъ въ миссіонерскую баптистскую семинарію въ Гамбургѣ болѣе грамотныхъ молодыхъ штундистовъ, съ цѣлію приготовленія изъ нихъ новыхъ миссіонеровъ баптизма въ Россіи, подобныхъ В. Павлову, тамъ же обучавшемуся въ началѣ 80-хъ годовъ и потомъ, по пріѣздѣ въ Россію, сдѣлавшемуся однимъ изъ самыхъ рьяныхъ пропагандистовъ штундобаптизма. Павловъ получалъ,—какъ это видно изъ протокола одной изъ штундистскихъ конференцій, и жалованье за труды свои оттуда же, изъ Гамбурга.

«Удивительно, право,—говоритъ Кальневъ, какъ это и нѣкоторые либеральные органы нашей печати и иные изъ русской интеллигенціи досихъ еще поръ, вопреки самымъ очевиднымъ фактамъ, отрицаютъ какую бы то ни было связь и всякое вліяніе нѣмецкихъ заграничныхъ баптистовъ на нашъ русскій штундизмъ! Пора бы, кажется, убѣдиться въ томъ, что давнымъ давно изслѣдователямъ извѣстно, какъ доказанное многочисленными, неопровержимыми документальными данными: пора убѣдиться въ томъ, что и нравственно и матеріально нашъ штундизмъ поддерживается главнымъ образомъ заграничными нѣмцами сколько въ видахъ религіозныхъ, столько же, если не болѣе, въ видахъ чисто политическихъ, въ видахъ онѣмеченія нашего южно-русскаго края».

Къ изложенному можемъ добавить, что редакція и ранѣе располагала свѣдѣніями объ этомъ новомъ нѣмецкомъ ухищреніи,

---

торыи придутъ изъ за граници и что С. П. нету! Конечно мы перестали посылать болѣе. Но если вы согласны какъ другія братья абонировать на цѣлій годъ тѣкущій то это стоить три руб. и получите въ каждый мѣсяцъ четыри брошурки назидательнаго и нравственнаго зодержанія *о настоящей „Истинѣ“* какъ уже знаете, только вы должны и намъ написать сколько номеровъ вы получили, потому я этого не могу знать, такъ по порядку вишлютъ вамъ, но *хорошо было бы если бы, исъ васъ по крайней мѣри одинъ молодой братъ которіи хорошо грамотніи, могъ бы согласится вступить въ Дѣло Божіи, но на это нада пять лѣтъ, ученію тутъ въ заведенію Мисионерскомъ.* (Исаiи 45, 22—25; и еще 58 и 59 Ісекіилъ; 33, 11--20 Малахіи; III, 9—25). Затѣмъ желаемъ вамъ то, что написано Ефес. VI, 10 до 18. И такъ братъ мой возлюбленый, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспѣвайте въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ вашъ не щетенъ предъ Господомъ. Братъ вашъ во Христѣ А. Антоновъ. Ожидаемъ скораго отвѣта. Hamburg“.

которое теперь подтверждается документально. Года два—три назадъ въ туже Гамбургскую миссіонерскую школу штундо-баптизма опредѣлены были изъ Кіевской губерніи дѣти одного извѣстнаго на югѣ Россіи штундоваго проповѣдника К—го, высланнаго въ закавказье. Позже приглашаемъ былъ въ Гамбургъ изъ Кіева нѣкто Р—ій, маляръ—регентъ мѣстной штундовой общины. Послѣдняго нѣмецкіе благодѣтели снабдили всякими самоучителями нѣмецкаго языка. Бросивъ работу и оставивъ православную старуху—мать безъ куска хлѣба, кандидатъ съ увлеченіемъ молодого фанатика предался подготовкѣ въ семинарію штундовую, прельщаемый и славою ученаго вожака и хорошимъ вознагражденіемъ, получаемымъ питомцами этой школы изъ миссіонерскаго заграничнаго фонда.

Затѣя эта, какъ видитъ читатель, хитрая и далеко не пустая, чтобы не обратить на нее должнаго вниманія. Руководимое нынѣ невѣжественными, малограмотными вожаками сектанство наше не имѣетъ опредѣленности и устойчивости въ своей догмѣ, вслѣдствіе чего подвержено постоянному внутреннему разложенію. Другое дѣло, когда станутъ во главѣ воспитанные заграницею русскіе фанатики съ протестантскимъ богословіемъ въ рукахъ и космополитическими, а можетъ быть и соціалистическими, воззрѣніями въ душѣ... Объ этомъ слѣдуетъ подумать... Положимъ, для миссіонерства лучше имѣть дѣло съ шлифованнымъ совопросникомъ, чѣмъ съ нынѣшними невѣждами, но для интересовъ Церкви и государства готовящаяся новая формація штундовыхъ главарей болѣе опасна.

Э. Я.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Секта Пашковцевъ. Г. Терлецкаго. С.-Петербургъ. Изданіе книгопродцава **И. Л. Тузова.** 1891 г. in 8° 139 стр. Цѣна 60 к.

Секта Пашковцевъ, сходная съ молоканствомъ и штундобаптизмомъ и принадлежащая къ типу раціоналистическихъ сектъ новѣйшей формаціи, въ нашей богословско-полемической литературѣ мало обслѣдована. Правда, въ періодъ зарожденія этой секты и первоначальнаго формированія, во второй полови-

нѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Петербургѣ совращенный Редстокомъ Пашковъ гремѣлъ на всѣхъ перекресткахъ и во многихъ салонахъ своими проповѣдями о новой вѣрѣ, писалось и говорилось въ нашей повременной—свѣтской и духовной печати—даже болѣе, чѣмъ достаточно, о модномъ лжеученіи. Но всѣ эти статьи и замѣтки—бѣглаго характера и представляютъ изъ себя только сырой матеріалъ, въ которомъ долженъ будетъ оріентироваться будущій изслѣдователь этой секты. Попытка представить цѣльное и обстоятельное съ научной подкладкой изслѣдованіе принадлежитъ г. Терлецкому. Въ виду того обстоятельства, что трудъ г. Терлецкаго заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ о пашковщинѣ и, къ сожалѣнію, является единственнымъ въ этой области, мы позволимъ себѣ познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Первыя три главы разсматриваемой нами книжки Терлецкаго посвящены исторіи возникновенія пашковщины на петербургской почвѣ. Отсюда мы узнаемъ, что насадителемъ пашковщины былъ Редстокъ, извѣстный въ петербургскомъ великосвѣтскомъ обществѣ подъ именемъ «Лорда—апостола»; Пашковъ же является только ревностнымъ поборникомъ его ученія, предавшимся съ фанатизмомъ и крайнимъ увлеченіемъ дѣлу насажденія новой вѣры на русской почвѣ, попреимуществу въ средѣ простого народа. Успѣхъ пашковщины настолько ослѣпилъ ея послѣдователей, что они поставили своей задачей—преобразовать въ религіозномъ отношеніи всю Россію и достигнуть того, чтобы «русскій Императоръ вмѣстѣ со своимъ народомъ воспѣлъ новую пѣснь Агнцу» (31 стр.). Съ этой цѣлью было основано «Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія», преслѣдовавшее ближайшимъ образомъ пропаганду пашковщины литературными средствами, т. е. изданіемъ цѣлаго ряда брошюръ съ протестантской подкладкой.

Четвертая глава (35—63 стр.) посвящена довольно обстоятельному анализу содержанія брошюръ, изданныхъ «Обществомъ поощренія духовно-нравственнаго чтенія» и обзору статей журнала «Рабочій», издававшагося въ Петербургѣ подъ редакціей нѣкоего Пейкера, начиная съ 1875 года. Брошюры, разсматриваемыя нашимъ авторомъ, дѣлятся на три категоріи. Первую категорію составляютъ брошюры, въ которыхъ ничего, по види-

мому, не замѣтно противнаго православному ученію; вторую,— въ которыхъ выдвигается легкій сектантскій оттѣнокъ, и третью, гдѣ этотъ оттѣнокъ выступаетъ весьма рельефно. Тенденція этихъ брошюръ—*одна вѣра* во Христа даруетъ человѣку оправданіе и спасеніе, а чтеніе Слова Божія, молитва и стремленіе ко Христу сердцемъ даруетъ ему единеніе со Христомъ. По нашему мнѣнію эта (IV) глава въ трудѣ г. Терлецкаго, какъ знакомящая насъ съ источниками вѣроученія и средствами насажденія пашковщины, должна имѣть первенствующее значеніе.

Въ пятой главѣ разсматриваемой нами книги «Секта пашковцевъ» мы находимъ интересныя свѣдѣнія о тѣхъ побочныхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгалъ Пашковъ и его единомышленники для распространенія своего лжеученія. Здѣсь также въ выдержкахъ, при томъ довольно полныхъ, помѣщена надѣлавшая въ свое время не мало шуму переписка Пашкова съ протоіереемъ І. Л. Янышевымъ

Шестая глава знакомитъ насъ съ успѣхами Пашковщины за предѣлами Петербурга, внутри Имперіи.

Въ седьмой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку установить главныя положенія пашковскаго вѣроученія и показать всю ихъ несостоятельность предъ судомъ ученія православной Церкви. Если бы основоположенія сектантскаго вѣроученія были точнѣе формулированы, подробнѣе и обстоятельнѣе разобраны авторомъ, то эту главу въ трудѣ г. Терлецкаго можно было бы назвать центральной, имѣющей самое важное значеніе во всемъ изслѣдованіи.

Восьмая глава представляетъ попытку установить различіе пашковщины отъ штундизма, баптизма и молоканства и указать мѣсто этой сектѣ въ ряду раціоналистическихъ сектъ, нашедшихъ себѣ мѣсто на Руси святой. Оказывается, что пашковцы въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда секта ихъ находилась въ зенитѣ своего развитія, были нечужды замысловъ сплотить во едино сектантовъ-раціоналистовъ всѣхъ оттѣнковъ и направить ихъ противъ православія, нагляднымъ подтвержденіемъ чего служитъ апрѣльская конференція сектантовъ-раціоналистовъ, происходившая въ Петербургѣ въ 1884 году (132 стр).

Хотя трудъ г. Терлецкаго, какъ первая въ нашей литературѣ попытка научно обслѣдовать секту пашковцевъ, нечуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ и страдаетъ отчасти неточностью въ выраженіяхъ и въ формулировкѣ тѣхъ или другихъ положеній (92, 97, 103, 107, 109), однако онъ заслуживаетъ одобренія: онъ знакомитъ насъ, какъ съ исторіей возникновенія и распространенія пашковщины у насъ, въ Россіи, такъ и съ типическими, въ сравненіи съ другими сектами, особенностями ея вѣроученія. Разсмотрѣнное нами произведеніе «Секта Пашковцевъ» очень полезно, по обилію заключающагося въ немъ матеріала, для интересующихся исторіей раціоналистическаго сектантства на Руси.

П. Козицкій.

---

2) **Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. Свящ. В. Преображенскаго.** Москва, 1890 г. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

Въ числѣ священныхъ предметовъ, подвергающихся нападенію со стороны нашихъ сектантовъ раціоналистическаго и мистическаго пошиба, первое мѣсто принадлежитъ иконамъ Спасителя, Богоматери и святыхъ: ихъ отождествляютъ съ идолами, подвергаютъ безумному хуленію на словахъ и святотатственному поруганію на дѣлѣ, считаютъ употребленіемъ въ Церкви Христовой не только не дозволеннымъ, но и положительно запрещеннымъ въ Св. Писаніи, и будто бы даже не существовавшимъ въ первенствующей Христовой Церкви (въ первые три вѣка).

Причину такого отношенія къ святынѣ на ряду съ фанатическою ненавистію къ Православной Церкви, нельзя не видѣть въ полномъ невѣжествѣ сектантовъ какъ относительно истиннаго значенія иконопочитанія въ Православной Церкви, такъ и основаній, на которыхъ утверждается оное. Если бы сектанты имѣли благоразуміе отнестись внимательно къ ученію Церкви и ея исторіи отъ начала, то они увидѣли бы, что совсѣмъ разныя вещи—запрещаемые въ св. Писаніи кумиры и употребляемыя въ Церкви св. изображенія или иконы, что поклоненіе св. иконамъ не есть идолопоклонство, а лишь одно изъ видимыхъ выраженій нашего духовнаго общенія со Христомъ и

святыми Его, что, наконецъ, почитаніе св. иконъ восходитъ къ самому началу Церкви, стало входить во всеобщую церковную практику съ тѣхъ поръ, какъ прекратились на христіанъ гоненія отъ языч. императоровъ, наконецъ, принято Церковію съ большою предусмотрительностію на VII всел. соборѣ, въ опредѣленіяхъ котораго оно точно выяснено и установлено на твердыхъ началахъ Св. Писанія и Св. Преданія. «Вотъ почему полезно обратиться ко временамъ давно прошедшимъ, посмотрѣть, какъ возникалъ и рѣшался вопросъ объ иконопочитаніи во дни минувшіе, что ставили возраженіемъ противъ иконопочитанія, и какъ опровергались возраженія. Исторію справедливо называютъ учительницею народовъ». Такую именно задачу поставляетъ себѣ и авторъ книжки съ вышеозначеннымъ заглавіемъ.

Въ книжкѣ оставляется въ сторонѣ историческое развитіе иконопочитанія въ христіанской Церкви отъ ея начала до иконоборческихъ смутъ въ 8 и 9 вв. Послѣ краткихъ замѣчаній объ иконопочитаніи въ предшествующее время, авторъ прямо вводитъ читателя въ исторію борьбы за иконопочитаніе въ Византійской имперіи въ періодъ, извѣстный подъ именемъ иконоборческаго (717—842 г.г.). Изложеніе чрезвычайно просто и положительно. Послѣдовательно, безъ лишнихъ отступленій, излагается ходъ борьбы за иконопочитаніе въ Византійской имперіи до утвержденія иконопочитанія на VII всел. соборѣ и послѣ него, до полнаго торжества надъ иконоборчествомъ въ 842 г., при имп. Михаилѣ III и благоч. матери его Ѳеодорѣ. То, что излагается здѣсь, полно глубоко-захватывающаго интереса и доступно пониманію самаго простаго малообразованнаго человѣка. Важно направленіе, въ которомъ ведется разсказъ отъ начала до конца: въ книжкѣ прекрасно очерчены какъ—съ одной стороны—источники и формы иконоборчества, такъ съ др. стороны—основанія и сущность истиннаго иконопочитанія. Здѣсь читатель найдетъ много поучительныхъ данныхъ, проливающихъ свѣтъ на сущность и характеръ того и другого направленія и ученія въ церковной жизни. Такъ, изъ исторіи борьбы за иконопочитаніе въ Византійской имперіи видно, что употребленіе св. иконъ въ Церкви было исконнымъ обычаемъ, и иконопочитаніе крѣпко вкоренилось въ сознаніи православнаго народа, что, съ другой стороны, иконоборчество было дѣломъ полити-

ческаго эгоизма нѣкоторыхъ императоровъ, а не чистаго христіанскаго сознанія, что за св. иконы стояли и правосл. пастыри и весь народъ, что на сторонѣ иконоборчества были, кромѣ императоровъ и придворной партіи, лишь очень немногія личности изъ духовенства, которыя руководствовались притомъ совсѣмъ не нравственными мотивами, что иконоборческія постановленія, даже проведенныя на соборахъ (особ. въ 754 г.), лишены всякаго значенія, какъ исторгнутыя насиліемъ императоровъ—иконоборцевъ и внутренно несостоятельныя, что иконоборчество имѣло лишь силу, пока искусственно было поддерживаемо императорами, и наоборотъ, падало, лишь только предоставлялось самому себѣ, что, наконецъ, соборныя совѣщанія при утвержденіи иконопочитанія велись свободно и, вмѣстѣ съ опроверженіемъ лживыхъ доказательствъ иконоборческихъ, привели къ точному опредѣленію смысла и значенія иконопочитанія.

Вообще книжка о. В. Преображенскаго приводитъ читателя къ убѣжденію въ законности и необходимости употребленія св. иконъ. Полагаемъ, что это сочиненіе было бы весьма полезно для народнаго чтенія.

П. П.

---

3) *Догматическое значеніе седьмаго вселенскаго собора.* **Научно-историческое изслѣдованіе важности и необходимости иконопочитанія, по поводу заблужденія г. Пашкова и его единомышленниковъ.** *Гр. Остроумова.* 1884 г. Карлсруэ. VII+203 стр.

Появленіе этого сочиненія также стоитъ въ связи съ современной борьбой православной Церкви съ протестантствующими за почитаніе св. иконъ. Православные, по словамъ автора въ предисловіи, въ доказательство справедливости своего взгляда на св. иконы, ссылаются на вѣроопредѣленіе объ иконопочитаніи VII всел. собора, которое обязаны принимать безусловно всѣ христіане безъ исключенія, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строгаго и рѣшительнаго суда Церкви, въ силу заповѣди Самого Господа (Матѳ. XVIII, 17). Современные намъ иконоборцы (пашковцы, съ которыми солидарны молокане, штундисты и др. сектанты) на это отвѣчаютъ, что второй Никейскій соборъ, который восточная и католическая церкви называютъ

вселенскимъ седьмымъ, не можетъ быть названъ *вселенскимъ* соборомъ, имѣющимъ догматическое значеніе и непреложный авторитетъ, а слѣдовательно и вѣроопредѣленіе его объ иконопочитаніи не обязательно для христіанъ. Такое мнѣніе не новость въ протестантскомъ мірѣ и, очевидно, рабски повторяется нашими протестантствующими сектантами. Для сихъ послѣднихъ отрицаніе вселенскаго значенія 2-го Никейскаго собора необходимо для вящшей свободы въ отверженіи иконопочитанія, какъ мнимаго идолопоклонства. Авторъ поставилъ себѣ задачу доказать, что 2-й Никейскій соборъ удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ признакамъ или условіямъ вселенскости собора, а именно: 1) со стороны состава собора (всеобщность) и принятія рѣшеній (единогласіе), 2) со стороны порядка и характера преній и разсужденій (свобода и честность ихъ), 3) со стороны факта вѣрованія всѣхъ церквей по критерію всеобщности (во что вѣрили всегда по всюду и вездѣ) и, наконецъ, 4) по отношенію къ соборнымъ опредѣленіямъ со стороны всѣхъ частныхъ христіанскихъ церквей (принятіе всѣми частными христіанскими церквами соборныхъ опредѣленій). Поставленная авторомъ задача выполнена имъ въ означенномъ сочиненіи съ успѣхомъ. Доказательства вселенскости 2-го Никейскаго собора по каждому изъ вышеприведенныхъ пунктовъ ведутся правильно, на основаніи подлинныхъ документовъ, соборныхъ актовъ и свидѣтельствъ современниковъ, съ опроверженіемъ ложныхъ взглядовъ, сложившихся въ протестантской наукѣ (напр. Мейрика, и др.) подъ вліяніемъ общаго предубѣжденія къ восточной Церкви, и со ссылками на мнѣнія лучшихъ, безпристрастнѣйшихъ историковъ запада — католиковъ и протестантовъ (Лебо, Мишо, Шлоссера, Гагенбаха). Изъ многихъ явленій церковной жизни, затрогиваемыхъ авторомъ, упомянемъ здѣсь лишь о тѣхъ, на которыя любятъ ссылаться современные иконоборцы, какъ на факты, будто бы, противорѣчащіе опредѣленіямъ 2-го Никейскаго вселенскаго собора: таковы опредѣленія Эльвирскаго собора въ Испаніи (305 г), случаи иконоборства нѣкоторыхъ епископовъ (св. Епифанія Кипрскаго въ IV в., Ксенія или Филоксена Іерапольскаго въ IV в.), въ особенности недоразумѣнія, возникшія по поводу опредѣленій VII вселенскаго собора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на западѣ и отразившіяся ико-

иноборческой тенденцiей въ Каролингскихъ книгахъ и опредѣленiяхъ западныхъ соборовъ—Франкфуртскаго (794 г.) и Парижскаго (825 г.). Авторъ прекрасно и убѣдительно доказываетъ, что опредѣленiе Эльвирскаго собора направлено не противъ истиннаго иконопочитанiя, а противъ злоупотребленiя имъ (слѣдов., противъ того, противъ чего возставалъ и VII всел. соборъ), что случаи иконоборства въ первые вѣка происходили не изъ лона христiанства, а со стороны—отъ iудеевъ и язычниковъ, въ послѣдствiи же были отъ предполагаемаго злоупотребленiя у христiанъ (св. Епифанiй въ Алаблаеской церкви) или отъ невѣжества самого иконоборца (Филоксена) или неразумiя (См. стр. 55—66). Въ особенности тщательно авторъ изслѣдуетъ причины и значенiе противодѣйствiя опредѣленiямъ VII всел. собора со стороны императора Карла Великаго и западныхъ соборовъ (См. стр. 148—174). На востокѣ и западѣ *почитанiе вообще*, — безъ различiя, относится ли оно къ Богу или къ иконамъ, затѣмъ—*почитанiе*, относимое только къ *одному Богу*, и наконецъ, *почитанiе*, относимое къ *иконамъ*, обозначились не одинаковыми названiями (προσκυνησεις λατρεια, cultus, adoratio, veneratio). При переводѣ на западѣ опредѣленiй VII всел. собора на латинскiй языкъ допущены были грубыя неточности, подтверждаемыя въ книгѣ характерными примѣрами. Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ нѣкоторыми политическими мотивами, вполнѣ объясняется значенiе противодѣйствiя западныхъ соборовъ опредѣленiямъ VII вселен. собора.

Вообще чтенiе этой книги производитъ доброе впечатлѣнiе, приводитъ къ полному убѣжденiю во вселенскомъ характерѣ 2-го Никейскаго собора и законности употребленiя св. иконъ, разрывая хитросплетенiя неправоумствующихъ. Книга эта можетъ служить дополненiемъ къ книжкѣ о. В. Преображенскаго и полезна въ особенности для нашихъ пастырей, миссiонеровъ и интеллигентныхъ читателей.

П. Петрушевскiй.

---

4) *Н. Кутеповъ.* **О почитаніи св. иконъ** *(Противъ мнимодуховныхъ христіанъ).* **Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва 1889 г.** 66 стр. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.—**Свящ.** *Савва Богдановичъ.* **Бесѣда православнаго миссіонера со штундистами о почитаніи св. иконъ.** (Изд. 2-е Житоміръ 1891 г. 30 стр. Ц. 12 к.) **О прославленіи пресв. Богородицы, ангеловъ, святыхъ, Богомъ прославленныхъ, и честованіи иконъ** *(А. П. Бѣляева).* (Изд. Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва 1887 г. 32 стр. Ц. 5 к.)— **Діаконъ** *Н. Успенскій.* **О св. иконахъ и о почитаніи св Христовыхъ таинъ.** (С.-П.-Б. 1894 г. 38 стр.).

Одинъ и тотъ же вопросъ—вопросъ объ иконопочитаніи—трактуется во всѣхъ брошюрахъ, названія которыхъ мы выписали, но въ каждой изъ нихъ раскрытіе предмета отличается особеннымъ характеромъ и своими особенными достоинствами. Брошюра **О. Кутепова** преимущественно отличается особенной полнотой и обстоятельностію; съ этой стороны она больше всего подходитъ къ типу ученаго трактата, вполнѣ впрочемъ доступнаго пониманію всякаго, даже не особенно образованнаго, читателя. Въ ней тщательно собраны всѣ мѣста св. Писанія, могущія служить къ подтвержденію православнаго догмата иконопочитанія и всѣмъ имъ дано нерѣдко остроумное и всегда основательное объясненіе. Съ достаточной также полнотой собраны авторомъ и историческія свидѣтельства, подтверждающія существованіе въ христіанской Церкви догмата иконопочитанія съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. При разборѣ возраженій сектантовъ противъ иконопочитанія раскрывается истинный смыслъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, въ которыхъ сектанты видятъ положительное запрещеніе дѣлать и почитать всякаго рода священныя изображенія, и показывается, что во всѣхъ такого рода мѣстахъ запрещается лишь почитаніе идоловъ, т. е. изображеній боговъ ложныхъ, но нѣтъ запрещенія для почитанія вообще священныхъ изображеній, которое прямо предписано Богомъ. Наконецъ, не оставлены авторомъ безъ разбора и тѣ мелочныя (а подчасъ даже и вздорныя) возраженія сектантовъ, которыя касаются нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изображеній въ иконописаніи, частныхъ особенностей въ почитаніи иконъ, лицъ, пишущихъ ихъ, и проч. (таковы, напр., возраженія сектантовъ о томъ, что православная Церковь чтитъ не одну, а многихъ Богородицъ,

какъ то: Казанскую, Тихвинскую, Владимірскую, Троеручицу, Скоропослушницу и др., о томъ, что иконы пишутся нерѣдко людьми дурной нравственности и потому не слѣдуетъ почитать ихъ, и т. п.).

Вообще по полнотѣ и обстоятельности раскрытія предмета брошюра о. Кутепова—вполнѣ необходимое для каждаго миссіонера пособіе, въ которомъ собранъ и достаточно обслѣдованъ весь матеріалъ для полемики съ сектантами по вопросу объ иконопочитаніи.—«Бесѣда» о. Саввы **Богдановича**, написанная въ формѣ діалога между православнымъ миссіонеромъ и штундистскимъ вожакомъ, начинается съ того, что миссіонеръ предлагаетъ штундистамъ привести свои доказательства противъ иконопочитанія. Штундисты приводятъ слова Дѣян. 17, 29: «мы, будучи родомъ Божіимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго». Въ разъясненіе этихъ словъ миссіонеръ показываетъ различіе между идоломъ, который есть плодъ человѣческаго вымысла, и свящ. изображеніемъ дѣйствительнаго существа, и доказываетъ, что только идолы и ихъ почитаніе запрещены св. Писаніемъ, почитаніе же свящ. изображеній дѣйствительныхъ существъ не только не запрещено, но даже прямо предписано Богомъ. При этомъ миссіонеромъ разъясняется истинный смыслъ и характеръ нашего поклоненія предъ иконами и раскрывается значеніе свящ. изображеній въ религіозно-образовательномъ отношеніи. Штундистъ начинаетъ представлять возраженія, касающіяся нѣкоторыхъ частностей иконописанія, въ родѣ того, наприм., что на иконахъ нерѣдко изображаются животныя и звѣри (св. Георгій Побѣдоносецъ—верхомъ на конѣ, поражаетъ копьемъ змія) и даже самъ сатана и что православные, слѣдовательно, кланяясь иконамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ кланяются и изображеннымъ на нихъ звѣрямъ и даже діаволу. Миссіонеръ безъ труда устраняетъ эти возраженія и переходитъ къ главнѣйшему пункту сектантскихъ доказательствъ—ко второй заповѣди Моисеева десятословія, въ которомъ штундисты видятъ ясное запрещеніе дѣлать и почитать какія бы то ни было изображенія. Это возраженіе разрѣшается миссіонеромъ въ нѣсколькихъ словахъ—простымъ указаніемъ на то, что и самъ Моисей, по повелѣнію Божію, устроилъ въ скиніи свящ.

изображенія херувимовъ и поклонялся предъ ними. Затѣмъ миссіонеръ указываетъ на самое разительное и для всѣхъ очевидное доказательство того, что почитаніе св. иконъ угодно и пріятно Богу,—на чудеса, которыя Богъ творитъ чрезъ иконы. Наконецъ, штундистъ предлагаетъ еще нѣкоторыя возраженія противъ почитанія св. иконъ—возраженія, совершенно уже слабыя, которыя миссіонеръ легко устраняетъ. Оканчивается бесѣда тѣмъ, что штундистъ соглашается на доводы православнаго миссіонера въ пользу почитанія св. иконъ и высказываетъ намѣреніе съѣздить въ Козельщину, чтобы самому на мѣстѣ провѣрить все слышанное имъ о тамошней чудотворной иконѣ и тѣмъ окончательно разсѣять всѣ свои сомнѣнія касательно богоугодности иконопочитанія.

Конечно, не всегда бесѣду со штундистами объ иконопочитаніи можно и слѣдуетъ вести по тому именно плану, по какому она ведется въ брошюрѣ о. Богдановича. Тѣмъ не менѣе эта брошюра несомнѣнно можетъ быть полезна для миссіонеровъ, особенно начинающихъ, показывая имъ одинъ изъ возможныхъ способовъ собесѣдовательнаго раскрытія труднаго вопроса объ иконопочитаніи. Но особенно пригодной можетъ быть брошюра о. Богдановича для простаго народа. Она написана простымъ и яснымъ языкомъ, изложеніе въ ней живое, способное поддерживать въ читателѣ интересъ къ предмету, а самая форма ея, бесѣда,—одна изъ наиболѣе любимыхъ народомъ. Ее могли бы съ пользой для себя читать и сектанты, если бы не одинъ промахъ, допущенный въ ней авторомъ. Дѣло въ томъ, что выведенный въ брошюрѣ миссіонеръ дѣлаетъ штундистамъ тяжелый и весьма обидный упрекъ въ томъ, что они, отступивъ отъ православной Церкви, знаются теперь съ «нечистымъ», съ нимъ братаются и цѣлуются. Это говорится, конечно, въ переносномъ смыслѣ, но не трудно понять, какое впечатлѣніе можетъ произвести такой упрекъ на сектантовъ. Зачѣмъ понадобилось автору прибѣгнуть къ этому пріему, изъ брошюры о. Богдановича рѣшительно не видно. Мы же думаемъ, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ подобные упреки, вообще—рѣзкія бранчивыя выраженія не могутъ быть полезны для миссіонерскихъ цѣлей, а вредъ могутъ принести очень часто, вызывая въ противникахъ напрасное раздраженіе, при которомъ уже не можетъ быть и рѣчи о спокойномъ обсужденіи предмета.

Брошюры **А. П. Бѣляева** и діакона **Успенскаго** отличаются прежде всего сравнительной скудостью содержанія. Первая изъ нихъ направлена собственно противъ протестантовъ разныхъ толковъ, но имѣетъ въ виду и нашихъ доморощенныхъ скептиковъ, повторяющихъ протестантскія возраженія противъ почитанія святыхъ и ихъ изображеній. Собственно вопросу объ иконопочитаніи отведены въ брошюрѣ г. Бѣляева послѣднія 11 страницъ (21—32); но и на этихъ немногихъ страницахъ авторъ однажды возвращается къ вопросу о почитаніи святыхъ (стр. 23—26), другой разъ говоритъ о возможности чудесъ вообще и о вѣрѣ въ чудеса и чудесное (27—29) и въ заключеніе брошюры о значеніи вообще вѣры христіанской (31—32). Такимъ образомъ, вопросъ о чествованіи св. иконъ разсматривается г. Бѣляевымъ всего на пяти страницахъ. Указана древность иконопочитанія въ христіанской Церкви, разсказанъ одинъ случай чудеснаго исцѣленія отъ иконы, показано, что изображеніе въ картинахъ и ваяніи свящ. событій и лицъ внушено Церкви Духомъ Святымъ (скинія Моисеева); затѣмъ опять рѣчь о чудесахъ отъ иконъ и св. мощей, о томъ, какъ долженъ христіанинъ относиться къ этимъ чудесамъ, и, наконецъ, разобрано одно возраженіе, касающееся нѣкоторыхъ уродливыхъ изображеній на иконахъ. Этимъ и исчерпывается все содержаніе вопроса объ иконопочитаніи, какъ онъ разсмотрѣнъ въ книжкѣ г. Бѣляева.

Въ брошюрѣ діакона Н. Успенскаго, имѣющей въ виду читателей православныхъ, вопросъ о почитаніи св. иконъ раздѣляется на слѣдующіе частнѣйшіе вопросы: 1) Объ иконахъ вообще и святости ихъ; 2) употребленіе и почитаніе св. иконъ основывается на св. Писаніи и 3) на св. Преданіи; 4) оно освящено чудесами, какія Господь совершалъ чрезъ иконы; 5) о правильномъ почитаніи св. иконъ.—Не можемъ не отмѣтить, что о. Успенскій даетъ такое именно опредѣленіе иконы, на которомъ сектанты построяютъ одно изъ своихъ возраженій противъ употребленія иконъ. «Икона, говоритъ о. Успенскій, это изображеніе Бога и святыхъ Его». Первая половина этого опредѣленія совершенно неудачна. Православные миссіонеры въ бесѣдахъ съ сектантами всегда стараются разъяснять имъ, что на иконахъ Богъ изображается не въ недовѣдомой и неописуе-

мой Своей сущности, а въ тѣхъ видахъ, въ какихъ Онъ благоволилъ являться людямъ, такъ что и икона есть не изображеніе Бога, какъ думаютъ сектанты, а лишь изображеніе Его явленій людямъ. Такое разъясненіе своего опредѣленія необходимо было сдѣлать и о. Успенскому, потому что оставленное безъ всякихъ разъясненій оно совершенно на руку сектантамъ.

---

5) *Л. Тихомировъ.* **Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи.** (Москва, 1893. 36 стр.).

Религіозное движеніе, замѣчаемое въ послѣднее время среди образованнаго русскаго общества, отличается нѣкоторыми такими чертами, которыя заставляютъ убѣжденныхъ радѣтелей объ истинномъ благѣ Церкви отнестись къ этому движенію крайне осторожно и даже несочувственно. Характерною чертою этого движенія является прежде всего его *самочинность*, такъ какъ его представители, стремясь къ разрѣшенію религіозныхъ вопросовъ, не желаютъ обращаться за этимъ къ Церкви, естественной и единственной законной учительницѣ въ области религіозной истины, а думаютъ достигнуть этого собственнымъ разумомъ. Отсюда объясняется и другая характерная черта этого движенія: оно есть движеніе не столько *религіозное*, сколько *умственное*, такъ какъ въ основѣ его лежитъ не религіозная потребность въ смиренномъ отданіи себя Богу, подчиненіи Его волѣ, а дерзновенное желаніе собственнымъ умомъ дойти до познанія Бога. И конечная цѣль такого рода стремленій—*не небо*, т. е. не усовершенствованіе нравственной личности человѣка, *а земля*, т. е. соціальное благоустройство человѣчества. Иными словами: представители современаго религіознаго движенія ищутъ не самодолѣющей религіозной истины, а истины прикладной,—такой, которая могла бы послужить основой для разрѣшенія тѣхъ жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, которые волнуютъ весь современный міръ. Доколѣ это движеніе будетъ отличаться указанными чертами, оно останется чуждымъ Церкви и можетъ представлять собою, какъ и сейчасъ уже представляетъ, только благопріятную почву для возникновенія всевозможныхъ сектъ и лжеученій.—

Вообще въ небольшой брошюрѣ г. Тихомирова можно найти много вѣрныхъ и мѣткихъ мыслей, замѣчаній и выводовъ относительно современнаго религіознаго движенія въ русскомъ обществѣ.

---

6) *Л. Тихомировъ.* **Борьба вѣка.** 2-е изд. Москва. 1896. 87 стр.

Борьба вѣка, это—борьба нашего столѣтія съ идеей революціи. Авторъ очерчиваетъ главнѣйшіе фазисы этой борьбы, раскрываетъ психологическую почву, на которой зарождаются революціонныя стремленія,—отчужденіе человѣческой личности отъ Бога,—показываетъ вредъ революціонной идеи, ея несостоятельность и противорѣчіе основнымъ положеніямъ соціальной науки.

Интересенъ взглядъ автора на ученіе Толстого, или толстоизмъ, какъ оно называется въ Западной Европѣ. Въ этомъ ученіи г. Тихомировъ видитъ послѣдній фазисъ, до котораго въ настоящее время дошла въ своемъ логическомъ развитіи революціонная идея. «Толстоизмъ, говоритъ онъ, идетъ далѣе динамитнаго анархизма. Толстоизмъ не дѣйствуетъ положительнымъ образомъ даже и въ разрушеніи. Это единственный настоящій анархизмъ. Для соціальнаго міра онъ гораздо страшнѣе динамитнаго анархизма, ибо вноситъ въ общество не острые кризисы, не оживляющую борьбу, а безнадежное мертвое гніеніе. Онъ пронизываетъ общество бациллами омертвенія, подтачиваетъ его во всѣхъ жилахъ и нервахъ. Если бы предположить прогрессивное развитіе толстоизма, въ немъ для общества одинъ конецъ: оно должно просто рухнуть, какъ подточенное червями дерево». («Борьба вѣка», стр. 23—25).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Торжество открытія св. мощей.

Указомъ Святѣйшаго правительствующаго Сѵнода отъ 24 іюня дано знать преосвященному Антонію, епископу Черниговскому и Нѣжинскому, что на 9 сентября сего года назначено **въ** Черниговскомъ каѳедральномъ соборѣ открытіе честныхъ мощей **Святителя Ѳеодосія** архіепископа Черниговскаго и что открытіе ихъ поручено совершить высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту Кіевскому и Галицкому совмѣстно съ преосвященнымъ Антоніемъ. Св. Ѳеодосій Углицкій жилъ въ концѣ XVII вѣка и состоялъ архимандритомъ Елецкаго Успенскаго монастыря въ Черниговѣ, а затѣмъ былъ рукоположенъ въ архіепископа Черниговскаго и преставился въ 1696 г. Для мощей святаго заказана Н. А. Терещенко въ Москвѣ серебряная рака съ съ серебрянымъ балдахиномъ, которые изготовляются на фабрикѣ Овчинникова; стоимость пожертвованія превышаетъ 50,000 р.

Рѣдкое торжество открытія св. мощей въ послѣдній разъ совершено было въ Царствованіе Императора Александра II, назадъ тому 35 лѣтъ въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, когда открыты были нетлѣнные останки святителя Тихона. Великое и дивное событіе это является во истину **торжествомъ православія**, какъ явное увѣреніе видимое свидѣтельство истинности и святости нашей православной Церкви, а въ тоже время и самое разительное обличеніе отметающихся православія хулителей,—раскольниковъ сектантовъ, потому послѣдніе такъ яростно и возстаютъ противъ чудодѣйственной истины нетлѣнія мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ. Предстоящее Черниговское торжество является великою милостію Божіею къ нашему времени и нынѣшнему благословенному царствованію. Исполняя сердца всѣхъ вѣрныхъ чадъ своей Матери-Церкви неизреченною радостію, событіе это должно быть особенно знаменательно для дѣла вразумленія заблудшихъ братій нашихъ, которые такъ многочисленны въ этой именно епархіи,—разумѣемъ раскольниковъ Черниговскаго Стародубья.

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ",
ПРОТИВО-СЕКТАНТСКОЕ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

Новое періодическое изданіе посвящается дѣлу, такъ называемой, внутренней—по преимуществу, **противосектантской миссіи** отечественной Церкви, въ борьбѣ ея съ *раціоналистическимъ и мистическимъ сектантствомъ*, существующимъ среди православнаго населенія многихъ епархій, то въ видѣ старыхъ сектъ—*духоборства, молоканства, жидовства*, то въ новѣйшихъ формахъ—*штунды, баптизма, пашковщины, толстовщины*, а также въ видѣ тайныхъ сектъ—*хлыстовства, шалопутства, мормонства, скопчества* и др.

Программа журнала слѣдующая:

I. **Положительное изъясненіе и полемико-истолковательный разборъ мѣстъ Свящ. Писанія,** извращаемыхъ лжеученіями русскаго сектантства. II. **Извлеченіе изъ твореній св. отцевъ** (преимущественно II—IV в.в.) и произведеній знаменитѣйшихъ авторовъ отечественной церкви—ученія о тѣхъ догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ истинахъ вѣры, относительно коихъ не право мыслятъ русскіе сектанты. III. **Апологетическія и полемическія статьи объ основныхъ истинахъ вѣры и нравственности. Обличеніе заблужденій русскихъ сектъ.** IV. **Критическій разборъ** *сектантскихъ обрядниковъ, катихизисовъ и другихъ письменныхъ вѣроизложеній русскаго сектантства.* V. **Историческія свѣдѣнія и матеріалы** о русскомъ сектантствѣ, о сектахъ на западѣ и объ отношеніяхъ послѣднихъ къ первому. VI. *О церковно-гражданскихъ узаконеніяхъ и дѣйствующихъ распоряженіяхъ власти* о сектахъ и преступленіяхъ отпадшихъ противъ вѣры и Церкви. VII. **Миссіонерская методика.** Руководящія статьи объ условіяхъ успѣшнаго дѣйствованія на миссіонерскомъ поприщѣ приходскихъ пастырей, членовъ клира, мірянъ, приходскихъ попечительствъ, братствъ и народной школы. О наилучшемъ устройствѣ миссій и способахъ веденія частныхъ и публич-

ныхъ собесѣдованій съ православными, колеблющимися, сектантами, иновѣрцами, и вообще о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ, по пресѣченію развитія сектантства въ приходахъ и по охраненію православнаго народа отъ приражения къ нему иновѣрныхъ и сектантскихъ мнѣній, навыковъ и обычаевъ. Руководственные совѣты въ недоумѣнныхъ и затруднительныхъ случаяхъ миссіонерской практики. VIII. **Миссіонерская хроника.** О дѣятельности противо-сектантской миссіи и современномъ состояніи русскаго сектантства и раскола. Выдающіеся случаи возсоединеній съ Церковью и отпаденій въ сектантство. Воспоминаніе о болѣе полезныхъ и искусныхъ дѣятеляхъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. *Изъ записокъ и дневниковъ миссіонеровъ и пастырей.* Изъ отчетовъ епархіальныхъ миссій. О выдающихся *судебныхъ процессахъ по сектантскимъ дѣламъ. Этнографическіе очерки и разсказы о духовной и бытовой жизни русскаго сектантства.* Статистическія свѣдѣнія о русскихъ сектантахъ, о состояніи и направленіи западныхъ протестантскихъ сектъ. Разныя извѣстія и замѣтки. IX. **Библіографія.** Разборъ книгъ и обозрѣніе журнальныхъ статей, церковныхъ бесѣдъ и поученій, *относящихся къ миссіи.* X. **Приложеніе:** Проповѣди и **катихизическія поученія** объ основныхъ догматахъ вѣры, правилахъ нравственности и обрядахъ Православной Церкви. *Внѣбогослужебныя собесѣдованія* и

Миссіонерскіе листки для народа.

Подписная цѣна полному годовому изданію въ 24 книжки съ пересылкою внутри Россіи **пять** рублей,—за границу **шесть** руб. При подпискѣ на полугодіе—**три** руб. Съ требованіями на журналъ обращаться—по почтѣ: въ Редакцію журнала **„Миссіонерское Обозрѣніе“** въ Кіевѣ (Кирилл. ул., д. № 10); съ личными заявленіями—въ контору Редакціи **„Миссіонерскаго Обозрѣнія“**—Большая Владимірская, д. № 20 (противъ памятника Ирины).

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ.**
Редакторъ **Н. В. Переверзевъ.**